

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПОЭЗИЯ

Александр ПРОХАНОВ
Оплавленный янтарь4

Вадим ТЕРЁХИН
«Всё отдать, чтоб Его обрести...»31

Сергей ФИЛИППОВ
«Герой сегодняшний – не воин...»50

Светлана ГОРОШИЛОВА
«И на земле познать себя...»69

Василий ЛОВЧИКОВ
«Народ пугают третьей мировой...»99

Юрий МУРАШКИН
«Вечен в мире творящий добро...»110

Александр ЧИРКОВ
Философия осени.....120

Инесса ИЛЬИНА
«Из века в век, из года в год...»131

Валерий БОКАРЁВ
«В этом мире многолюдном...»148

Нина ГОЛОВАНОВА
«Пожалеем лето, что проходит быстро...» 160

Тамара ПОТЁМКИНА
«Как хорошо, когда в руке рука...»170

Анна МАЯКОВА
«Для счастья час мне нужен...»174

Надежда ОХРИМЕНКО
«Чтоб в эту жизнь – добро и свет нести...» 190

ЮБИЛЕИ

Марат ВАЛЕЕВ
Как Куприн в Балаклаве хотел
установить рыбацкую республику.....14

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(37) 2020
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 20.10.20.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ G-6327

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Валерий СУХОВ
Август Александра Куприна.....17

Александр БАЛТИН
К 125-летию
Сергея Александровича Есенина37

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай КАРТАШОВ
Гамлет Сумского уезда.....24

Александр КОЗЫРЕВ
«Грядущий век! Ты был спасён
двадцатым...»134

ПРОЗА

Юрий РЫЧЕНКОВ
Неправильная радость.....63

Борис МУЛЬТАНОВСКИЙ
Девочка и поезд.....125

Александр ЮДИН
Кукиш дьявола.....178

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ
Последний круг.....74

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Александр КУЩ
«Они все храбро воевали...»103

Василий ПОЛЯКОВ
Они защищали Родину114

ПАМЯТЬ

Евгения ПОЛЯКОВА
Наши деды – славные победы.....153

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений БУЗНИ
Что делать?.....164

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Сегодня уже нет сомнений в том, что мир вступает в новую эпоху, одним из главных признаков которой будет жёсткое отсечение лишнего – всего того, что прилепилось к человеческой цивилизации за время, прошедшее с момента ликвидации двухполярного мира и усиления тотальной агрессивной экспансии так называемой «либеральной» модели мироустройства. Прежде, до пандемии, инерция здорового консервативного начала в человечестве давала возможность в какой-то мере сохранить хрупкий баланс двух враждебных онтологических энергий – созидания и разрушения. Пресловутая, возведённая в культ толерантность давала возможность нормальному большинству человеческого общества двигать жизнь вперёд в рамках освящённых цивилизационным развитием алгоритмов, а меньшинству – агрессивно паразитировать за счёт большинства, попутно реализуя свои вырожденческие интенции и призывы. О причинах и закономерностях этого процесса сказано и написано немало, и здесь речь о другом. Коронавирус обрушил гнилые основы сомнительной идеологической системы, навязанной человечеству мировой закулисой. Сегодня напрямую встаёт вопрос о дальнейшем существовании фундаментальных цивилизационных ценностей, в том числе и таких, как, извините, права человека. Жизнь каждый день ставит такие вопросы, на которые в рамках «либеральной» демагогии ответа не будет. Традиционная культура стоит перед перспективой стремительной маргинализации, вытеснения на обочину магистральных процессов жизни. Во многом это имеет объективный характер, особенно перед лицом надвигающихся на человечество новых испытаний.

Следует помнить, что только опора на национальные и общечеловеческие духовные ценности позволит нам преодолеть эти испытания и выйти на новые рубежи в меняющемся мире. Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» твёрдо стоит на позициях нерушимого единства многонациональной России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2020

© Авторы, 2020

ПОЭЗИЯ

Александр ПРОХАНОВ

Александр Андреевич Проханов – писатель, поэт, публицист, общественный деятель. Родился в 1938 г. Главный редактор газеты «Завтра». Председатель Изборского клуба. Член Высшего творческого совета Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Оплавленный янтарь

Поэма

**Милый мой, свиданье было долгим.
Ни друзей вокруг и ни врагов.
Белый пароход плывёт по Волге,
А у Волги нету берегов.**

**Как светлы, как кратки были ночки.
Как свистел за речкой соловей.
Посажу лазоревый цветочек
На могилу любушки моей.**

**Как цвело и пламенело лето.
Как сверкала моря бирюза.
Мне осина круглые монеты
Осенью положит на глаза.**

**Век мой вскрикнул, вспыхнул и умчался,
И растаял где-то вдалеке.
Я в саду сиреневом качался
В клетчатом дырявом гамаке.**

•
Я в снегопад упал без одеяний.
Твоя рука в забытом серебре.
Брусничный лист божественных деяний
Красней, чем зори в чёрном ноябре.

•
Твоих лугов заплаканные лица
И стон слепых гармоник на селе,
Где вянет голубая медуница,
У сойки цвет лазури на крыле.

•
Я вижу сон. В часах опали стрелки.
Прошли на колокольню звонари.
Но звука нет. Две розовые белки
Осенних звёзд качают фонари.

•
Я вышел на крыльцо бездонной ночью.
Ведро воды с упавшею звездой.
Ты мне открой, о, милосердный Отче,
Зачем снега запахло резедой?

•
И грянул бой, священный, рукопашный
Цветущих трав и птичьих голосов.
Так опадают осенью вчерашней
Цветные листья с голубых лесов.

•
На белизне заснеженных страниц,
Где замерзает след стеклянный лисий,
У снегирей и золотых синиц
Расцвёл зари малиновый трилистник.

•
Моих полков, пропавших под Смоленском,
Последний след истаявших дорог.
Мне покажи на празднике вселенском
Родной избы обугленный порог.

•
Меня нашли в осенней лебеде
Средь чёрных стай, летящих на зарю,
Где золото на ветряной воде,
И белый лев склонился к фонарю.

•
В мой сад слетелись вещие синицы.
Железный век свой совершил прыжок.
Твоё лицо на белой плащанице
С моим лицом, как огненный ожог.

•
Настольных книг лукавое коварство.
Винтовок сталь в кровавых кулаках.
Куда ж нам плыть? Плывёт за царством царство,
И Божий лик сияет в облаках.

•
Я вижу сны окаменелых баб.
В пустых глазницах синие рассветы.
Я вижу след окаменелых лап
И слышу стук окаменелых веток.

•
Мы шли с полками туркестанской степью.
Я помню командиров имена.
Мне губы обжигал солёный пепел,
Впивались в грудь колючек семена.

•
 Благоухай, пион, цветок забвений.
 Я вновь целую дивные персты.
 На полотне белеющих мгновений
 Шелками шиты алые кресты.

•
 Я различаю голоса растений,
 Опутавших мой череп безымянный.
 Я тот, кто не отбрасывает тени.
 Я в тёмном небе – след зари румяной.

•
 Мне в колыбель упал зелёный лист.
 На гроб легла сырая гроздь рябины.
 Где та, с которой нежно обнялись,
 Земную жизнь пройдя до середины?

•
 С кремлёвских стен, краснее земляники,
 Сочится сок горячих топоров.
 Где золотой главой Иван Великий,
 Чернеют рты отрубленных голов.

•
 Я – книга неразрезанных страниц.
 Я – тот фонарь, где не бывает света.
 Летела стая розовых синиц
 И пропадала среди белых веток.

•
 Прости меня, что лучшую из лучших
 Я обижал и вольно, и невольно.
 Безумная луна бежала в тучах.
 За ней гналась кривая колокольня.

•
 У пулемёта разорвалась лента,
 И вдруг такая тишина настала.
 Трещал кузнечик в середине лета.
 В саду на землю яблоко упало.

•
 Последних снов обугленные тени.
 Последних слов осенняя трава.
 Последний вздох несбывшихся хотений.
 И выпал снег. Настали Покрова.

•
 Ещё был жив. Но мой прощальный взгляд
 Следил, как богомольные старушки
 Прилежно, по числу моих наград,
 Кроили кумачовые подушки.

•
 Я плыл по отражению дворцов.
 Два белых льва ко мне тянули лапы.
 Осенний ветер дул в моё лицо
 И мял края широкополой шляпы.

•
 Я погибал в последний день сраженья.
 Моей любви оплавленный янтарь,
 Где на воде струятся отраженья.
 Дворцовый мост и золотой фонарь.

•
 Бежал беглец, покинув поле боя.
 Мерцала звёзд бегущая строка.
 Ему вослед, засыпана землёю,
 Тянулась друга мёртвая рука.

•
 Грибов осенних полная корзина.
 Росой обрызган синий сарафан.
 Тот дивный день, тот шелест стрекозиный,
 Лесных цветов таинственный дурман.

•
 О жизни вечной вымыслам не верьте.
 Как тень бесследная, пройдёт за родом род.
 Я – мост, ведущий от рожденья к смерти.
 Я – по мосту идущий пешеход.

•
 Над бездною протянутый канат.
 Парящий в вышине канатоходец.
 Твоих духов осенний аромат.
 Моей любви заброшенный колодец.

•
 Два корабля из серой стали
 Дробили лёд седой и хрупкий.
 Пересекли залив и встали,
 Блеснув стеклом гранёной рубки.

•
 Мы слышали, как ангелы поют
 В той церкви, где хотели обвенчаться.
 Мы разошлись на несколько минут,
 Чтоб больше никогда не повстречаться.

•
 Холодных губ неразличимый лепет.
 Прощальных слёз солёная роса.
 Любимых рук неуловимый трепет.
 Сырое утро. Вносят образа.

•
 Кричи, петух, тайник заветов,
 Где каждый стих неизречён,
 Когда звезда в сплетенье веток
 Горит рождественской свечой.

•
 Когда померкнет всё на свете,
 Когда пройдут все поезда,
 Останется осенний ветер
 И одинокая звезда.

•
 Мне жизнь казалась тягостней свинца.
 Весь белый свет померкнул и затмился,
 Когда подсолнух твоего лица
 Всей красотой ко мне оборотился.

•
 И женский смех, и голошенье боя,
 И дивный стих, и запах свежих роз, —
 Исчезло всё. Исчезли мы с тобою.
 Остался шум кладбищенских берёз.

•
 Мой стих упал на дно сухого моря.
 Ушёл на фронт, забыв полить цветок.
 Лицо жены, померкшее от горя.
 Блокпост. Стрельба. Алеющий восток.

•
 Он был сражён безжалостной рукой,
 Всадившей пулю метко и жестоко.
 И был подхвачен белой рекой,
 В которой нет ни устья, ни истока.

•
 Когда промчусь я по кругам
 И мой настанет срок,
 Смерть поднесёт меня к губам
 И сделает глоток.

•
 Я акушер. Я принимаю роды.
 В моих руках грядущее родится.
 Открылся зев, и истекают воды.
 Своё дитя рождает дьяволица.

•
 Весь этот опыт с кровью и слезами
 Я никому на свете не отдам.
 Я смерть встречал с открытыми глазами,
 Закрыв глаза убитым городам.

•
 Тебя всё нет. Мы ждём тебя веками.
 Хочу понять. Но мне не суждено.
 Белеет в придорожье русский камень.
 Под ним лежит заветное зерно.

•
 Весенний месяц, золотой, двурогий,
 Коснулся перламутровой горы.
 Мы оставляем обувь на пороге
 И медленно ступаем на ковры.

•
 Нет ничего волшебнее и слаще
 Моих ночных струящихся видений.
 Я прячусь в сон, как зверь в лесную чащу,
 Страшась моих внезапных пробуждений.

•
 Мы пробирались сельвой к Рио Вава,
 Вели бои за броды и мосты.
 О, этих дней померкнувшая слава!
 О, сгнившие могильные кресты!

•
 Река в цветах и небо голубое.
 Тяжёлый кольт и полный магазин.
 Втроём мы пили пиво перед боем.
 Из сельвы возвратился я один.

•
 В Кремле разбилось голубое блюдо,
 И с колокольни колокол упал.
 Зажглись над Русью люстры революций,
 И начался крошечный русский бал.

•
 Померкнули блёстки мишуры мирской.
 Повиснут флагов ветхие мочалки.
 Тогда в ночи промчатся по Тверской,
 Сверкая пулемётами, тачанки.

•
 Там будет кровь в озёрах, как вода,
 И упадут созвездья к горизонту.
 Гремя огнём, пойдут на города
 Танкисты из восставших гарнизонов.

•
 Гори, гори, багровая звезда,
 Над миром истлевающих останков.
 Мне пели песню бронепоезда
 На стальных разорённых полустанках.

•
 Когда уйдёт с земли последнее созданье,
 И ангел улетит в сиянье белых крыл,
 Ты нам оставишь нищее даянье,
 Весенний снег оттаявших могил.

•
 Вонзил топор в берёзовое тело,
 И хлынул сок на голубую сталь.
 Потом капель всё медленней летела,
 Как будто белый ствол рыдать устал.

•
 Угрюмый чтец, я жизнь мою листаю.
 Есть полчаса до завершения суток.
 Ко мне летит испуганная стая
 Убитых мною златопёрых уток.

•
 Альбом фамильный, твёрдые листы,
 Моей родни торжественные лики.
 Как их глаза прекрасны и чисты.
 Как сладко пахнет чашка земляники.

•
 Россия, Русь, берёзовая грусть,
 Ты участи своей не избежала.
 Мне, сыну своему, разъяла грудь,
 Вонзив штыка отточенное жало.

•
 Нет ни друзей вокруг и ни врагов.
 Я удаляюсь по дорожке лунной.
 Ещё ты слышишь звук моих шагов,
 Но этот звук всё реже и бесшумней.

•
 Она ушла, не размыкая уст.
 Лишь на прощанье повела плечами,
 Сквозь заросли моих дремучих чувств,
 По заливым лугам моей печали.

•
 Я – прорубь в прошлое. На дне моём – цветы,
 И девять войн, и лица милых женщин.
 Но если в глубину взглядишься ты,
 Увидишь дым, сочащийся из трещин.

•
 Мы возвращались с пышных похорон.
 В пустых лесах мы схоронили лето.
 Летели стаи чёрные ворон,
 И дождь блестел на перекрестьях веток.

•
 Мне чудятся любимых голоса.
 Мне не забыть прикосновений нежных.
 Так не находят в сумрачных лесах
 Среди сугробов голубой подснежник.

•
 Как долгов был и ясен этот день.
 Последний гость ушёл, не скрипнув дверью.
 На кровли опустелых деревень
 Заря роняет голубые перья.

•
 Играй отбой, печальный барабанщик.
 Пусть не тревожит памяти твоей
 Тот, без меня расцветший одуванчик,
 Тот, без меня пропевший соловей.

•
 Мы отражались в чёрных зеркалах.
 В ночном стекле терялись наши лица.
 Проснулись пули в дремлющих стволах,
 Моей судьбы забытая страница.

•
 Когда уста молить устали,
 Когда исчах и изнемог,
 Тогда звезда из синей стали
 Пронзит испуганный зрачок.

•
 Не искушай волшебною красой.
 Не обольщай, прелестная шалунья.
 К нам смерть спешит с железною косой,
 И мы не доживём до новолунья.

•
 Сначала мать меня кормила грудью.
 Потом снаряды рвали кишлаки.
 Истекшей жизни злое многолюдье
 И тихий сон у медленной реки.

•
 Я не искал ни почестей, ни денег.
 Я на пиру был чашей обнесён.
 Я прожил жизнь среди дивных сновидений,
 И жду теперь, когда прервётся сон.

•
 Я был солдат. Я жизнь провёл в сраженьях.
 Моих утрат не взвесить на весах.
 Я потерпел земное поражение,
 Но одержал победу в небесах.

•
 В горах дремали розовые Будды.
 В тени чинар молчали мудрецы.
 В песках шагали пыльные верблюды.
 Я помню, как звенели бубенцы.

•
 В печи поёт, немолчен и неистов,
 Осенний ветер. Мне доносит он
 Далёких пуль полуночные свисты,
 Далёких слов неразличимый стон.

•
 Я перешёл большой скрипучий мост.
 Ни боли, ни тоски в усталом теле.
 Я был один. Потоки синих звёзд
 Текли в траву и тихо шелестели.

•
 Врагов отъявленная злоба.
 Друзей отравленный укус.
 Цветов осенняя хвороба.
 И спелых ягод горький вкус.

•
 Прорыт туннель в скале моих страданий.
 Когда дневные поезда пройдут,
 Их сменят поезда воспоминаний
 С вагонами, где плачут и поют.

•
 И третий раз мне этот сон приснился.
 Ночной фонарь качался на ветру,
 Печальный дом, в котором я родился,
 Осенний час, в который я умру.

•
 В заре, чернея, пролетели утки.
 Ночной камыш прошелестел и стих.
 Взошла звезда. Из тростниковой дудки
 Болотный царь мне прочитал свой стих.

•
 Я ждал тебя у запертой калитки,
 Когда придёшь из ветряных полей,
 Где в небесах – серебряные слитки
 Моей любви и осени моей.

•
 Я позабыл. Моё истёрлось имя
 В глухой молве легенд и небылиц.
 Я в том краю, куда промчался мимо
 Степной табун небесных кобылиц.

•
 Ты далеко, где синева тумана.
 Веками ждёшь. Меня всё нет и нет.
 Я притаился в глубине кургана
 Среди старинных слитков и монет.

•
 Сияй, сияй во дни ненастья
 В краю обугленных берёз,
 Звезда пленительного счастья,
 Луна невыплаканных слёз.

•
 Я ухожу, меня всё меньше, меньше.
 Теперь на вас гляжу издалика.
 И только впереди из тьмы крошечной
 Мерцают два лиловых огонька.

•
 В саду умолкли певчие дрозды.
 Соцветья звёзд над крышами повисли.
 Деревня спит. Две синие звезды
 Зима несёт на белом коромысле.

•
 Среди острова Буяна,
 Среди горестей и мук,
 Среди чёрного бурьяна
 Расцветает синий луг.

**Как лёд в рождественских купелях,
 Как воск истаявших свечей,
 Кто вы, что плакали и пели
 В руках усталых палачей?**

**Моих несбывшихся молений,
 Как дым остывших очагов,
 Гора обугленных поленьев
 В кострах ликующих врагов.**

**Слеза последнего мгновенья.
 Расстрел при утренней луне.
 Цветы и звери, и камень,
 Все будут плакать обо мне.**

**Фонарь в московском переулке
 И чей-то оклик на бегу.
 Мой стих в разохшейся шкатулке.
 Твой след на утреннем снегу.**

К 150-летию

Александра Ивановича Куприна

Как Куприн в Балаклаве хотел установить рыбацкую республику

В 2015 году я – кстати, за всю свою уже небольшую жизнь, – впервые побывал в вернувшемся в Россию Крыму и влюбился в него, можно сказать, с первого взгляда, так был очарован его сказочными видами, красивыми приморскими городами, самым Чёрным морем, вовсе не чёрным.

В Балаклаве после морской прогулки у нас разыгрался аппетит, и как только нашу группу туристов высадили с прогулочной яхты, мы тут же поспешили в одно из портовых кафе, где я и отведал впервые самую настоящую жареную акулу. Правда, небольшую, катран называется. После ужина, уже в ночь вышли на неярко освещённую набережную. И вот тут-то я и увидел памятник Александру Куприну.

Александр Иванович, задумавшийся и устремивший свой взор на бухту, стоял на брусчатке, коей были вымощены улицы Балаклавы ещё тех лет. Куприн, тоже как будто только вышедший из кафе и остановившийся на минутку на набережной, был здесь такой свойский, не забронзовевший, несмотря на материал, из которого был отлит, что я не удержался и во время фотографирования с любимым писателем (в молодости читал его запоем) чуточку приобнял. И Александр Иванович простил мне такую вольность, поскольку и сам в это время обнял меня...

Позже я обшарил интернет в поисках сведений, относящихся ко времени пребывания Куприна в Балаклаве. И о, слава тебе, всезнающая сеть! – уже через несколько минут выведать то, что постараюсь изложить здесь в сжатом виде.

Александр Иванович впервые посетил Балаклаву в сентябре 1904 года. Сюда он приехал из Петербурга, будучи заинтригованный рассказами об этом портовом городке знакомого крымского грека Денакса.

Куприн, кстати, давно уже мечтал переехать из сырого, холодного Петербурга куда-нибудь на

Марат ВАЛЕЕВ

Марат Хасанович Валеев – родился в 1951 г. Рос и учился в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (г. Алма-Ата). Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор свыше десятка сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики. Автор публикаций во многих российских журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси»–2008 (номинация юмор), Общества любителей русского слова (номинация проза, 2011), «Рождественская звезда–2011» (номинация проза), имени Виталия Бианки (2017). Член Союза российских писателей.

Живёт в Красноярске.

Памятник А.И. Куприну в Балаклаве

юг, желательно на морское побережье. И вот выбор его пал на Балаклаву. Пожив некоторое время в гостинице, писатель переезжает на Третью улицу, на дачу Ремезова (ныне это ул. Куприна, дом №1). Стараясь сблизиться с местным населением, Куприн неоднократно выходит с рыбаками в море, учится их непростому ремеслу, и его в конце концов принимают в рыбацкую артель!

И однажды случилось то, что случилось: Куприн настолько пропитывается бесшабашностью, независимостью балаклавских рыбаков, что как-то, будучи подшофе после удачного лова, отправляется с компанией своих товарищей из таверны напрямиком на телеграф. И оттуда на имя русского императора была отправлена знаменитая дерзкая телеграмма: «Балаклава объявляет себя свободной республикой греческих рыбаковъ. Куприн». Ответ пришёл практически тут же, но не от Николая II, а от премьер-министра царского правительства: «Когда пьёшь – закусывай. Столыпин».

Конечно же, Александр Иванович в этой сумбурной круговерти балаклавской жизни не забывал о главном своём предназначении – литературе. Здесь он создал серию пронзительных, достоверных очерков «Листригоны», точно описывающих тяжёлую работу и жизнь настоящих морских рыбаков. Это реальные люди, черноморские греки Юра Паратино, Христо Амбарзакки, Ваня Андруцаки, Коля Констанди и другие, годами рыбакавшие в Чёрном море и принявшие в своё брутальное братство ни черта не боящегося и ставшего своим в доску столичного интеллигента.

Собираясь обосноваться в Балаклаве всерьёз и надолго, Куприн даже приобретает участок земли в балке Кефало-Врис. Он уже составил и план дома и сада, раздобыл саженцы плодовых деревьев, уже и нанятые им рабочие готовы были приступить к работам в имении Куприна «Кефало-Вриси», но...

15 ноября 1904 года писатель становится свидетелем жестокой расправы над революционным крейсером «Очаков». В шоке от происшедшего, Куприн

пишет очерк «События в Севастополе», в котором осуждает расстрел и сожжение мятежного боевого корабля с сотнями матросов на борту. Он же принимает самое активное участие в сокрытии десяти матросов с «Очакова», спасшихся в Балаклаве: достаёт им гражданскую одежду и уводит на виноградники композитора П.И. Бларамберга (эти события впоследствии были описаны Куприным в рассказе «Гусеница»).

Адмирал Чужнин, обвинённый Куприным в убийстве очаковцев в газете «Наша жизнь», в гневе приказывает в течение одних суток выселить писателя из Севастопольского градоначальства, к которому относится Балаклава. Вынужденный подчиниться – за ним приходит полицейский пристав, – Куприн с большим сожалением покидает полубившийся ему город.

Он не хочет мириться с решением властей и спустя несколько месяцев возвращается в Балаклаву. Предпринимает попытку снова обосноваться в Балаклаве, его вновь немедленно выселяют из городка. Александру Ивановичу лишь благодаря взятке удаётся задержаться на два часа. Он наскоро обедает в плавучем кафе «Гранд-отеля», эту трапезу Куприн описывает в ироничном стихотворении «В Балаклаву – точно в щёлку в середине сентября...»

Писатель вынужден снова покинуть Балаклаву, как оказывается, уже навсегда. Но балаклавцы о нём не забыли. В 1994 году балаклавская библиотека №21, что на набережной, была названа библиотекой им. А.И. Куприна. Спустя шесть лет в самом начале улицы Куприна в его честь была открыта мемориальная доска. А в мае 2009 года и сам Александр Иванович вернулся в любимый город, правда, уже в виде памятника. И навсегда застыл на том месте, где он любил прогуливаться 115 лет тому назад.

ЮБИЛЕИ

Валерий СУХОВ

К 150-летию

Александра Ивановича Куприна

Валерий Алексеевич Сухов – родился в 1959 г. в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил ПГПИ им. В.Г. Белинского и аспирантуру при МПУ. Кандидат филологических наук, член Правления пензенского отделения Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор семи сборников стихов, лауреат Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» за 2010 г. Лауреат премии имени М.Ю. Лермонтова за 2009 и 2020 гг., лауреат премии «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» за 2011 год.

Живёт в Пензе.

Август Александра Куприна

Аля Александра Ивановича Куприна месяц август был судьбоносным. 26 августа (по старому стилю) 1870 года он появился на свет, 25 августа (по новому стилю) 1938 года писатель ушёл из жизни. Поэтому и купринское творчество ассоциируется у меня с этим месяцем. Это кольцо судьбы писателя заставляет задуматься о многом. Каждый год в конце августа я живу предчувствием новой встречи с городом Наровчатом – малой родиной писателя. Уверен, что детские годы, прожитые здесь, во многом определили характер его будущего творчества. Не случайно он так часто вспоминал о своих пензенских корнях. Чтобы понять и почувствовать самобытный «яблочно-медовый» вкус прозы Куприна, необходимо побывать на его родине – в старинном русском городе Наровчате, овеванном древними легендами, подняться на колокольню Троице-Сканова монастыря, с которой открывается наше трагическое и героическое прошлое.

Для меня Куприн с юности остаётся любимым прозаиком во многом потому, что он был очень поэтичен в своих описаниях любви. Первой купринской повестью, которую я с юношеским волнением прочитал, была «Олеся». Потом настало время возвышенного «Гранатового браслета» и страстной «Суламифи». Потряс своей жестокой правдой жизни «Поединок». Сравнительно недавно я познакомился с автобиографической повестью «Купол Исаакия Долматского». Прочитав её, я понял, почему Куприн вынужден был покинуть Россию и долгие годы прожить в эмиграции. Трагедия писателя, оторванного от России на долгие годы эмиграции и вернувшегося на родину умирать, отражена на картине земляка писателя, художника Павла Анискина с символическим названием «Возвращение Куприна». Так я назвал одно из своих стихотворений, включённых в купринский цикл.

Куприн – мой любимый русский писатель, поэтому в стихах, включённых в этот цикл, так много лично пережитого. Купринский подтекст в них часто лежит не на поверхности, а скрывается в глубине. Эти стихи, написанные в разные годы, мне хотелось бы собрать в один букет и положить его к подножию памятника Александру Ивановичу Куприну в Наровчате в день его 150-летия.

А.И. Куприн (1870 – 1938)

На колокольне Троице-Сканова монастыря

Бьётся не сердце, а колокол
В широкой русской груди!
С крестом золотую голову
В грозу нелегко нести.

Синие змеи молний
Вьются кругом клубком.
И среди мрака в полдень
Ударил в колокол гром!

В тучах кровавых Запад.
Туманом покрыт Восток.
Дьявол небо залапал –
Ливнем смыл пятна Бог.

Малиновый благовест солнца
Половодьем залил поля.
Молитвенно отзовется
Святым перезвоном земля.

И с колокольни Сканова
Седого монастыря
Русь откроется заново
Ясная, как заря.

Каменная баба

Закат, словно раненый сокол,
Над степью раскинул крыла.
Знать, в небе высоко-высоко
Смертельная битва была.

Не воронов чёрная стая –
Ночная спускается тьма.
И баба застыла седая,
Как камень, слепа и нема.

Глядят и не видят зеницы
Сквозь вихрем взметённую пыль.
Как страшно чернеют глазницы!
Как стелется белый ковыль.

Откуда у каменной бабы
Такая живая тоска?
Живот сберегая, спасла бы
Она от безлюдья века.

Но кровью истёк её сокол,
Раскинув по травам крыла.
Знать, в поле далеко-далёко
Смертельная битва была.

Родство

*Степь проснулась и ожила,
и, кажется, будто она дышит
глубокими, ровными и могучими
вздохами*

А.И. Куприн «В недрах земли»

В родстве с природой я живу.
От злого зноя степью маюсь.
Я ливнем падаю в траву!
И радугою поднимаюсь.

В зенит взлетаю в синеве
В разгар охоты соколиной!
И никну к матери – земле
Повинно головой полынной.

Печаль избыть я не могу.
Вздыхают, высыхая, травы...
Валки на скошенном лугу –
Как строки «Слова о полку» –
Хоругви сгубленной державы.

Воспоминания

Даже цветы на родине пахнут по-иному

А.И. Куприн

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут бурёнки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с устатку молока...

Звенит вечерошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчёл, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену – облака
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

Дом Куприна

Покорен Божьей воле
Был город Наровчат.
После пожара – горе:
«Лишь колышки торчат».

Овеян тёплой грустью
В плену у тишины.
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

Здесь в августе родился
Сын младший – Александр.
Здесь в Русь он погрузился,
И Русью стал он сам.

Татарская порода.
Характер! Ох, держись...
Три прожитых здесь года
Он вспоминал всю жизнь

И помнил – есть в России
Родимый уголок...
Разрушить «мир насилия»
Страну сподобил рок.

Пришлось покинуть Гатчину.
С Совдепом воевать.
О Родине утраченной
Над Сеной тосковать

Промозгло за границей.
И мёд горчит, как яд.
И надо же ... Приснится
В Париже – Наровчат!

Овеян тихой грустью,
В плену у тишины
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

С тоски в чужих хоромах
Не мудрено запить...
Тепло родного дома
Куприн не смог забыть.

Осень – Олеся

Осень – Олеся гадала
Ветру на картах листвы.
Снова ему выпадала
Доля сорвиголовы.

Он же в ответ рассмеялся,
Бросил червонцы в подол,
Свистнул и в поле умчался.
Там свою гибель нашёл...

«Тёмен мой путь или светел?
Осень – Олеся, скажи!
Может, я сгину, как ветер,
Искрою Божьей в глуши?»

Осень – судьба разметала
Листья в полночную тьму.
И Куприну нагадала
Посох, чужбину, суму.

Набег

Обжигает дыханьем сухим суховой.
В нём бескрайняя горечь полынных степей.

Гарь спалённых хлебов и родных пепелищ.
Поминальных курганных высоких кострищ.

Суховой, как орды беспощадный набег.
И из века всё так повторяется в век.

Где крылами махнёт суховой – всё горит
И не ведает он, не поймёт, что творит.
Там где древний когда-то стоял Наровчат,
Только чёрные трубы из пепла торчат...

Возвращение Куприна

*Меня, великого грешника перед Родиной,
сама Родина простила.*

А.И. Куприн

Снисходительно блудного сына
Принимала в объятья страна.
Иссякала былая сила
На чужбине у Куприна.

Скуден быт эмигрантских буден.
Сплетни – мухи в сетях паутин:
«О любви снова пишет Бунин.
И по-прежнему пьёт Куприн».

Колесом судьба переехала.
Не прижился среди парижан.
И всё больше походит на Чехова
Поседевший «татарский хан».

Лик России – на панагии.
В горле – с пашни российской ком.
Волком выл он от ностальгии:
«До Москвы хоть сейчас пешком!»

По кровавому насту с хрустом
Босиком босяком нагим.
Что такое «шестое чувство»?
Любят Родину чувством таким!

Жить надеждой на возвращение.
Даже думать о том не смей...
Даровали ему прощение,
Дав на Родине умереть.

Даровала грехов отпущение
Благороднейшая страна,
Принимая за укрощение
Возвращение Куприна.

Август Александра Куприна

Дни сочатся мёдом, словно соты.
В слове «август» слышен яблоч хруст.
Вновь пришла пора грибной охоты.
Грусть – тоску развеял первый груздь!

Напоследок в росах отразилось
Розовое зарево зари.
Сердце сладкой горечью налилось
И огнём гранатовым горит.

И хотя ещё резвятся грозы,
И сквозь солнце ливень льёт слепой –
Всё печальнее шумят берёзы
Над седой купринской головой...

Холоднее делается лето.
Август – жизни устье и исток...
Сорвана душа порывом ветра.
И антоновкой лежит у ног.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай КАРТАШОВ

Гамлет Сумского уезда

Признанный классик русской литературы Иван Сергеевич Тургенев героев своих произведений большей частью не придумывал. Прототипами ему служили его же друзья или знакомые. Правда, он давал им другие имена и фамилии. Но современники без труда угадывали, к примеру, в Рудине из одноименного романа «Рудин» Михаила Бакунина и историка Тимофея Грановского. А в лидере философского кружка Покорском из того же романа узнавали Николая Станкевича. «Когда я изображал Покорского, – вспоминал Тургенев, – образ Станкевича носился передо мной».

Черты ещё одного из своих друзей – поэта Ивана Ключникова – Тургенев воплотил в образе главного героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда». Писатель создал портрет немного странного, но доброго и одинокого человека, искренне смеющегося над собственными поступками и отрешёвшегося от окружающего его общества.

«Пусть я останусь для вас неизвестным существом, пришибленным судьбою Васильем Васильевичем, – признаётся главный герой своему собеседнику, в данном случае автору, то есть Тургеневу. – Притом же я, как человек неоригинальный, и не заслуживаю особенного имени... А уж если вы непременно хотите мне дать какую-нибудь кличку, так назовите... назовите меня Гамлетом Щигровского уезда. Таких Гамлетов во всяком уезде много, но, может быть, вы с другими не сталкивались...»

Действительно, поэт Иван Ключников был человеком не без странностей, жизнь уготовила ему довольно путаную судьбу, о которой и хочется поведать читателю. Поэтому свой рассказ я и назвал «Гамлет Сумского уезда», а художественный образ Василия Васильевича, созданный Тургеневым, постараюсь превратить в реального Ивана Петровича. И моё повествование о нём будет носить строго документальный характер. Начну же с его биографии.

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-литическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин», и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда творческих премий. Живёт в Москве.

Иван Петрович Ключников родился 2 декабря 1811 года на хуторе Криничном (ныне Солидарное. – Н.К.) Сумского уезда Харьковской губернии (ныне Сумская область, Украина. – Н.К.). Происходил будущий поэт и педагог из дворян. Его отец, Пётр Трофимович Ключников, небогатый помещик, дал сыну хорошее домашнее образование. Обучение и воспитание Иван проходил под руководством учителя-гувернёра среди благодатной малороссийской природы. Спустя годы Ключников, вспоминая детские годы, напишет:

*Я помню детство: в радужных лучах
Жизнь предо мной роскошно расстилалась,
Взор отдыхал на розах, – а в мечтах
Лишь радость новой радостью сменялась.*

В 1825 году родители отправили мальчика в Москву, где он продолжил образование в Первой губернской гимназии. А спустя три года, блестяще окончив гимназию, Ключников стал своекоштным студентом словесного отделения Московского университета. Вот как его портрет описывал современник: «Это был молодой человек, весёлый и приветливый, с пушистыми бакенбардами... в мундирном фраке и картузе с длиннейшим козырьком».

В начале 1831 года в жизни Ключникова произошло знаковое событие – он познакомился со студентом Николаем Станкевичем, который тогда учился на первом курсе. Станкевич был на два года и на два университетских курса моложе Ключникова. Но это нисколько не помешало тому, чтобы между ними практически сразу установились дружеские отношения. Причиной была притягательная сила Станкевича, к нему, словно к роднику, тянулись студенты разных возрастов и курсов.

*К тебе, хозяин, в твой приют
И тесный и холодный
Толпою юноши идут
Беседовать свободно...*

Так начиналось одно из стихотворных посланий Ключникова к Станкевичу, ставшему главой знаменитого впоследствии литературно-философского кружка. Чуть ли не ежедневно у Станкевича собиралась молодёжь, чтобы погрузиться в атмосферу, насыщенную умственными устремлениями и нравственными запросами. Философия, искусство, наука давали здесь каждому участнику кружка мощный заряд знаний. Ключников в этом кружке был одним из самых активных штыков. И не только. Мастер на шутки, каламбуры, эпиграммы, Ключников забавлял ими своих друзей. Он умел снять доброй шуткой и напряжённый спор, и полусонную атмосферу какой-нибудь пресной университетской лекции.

Долгие прения своих друзей Ключников метко окрестил «взаимным щупаньем голов»; при встрече на балу на вопрос одного из славянофилов: «Чем начиналось новгородское вече?» – он шутливо ответил: «Мирскою сходкой».

Станкевич, часто восхищавшийся той или иной чертой в характере своих товарищей и по-доброму завидовавший их достоинствам, тоже вызвал у Ключникова в свой адрес остроумное замечание. А звучало оно так: «Это серебряный рубль, завидующий величине медного посеребрённого пятака». Понижающий юмор Станкевич не обиделся на своего друга.

Едкими эпиграммами отзывался Ключников и о некоторых профессорах. К примеру, одну из них он написал о самолюбивом и пронырливом профессоре словесности И.И. Давыдове:

*Иван Иванович Давыдов –
Подлец по сердцу и из видов,
В нём грудь полна стяжанья мукой,
Полна расчётов голова,
И тащится он за наукой,
Как за Минервою сова.
Сквернит своим прикосновеньем
Науку Божию педант.
Так школьник тешится обедней,
Так негодяй официант
Ломает барина в передней.*

Но сочинял Иван и серьёзные стихи, которые найдут своё место на страницах «Московского наблюдателя», «Современника», «Отечественных записок», других изданий. Он, как и Станкевич, любил и понимал настоящую поэзию. «Мы проводили целые вечера, упиваясь музыкой стихов Пушкина, Гёте, Шиллера», – свидетельствовал Ключников.

Со Станкевичем Ключников сошёлся не только на ниве поэзии. Вместе они изучали философию. «С Ключниковым мы читаем один раз в неделю Шеллинга», – сообщал в одном из писем своему другу Я.М. Неверову Станкевич. В другом послании он писал: «Иван Петрович сейчас будет ко мне, читать со мною Канта».

В то же время философия не увлекала Ключникова до степени самозабвения, он не искал в Шеллинге, Фихте, Канте ответов на все загадки бытия. Неслучайно Станкевич вскоре прекратил с ним заниматься. А причина состояла в том, что, вместо обсуждения, Ключников останавливался в середине параграфа, предлагал свои замечания и такие комментарии, от которых смешливый Станкевич помирал со смеху.

«Он был Мефистофелем небольшого московского кружка, весьма зло и едко посмеиваясь над идеальными стремлениями своих приятелей, – писал о Ключникове в книге «Н.В. Станкевич. Переписка его и биография» известный литератор П.В. Анненков. – Он был, кажется, старше всех своих товарищей, часто страдал ипохондрией, но жертвы его насмешливого расположения любили его и за весёлость, какую распространял он вокруг себя, и за то, что в его причудливых выходках видели не сухость сердца, а только живость ума, замечательного во многих других отношениях, и иногда истинный юмор».

Дополняют портрет Ключникова и стихи Якова Полонского:

*Он по летам своим был сверстник
Белинскому. – Станкевич был
Его любимец и наперсник.
К нему он часто заходил
То сумрачный, то окрылённый
Надеждами, и говорил –
И говорил, как озарённый.*

В 1832 году Ключников успешно окончил университет и, получив учёную степень кандидата словесных наук, занялся педагогической деятельностью. Он даёт частные уроки, в том числе готовит к поступлению в Московский университет юного Ивана Тургенева. Среди его учеников того периода также будущий публицист, общественный деятель Юрий Самарин, Александр, младший брат Станкевича. Хорошо идёт у него и преподавание всеобщей истории в Московском дворянском институте. Глубокие знания, умение рассказывать о людях и событиях далёкого прошлого, живой, колоритный язык – всё это покоряло учеников и снискало Ключникову славу даровитого педагога. Однако учёная кафедра нашего героя не прельщала, хотя у него были все задатки стать учёным-историком. Как подтверждение – сохранившаяся рукопись научной работы Ключникова «О духе римской литературы» на двух языках – русском и латинском.

– Профессором быть не хочу! – категорично ответил он на предложение кого-то из коллег заняться научной деятельностью.

И не стал. Не привлекла Ключникова и работа в журнале «Телескоп», выпуском которого на тот момент занимались члены кружка Станкевича. И в дальнейшем он мучается в поисках дела, которым мог бы быть больше всего «полезен обществу». Но так и не нашёл себе применения, что стало причиной тяжёлого психического недуга.

Подтверждение этому находим в письме Т.Н. Грановского Станкевичу: «Ключников хандрит ужасно и не похож на себя; отделился от всех... Из прежнего у него, кажется, осталась только любовь к тебе». В другом письме он сообщает, что Ключников расстался со всеми, не посещает кружок. Оставшись в одиночестве, он окончательно убил в себе волю, превратился в ноющее, безвольное существо. По свидетельству одного из друзей, недуг едва не привёл Ключникова к самоубийству.

Позднее он сделает такое признание Станкевичу: «Ты часто пророчил мне передрыгу; она случилась со мной – и была ужаснее, нежели я мог вообразить себе... два или три месяца я был сумасшедший, потом медленно (почти год) оправился, и теперь уже в дверях, уже в передней новой жизни».

В свою очередь Станкевич настаивал на том, чтобы Ключников приехал в Берлин. Предполагалось, что длительное путешествие встряхнёт его, оживит, что Берлин обострит в нём интерес к науке и вдохнёт в его душу жизнь. «Ивану Петровичу это одно спасенье», – писал Станкевич А.П. Ефремову.

К счастью, здоровье Ключникова пошло на поправку. «Иван Петрович поправляется и в здоровье, и в образе мыслей, но жизнь всё так же бедна, как прежде, – сообщал В.Г. Белинский М.А. Бакунину. – Вот тебе, кстати, анекдот об нём. Самарин однажды утешал его, советовал ему терпеливо сносить несчастье, как божие испытание, и присовокупил к этому, что и сам он много терпел. “Ваше превосходительство, – отвечал я ему (говорит Ключников), – вы страдали, опираясь на семь тысяч душ, вы сражались с судьбою из-за фронта, а я шёл против неё с открытою грудью”. Но шутки в сторону.

Я рад, по крайней мере, что он уже не колобродит своими понятиями, что он мыслит, как должно, а это большой шаг; бог даст – и воскреснет вполне для жизни высшей, начало которой он носит в душе своей».

Клюшников вновь взялся за стихи. Наполненные мягким лиризмом, они подкупали неподдельной искренностью, глубоким чувством, выраженным в них, типичным и вместе с тем сугубо откровенным. Стихотворения, публиковавшиеся в «Московском наблюдателе», «Современнике» и «Отечественных записках», имели большой успех: их с нетерпением ожидали, читали и перечитывали, заучивали, переписывали в альбомы. Лучшими его стихотворениями считаются «Любителю музыки», «Собирателям моих элегий», «Жизнь»... В этом же ряду замечательные стихи о женщине, её красоте и, конечно, о любви:

*Я понимаю взор твой страстный,
Я знаю смысл твоих речей.
Я вижу всё... Но, друг прекрасный,
Я не прошу любви твоей!
Тоску души моей холодной
Она не в силах исцелить:
Я не могу любить свободно,
Я не могу, как ты, любить.*

Казалось бы, этот успех должен был окрылить молодого поэта и побудить к дальнейшему творчеству, но он неожиданно покидает Москву. И делает признание:

*Я не поэт!..
Давно уж я позвал себя к ответу,
Давно разсчёлся сам с собой...*

Дальнейшая жизнь Клюшникова была полна загадок. Ходили слухи, что он умер. А между тем «покойный» жил-поживал себе среди белых украинских хат под камышовыми крышами и среди «земляче» в своём имении на хуторе Криничном, что в Сумском уезде Харьковской губернии. Правда и то, что друзья нередко о нём вспоминали:

*Он был далеко не ребёнок,
Всё помнил: и жизнь, и век,
Зло и добро – был добр и тонок.
Но – в свете лишний человек.
Как часто, сам сознавшись в этом,
Искал он дела – и грустил;
Хотел учёным быть, поэтом,
Рвался и выбился из сил.
Он беден был, но не нуждался,
Хотел любить – и не влюблялся,
Как будто жар его любви
Был в голове, а не в крови.*

До глубокой старости Гамлет Сумского уезда Клюшников, а он пережил Станкевича 55 годами, продолжал писать стихи.

Кстати, стихи писал Клюшников пророческие. Он, словно провидец, увидел, как Россия будет умыться кровью в начале XX века и какие смутные времена ей придётся пережить в конце того же века:

*Над всею русскою землёю,
Над миром и трудом полей
Кружится тучею густою
Толпа нестройная теней.*

*Судьбы непостижимым ходом –
Воздушным, бледным, сим теням
Дано господство над народом,
Простор их воле и мечтам.*

*Когда насилие с соблазном
Пошли на Русь рука с рукой,
Когда, смущаясь в духе разном,
Сдавался русских верхний строй.*

*Соблазн, насилие, коварство
До цели избранной дошли,
И призраков настало царство
Над тяжким сном родной земли.*

*А ты молчишь, народ великий,
Тогда как над головой твоей
Нестройны раздаются крики
Тобой владеющих теней...*

Писал Клюшников и прозу. В 1849 году в «Отечественных записках» был опубликован его рассказ «Любовная сказка» с эпиграфом «Жизнь чаще походит на роман, нежели роман на жизнь». Произведения Клюшникова появлялись в «Литературной газете», «Отечественных записках», «Русском вестнике». Правда, подписаны они были необычным псевдонимом «- Э -» (первой буквой греческого слова «феос» – бог).

В 1880 году Клюшников, спустя многие годы, вновь приехал в Москву. «Он явился будто выходец из того света, но не испугал, а обрадовал старых приятелей, – вспоминал Михаил Катков (М.Н. Катков, член кружка Станкевича. – Н.К.) – Тут передал он нам несколько вылившихся у него в последнее время прекрасных стихотворений».

Почти два месяца недавний отшельник находился в Первопрестольной. Этого срока ему хватило на то, чтобы повидаться со старыми друзьями, увы, к сожалению, лишь немногими. Да и они с трудом узнавали в человеке с бородой некогда весёлого хлопца из Малороссии. Наиболее тёплый приём Клюшников нашёл у своего бывшего ученика, младшего брата Николая Станкевича Александра. К тому времени Станкевич-младший уже «отметился» в литературе своими повестями «Ипохондрик», «Фомушка», «Идеалист», книгой-биографией «Тимофей Николаевич Грановский». Они много говорили о литературе, делах московских, вспоминали при этом Николая.

Вообще Клюшников всегда с огромным уважением относился к Станкевичу, называя его первым из друзей, о чём свидетельствует одно из сохранившихся писем: «Любезный Николай Владимирович! В последнем своём письме к Неистовому Орланду (Белинский. – Н.К.) – ты говоришь обо мне, как о человеке, который совершенно забыл тебя. Не писать ещё не значит забыть.

Я помню, я думаю о тебе больше всех твоих знакомых; даже (жаль, если я ошибаюсь) и понимаю тебя лучше всех твоих знакомых – и при всём том, я не писал тебе...»

Сохранилось также несколько писем Ключникова к Александру, брату Станкевича, написанных в те годы. Они говорят о том, как прочно продолжали сохраняться в Ключникове старые привязанности. Вот строки из одного такого письма: «...Сам падал, сам вставал, хотя по большей части оставался верным памяти тех прекрасных людей, с которыми судьба свела меня в молодости. В числе их первое место занимает ваш усопший Коля. Последнее слово машинально сорвалось с пера, и в душе моей встала такая масса видений и звуков – что мне не хочется писать даже». И далее он продолжает: «Теперь, по прошествии 40 лет труднопрожитой жизни, – я изменил свои понятия о многом, но чувства мои к бывшим спутникам моей молодости остались неизменными...»

В другом письме Ключников описывает свою вторую поездку в Москву: «После Вашего отъезда я провёл целый месяц в Москве. Читал, гулял, делал визиты; обошёл все места, где когда-то жил или жили добрые спутники моей молодости. Постоял и помечтал перед домом (бывшим Лаптевой), где столько раз беседовал с незабвенным Николаем Владимировичем и где навсегда с ним простился почти 50 лет тому назад...»

Но ещё раньше, в 1840 году, когда не стало Станкевича, Ключников написал замечательное стихотворение, посвящённое памяти друга:

*Его душа людской не знала злобы:
Он презирал вас – гордые глупцы,
Ничтожества, повапленные гробы,
Кумиров черни грязные жрецы!*

*Друг истины, природы откровений –
Любил он круг родных сердец,
И был ему всегда доступен гений,
И смело с ним беседовал мудрец.*

Умер Ключников в благовейной малороссийской тишине, вдали от шума и суеты. В метрической книге Николаевской церкви села Подлесновка Сумского уезда местный дьяк каллиграфическим почерком сделал запись: «Умер 16, погребён 18 февраля 1895...».

Завершая рассказ об Иване Ключникове, следует сказать, что имя студенческого друга Станкевича не пропало в безвестности. Его стихи востребованы и в наши дни. В частности, большинство его стихов было опубликовано в книге «Поэты кружка Станкевича», вышедшей в популярной в советское время серии «Библиотека поэта». В Сумской области (Украина. – Н.К.), на родине поэта, издан сборник его стихов «Сердце просится любить». Там же вышла книга «Иван Ключников. Судьба и творчество». В каждом из этих изданий, кстати, напечатанных на русском языке, есть немало тёплых строк, посвящённых Николаю Станкевичу.

ПОЭЗИЯ

Вадим ТЕРЁХИН

Вадим Фёдорович Терёхин – поэт, сопредседатель Союза писателей России, вице-президент Международной академии русской словесности (Москва), председатель Калужского областного отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», член координационного Совета международного поэтического движения «Мир без стен» (WWW), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург), действительный член академии Российской словесности (Москва), действительный государственный советник II класса Калужской области. Родился в 1963 г. в пос. Песоченский Тульской области. Окончил Казанское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск им. маршала артиллерии М.Н. Чистякова и Литературный институт им. А.М. Горького. Лауреат многих литературных премий.

Живёт в Калуге.

«Всё отдать, чтоб Его обрести...»

Апокалипсис

Несущий страшную заразу.
Подобен вычурному сглазу –
Я на просторах бытия
Для всех надолго стану главным,
Незримым, властным, своенравным,
Да и не главным – тоже Я!

Без цвета, запаха, летучий,
Я вездесущий и могучий,
И у меня хватило сил,
Когда при мировой огласке
На праздник праздников – на Пасху
Я даже Бога отменил.

Всему имея сопричастность,
Внесу я сразу в жизни ясность,
Что человеку человек
Не друг и брат, а только частность,
Прямая горечь и опасность,
Как некто снизу нам предрек!

Меня повсюду будет много.
Я властью, данной не от Бога,
Земное племя обвиню

Во всех грехах, сгною в участке,
И с помощью обычной маски
Я этот мир разъединю!

От язвы мировой
Таюсь в лесной избёнке.
Теперь я домовый
Поэт на удалёнке!

Бессрочно находясь
На карантине строгом,
Налаживаю связь
Я ежедневно с Богом!

Творю молитвы я,
Жгу восковые свечки.
Чтоб судьбы бытия
Предвидеть из-под печки.

*Человек – нечто, что должно
быть преодолено...*

Ф. Ницше

Я жить хотел бы по Заветам,
Быть в очистительном огне
И наслаждаться только светом,
Но тьма упорствует во мне.
И если говорить о вечном,
Искать разумное зерно:
Всё человеческое нечто
Должно быть преодолено!
И в этих формах бестелесных,
Что нам с рождения под стать,
Я буду слушать птиц небесных
И горним ангелам внимать.

Неужто ниспослано свыше,
Что землю в положенный срок
Захватят летучие мыши
И вирус – их главный пророк?!

Неужто в сраженьях за место
Под солнцем
в клетушках квартир
Держать под домашним арестом
Он сможет взбесившийся мир?!

Мы строим вокруг оборону,
Надеясь вот так по-людски,
Что скоро грибную корону
Сорвём с его круглой башки!

И мир сразу станет понятен.
И правды взойдёт торжество.
И столько расплывчатых пятен
Мы спешим тогда на него!

Говорят, что каждый модник,
Чтоб от века не отстать,
Должен впредь носить намордник,
На собратьев не чихать.
И на долгие недели,
Будто брачное кольцо,
Человечеству надели
Эту тряпку на лицо!
Обязали чувством долга.
Намекнули, что беда,
Может быть, пришла надолго,
Ну, а лучше – навсегда!
Ни ответа, ни привета,
Непонятно, что к чему.
И на свете нету света,
Что рассеивает тьму.

В медных трубах и в огне,
В облаках когда витаю,
Боже, ты всегда во мне,
Только я себя не знаю.
Я с туманною душой,
Непонятный, многоликий
Сам себе во всём чужой,
Только Ты один Великий!

Я прошу наедине
Под уютным сводом храма
Расскажи мне обо мне,
Как когда-то в детстве мама.

Убеди, что быть добру.
И заставь поверить чуду:
В то, что весь я не умру
И с Тобою вечно буду!

Пускай Господь народ хранит!
И лишь о том мы Бога просим,
Чтоб нас терзающий COVID
Развился в Болдинскую Осень!
И мир, как Пушкин, в карантин,
Куда теперь любой зачислен,
Восстанет из своих глубин
Для торжества свободной мысли.

Возьмётся за тяжёлый труд.
Омоется в чернильной влаге.
И рифмы бойко потекут!
Рука потянется к бумаге!

Посещал всех без опаски.
Был в любое время вхож,
Но теперь посредством маски
Я забыл, как я хорош!

Сердце требует простора
И хороших новостей,
Но сегодня я как Зорро
Всюду прячусь от властей.

Берегусь от злой природы.
И наверняка пойму
Ценность внутренней свободы
Через внешнюю тюрьму!

Этим нечаянным вирусным летом
Я бы хотел быть только поэтом.

Семя не сеять, поля не пахать.
Птицей небесной по жизни летать.

Братья и сёстры – дрозды и синицы,
Что же с нас взять, мы пернатые птицы!?
Что же последнее жадно отнять
Право чирикать, свистеть, ворковать!?

Желая осмыслить своё бытие
И только за то, чтоб общался Ты с нами
Мы многих убили во имя Твоё,
Сожгли на кострах, закидали камнями.

Друг друга вели от беды до беды.
Поскольку известно, что немощен сущий,
Мы так замутили источник воды
В жизнь вечную с нами незримо текущий.

Свет светит во тьме, но упорствует тьма.
И нет для того никаких оснований –
Войти в Твоё Царство дорогой ума,
Попутно не выбрав дорогу страданий.

Нет, ни беда, ни катастрофа,
О том гласит Благая Весть,
Что восхождение на Голгофу
Для каждого большая честь.

Всем, кто растоптан и унижен,
Отвергнут миром до поры
Есть утешенье в том, что ближе
Дойти до Бога с той горы.

Я не сплю и жду распада.
Взгляд прикован мой к часам.
Кто-то мне привет из ада
Посылает по ночам!

Кто туда ушёл за солью,
Пересёк земной предел,
И своей нездешней болью
Поделиться захотел.

Знаю точно, что в четыре,
В пять и даже в шесть утра,
Несомненно, что-то в мире
Переделывать пора!

И когда ты себя исчерпал,
И уже всё не будет как прежде,
Возвращаясь к началу начал,
Из последней и робкой надежды,
Подводящей последний итог,
У тебя появляется Бог!

Непонятный людскому уму,
Он стоял за невидимой шторой.
Оказалось, ты нужен Ему!
В этой жизни туманной, в которой
Ты бродил по углам как слепой,
Он всё время был рядом с тобой!

Ты у мира уже не в чести.
Ходишь тенью немного укора.
Всё отдать, чтоб Его обрести –
Непременная часть договора.

ЮБИЛЕЙ

Александр БАЛТИН

К 125-летию Сергея Александровича Есенина

Пророк

1

Пророк волшебного, теремами – в том числе словесными – украшенного Китежа, последний звонкий голос деревни, Есенин воистину ощущал:

*Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.*

Мистика «Инония» – от замшелых камней вечности, от Голубиной книги, от резервов Руси: позабытых, но не растраченных.

Мистика – от ощущений ложности церковного обряда: если не от знания правды Христовой, ибо, когда пророк утверждает:

*Время моё приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплёвываю изо рта.*

Тут нет никакого кощунства: Христос рек на Тайной вечере: ешьте хлеб-плоть-суть моего учения, и пейте вино-кровь-сущность моих слов: то есть – следуйте моему примеру, и сможете построить приемлемый социум на земле.

Следовать не смогли.

Заменили ничего не значащим, пустым, мёртвым обрядом, и пророк-поэт понял это.

Не хочу я небес без лестницы...

Глобальный символ – лестница, отставленная в плоскостном, косно-материальном существовании человечества – возникает неспроста: небеса невозможны без оной.

Александр Балтин – член Союза писателей Москвы, автор многих книг, свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Якутии, Эстонии, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Живёт в Москве.

А свет, изливающийся из них, может гармонизировать пространство и жизнь, если его правильно понять.

Но – рвутся упругие ритмы «Инонии», мощь её – из звёздных бездн; мощь сокрушителя – ради созидания.

Так Хлебников мечтал о грядущем очищении-объединении, всерьёз назначая себя председателем земного шара, ибо ведал, какие векторы будут во благо.

Многоцветны ранние поэмы Есенина: есть в их цветовой гамме нечто от мистической Византии грядущего, где старых нет, до которой не добраться, даже громоздя невиданные словесные картины.

И «Отчарь», и «Октоих» переполнены небом, хлебом, месяцем, тучами; метафорика их густа, как алхимический раствор в незримой колбе; и всё в них – устремлённость в будущее, чьи громы – но и гармонию – не представить пока.

...гигантский рост Есенина-поэта позволял ему нести на руках солнце, и видеть кроткие коровьи очи Руси.

«Октоих» – личная, кратко и сильно выстроенная молитва, с таким соприродным ощущениям запредельности, что и читающий начинает верить в неё:

*О дево
Мария! –
Поют небеса. –
На нивы златые
Пролей волоса.*

*Омой наши лица
Рукою земли.
С за-гор вереницей
Плывут корабли.*

Если избыточно яркая, пёстрая до ряби в глазах «Марфа Посадница» больше каталог словесных узоров, то «Инония», «Октоих» это живая, древняя, отчасти сектантская, отчасти эзотерическая метафизика...

*И – пророчества...
А сбудутся ль?..*

Пока остаётся только причащение высотам поэзии, предложенной Есениным.

2

Чёрный костюм, чёрный цвет...

Чёрный – как свидетельство об отказе от жизни: если чернота: проран, провал, никакой свет невозможен...

С.А. Есенин (1895 – 1925)

Такой нежный, напевный, сверх-русский Есенин, мерно погружающийся в бездны – причём сразу в две: христианской, отчасти сектантской мистики и пьянства, Есенин-гений, Есенин-красавец, непонятно зачем гробящий себя, видит тень в костюме – при том костюм такого же чёрного цвета, как страшная, inferнальная тень...

Заметим в скобках: Моцарт, выше Есенина даром, видел, вероятно, такое же существо (только, пожалуй в плаще угольного цвета), пришедшее ему заказывать последний шедевр – Реквием.

И ещё раз – в скобках: покупатель тени у Шамиссо из той же серии, если вообще не один и тот же персонаж.

Прескверный гость Есенина ничего не заказывал – просто появлялся: может быть, на скамье бульвара, мимо которой проходил Есенин, может быть, в комнате: на миг, не поддержишь диалога, в отличие от чёрта Ивана Карамазова (кстати, «Чёрный человек» вполне достоевская поэма, хотя отношение Есенина к старшему русскому классическому, кажется, чётко не проявлено).

Амбивалентность – красивое слово, какое вряд ли бы когда употребил Сергей Александрович, тем не менее двойственность столь понятна и привычна ему, что... Как в раннем стихотворении: «Душа скорбит о небесах, она не здешних нив жилища...», но – это спокойно, без бури, потому, что «Чёрный человек» – весь буря, и точку спокойствия внутри, в центре, не найти.

Страшная поэма.

Заставляющая вспоминать всё худшее в себе, как заставлял гостей это делать Фердыщенко.

(Достоевский-Есенин, Державин-Есенин... у последнего часто играет, гудит, трубит звук первого; Моцарт и Есенин – а что? иные стихи Есенина звучат, как части фортепьянных концертов Вольфганга Амадея).

Есенин – ощущающий код всеобщности, Есенин, как... где-то наше больше всё, чем Пушкин (даже современные подростки, ничего не читающие, знают, что Есенин – это тот, который Сашу Белого играл)...

Вероятно, мы ушли далеко от «Чёрного человека», но он – последний, он – тень тени, он – приговор, хотя приговора и не было.

Он просто приговор к самому себе – в том числе и к своей гениальности (не стоит разбрасываться этим словом, полноценных гениев в русской поэзии было, вероятно, три: Пушкин, Лермонтов, Тютчев), но были поэты, подходившие к этой планке.

Впритьк.

Фет.

Блок.

Есенин.

Без весеннего Есенина и весна не весна.

Без дремучей прозы его – проза русская не полная.

(Лучше всего писал о литературе Виктор Шкловский – литыми, короткими фразами, что поднимались по лестницам смыслов)...

В одном ерундовом интернетном тексте было написано, что Есенин – контактёр: он общался с инопланетянами, и однажды якобы свидетель видел: три маленьких, глазастых человечка были выгнаны Есениным тростью пресловутой (той, что полетит в зеркало) в окно.

Самое интересное в теме инопланетян то, что она вовсе не интересна.

Она не даёт ничего ни уму, ни сердцу, ни сердцу сердца.

Тем не менее, Есенин был, конечно контактером – с золотыми дугами неба, с фиолетовыми разводами оного, плавно входившими в его стихи, с...

С тем, что масса русских помнило множество стихов Есенина наизусть – не по урокам, а по велению душевному...

И хоть «Чёрный человек» кончается безысходно, безысходность эта внешняя, ибо если возможен такой шедевр в языке, то и не очень важно, что ночь наковёркала...

P.S. ...про спорную, из первых строку поэмы: «Голова моя машет ушами, как крыльями птица, ей на шею ноги маячат больше невмочь...»: так в советских изданиях, и – не верно, конечно: разумеется – «...ей на шею ножи маячат больше невмочь...»: чудовищная, и чудовищно прекрасная звукопись великого, великого, великого...

3

Есенин, вероятно, самый родной русскому сердцу поэт – даже то, что в уголовной среде человека, пишущего стихи, именовали «есенин» дополнительно свидетельствует об этом...

Вечный-Есенин, весенний-Есенин, трагичный-Есенин...

Возможно, наиболее светлые его, без трагического излома стихи – ранние, как «Выткнулся на озере...», например.

Но – ранние поэмы его, такие, как «Марфа Посадница», или «Октоих» перенасыщены красками: и внешними и метафизическими, и энергия их, вектор развития уже отдаёт нотами излома: так мощно проявившегося в финале: в «Чёрном человеке»...

...заявленное в «Инонии»:

*Время моё пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплёвываю изо рта.*

Звонит вовсе не кощунством, а глубиной понимания: церковное причастие мало что значит: речь в том стихе Евангелия, на котором построен обряд, не о вине и хлебе – а о сущности и сути Христовых слов, которым не смогли следовать люди...

Есенин-зелени, Есенин-воды: сколько водоёмов таинственно мерцают в недрах его стихов!

Есенин избыточных словесных красок: полыхающая зелень, неистовая рдянь, берёзовая белизна: космос русской природы раскрыт так богато, что дух будет захватывать ещё у многих поколений...

Есенин психологических бездн: взаимоотношения людские вибрируют метафизической раскалённой проволокой чувств.

Есенин истории: рвётся, разрывая, кажется, и пространство на части, Пугачёв, плазма русской истории в причудливо-самородных образах слов раскрывается... в той же «Марфе Посаднице»...

Философия космизма, мерцающая – возможно неосознанно – в устройстве многих стихов:

*Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...*

*О, если б прорости глазами,
Как эти листья, в глубину.*

И прорастал в глубину, не доступную до него, и открывал кристаллы и алмазы бытия, неизвестные раньше...

Есенин нежности и сини; страшной таинственной смерти; шаровых контрастов, где чуть уже не формула безумия блистала...

Всего, всего – необъятно-русский, самый родной русскому сердцу поэт...

4

Лингвистические лабиринты соответствуют интенсивности есенинского словаря; но – как философа рассматривать Есенина не принято: хотя именно метафизики много в ранних его стихах и малых поэмах, и ею же пронизаны «Ключи Марии» – работа столь же тонкая, сколь густо окрашенная напряжением мысли.

...орнамент архитектурный нечто берёт от растительности, где травы – волосы, а кора – одеяние древесной плоти.

Утверждение Есенина, что душа человека слишком сложна для любых форм клетки: звука ли, смысла – отдаёт будущим: тем, где должно расшифровать устройство души, её многослойности.

Стихи расшифровывают лишь отчасти.

Мысли, держащие их, работают с этим же вариантом постижения яви.

Орнаменты «Ключей Марии» красивы, как стихи.

Абзацы работы вещны, предметны: можно ощутить вес наполняющей их мысли.

Мерцание таинственных ключей небесного свойства обещает цветовой сад будущего: орнамент переходит в лингвистическое осмысление слова, как феномена, ведущее к философии жизни.

И Китеж произведения, всплывая из мистических вод, сияет уплотнённой яркостью.

5

В определённом смысле «смерть Есенина» звучит логичнее, чем жизнь – не в том смысле, что именно за смертью началась буйная, справедливая, громокипящая слава поэта, а в том, что многие его стихи и поэмы точно заострены смертью.

О, разумеется – всякая подлинность от света, и всякий значительный, не говоря великий, поэт идёт по его ступеням, но внутренняя бездна, адовый кошмар существования могут быть таковыми, что срывается всё с петель...

«На рукаве своём повешусь...»

«...я очень и очень болен...»

Трагедия плескала поэтическими крыльями во множестве есенинских гнезд, и великолепие стиха, буйное его совершенство – дико запущенного сада – снижало отчасти её звучание, свидетельствуя – именно свет вёл его изломами, сложнее которых не было.

Самоубийство, или убийство?

С одной стороны, Есенин был из не многих поэтов, кто писал о самоубийстве применительно к себе, с другой – обстоятельства в стране и вокруг поэта – складывались так, что и убийство было вполне возможно.

Двойственность неизвестности: последняя тайна унесённая поэтом в могилу, за чертой которой должен был открыться свет подлинного поэтического рая ему – тому, кто творил подобный на земле...

6

Обиход порождает орнамент, несущий яркую торжественность – и меты лабиринта: в том числе позаимствованного у природной жизни.

...Византия прорастает в эссе Есенина, чтобы ключи Марии заиграли новым блеском; слово болгарских проповедников перекликается с композиция новгородской и ярославской иконописи...

Поэзия, столь родная Есенину, пронизывает прозаический текст, рассыпая перья жар-птицы и призывая торжественно-пёстрый Китеж не медлить со всплытием.

Мистические воды всегда мерцают над ликами подлинности: а более подлинного и коренного явления, чем поэзия Есенина в русской литературе, не представить.

Звёзды, ведущие в сад словесности, закруглены суммами лучей, попытки истолковать которые дают новые смысловые орнаменты.

Или – песню звука.

Образы древних певцов, менестрелей, сказителей и боянов выступают пространно; и Гермес Трисмегист, раскрывший сокрытые в богатстве своём Изумрудные скрижали, вновь речёт про схожесть данном вверху с тем, что снизу.

Призыв научиться читать забытые знаки весом: плоды дум созрели.

Расшифровка души, чья многослойность чрезмерно серьёзна, дело грядущего: скрытого в туманах: в том числе и орнаментов.

Возникает Давид – с древними речениями о языке, который есть ключ души; воздух строится по-новому из предметов мира: множатся символы, и орнамент мудрых и ярких есенинских словес плетётся так сложно, что и глыбы стихов и поэм поэта взирают благосклонно на прозаический труд ключей.

7

Огромность дара – не соответствующая телесной человеческой малости!

Великолепие вселенского звука, разрывающего душу.

Поэтическая избыточность, диктующая свои законы.

...и вот – нежный Лель, великолепный Есенин спускается в алкогольную бездну: но и она не сулит покоя, давая временные розовые иллюзии, и не более того; и его несёт на волне хулиганства – в шары неистовой пустоты.

Они стучаются друг о друга, и из странного звука рождаются невероятные, обнажённые болью стихи – как «Исповедь хулигана»...

Как многое – ставшее онтологическим ветром, продувающим антологию.

...даже нежное – из грубого оно родится подчас.

Аккорды хулиганства – как игра?

Да нет: телесная жизнь имеет свои законы, и, пропитанная неистовством дара, выплёскивается так: в пьянство, хулиганство.

...тень другого грандиозного поэта: из бездн совершенно иного времени и иного языка – мерцает за кадром: Франсуа Вийона: тень, уплотнённая стихами, прошедшими сквозь века, какие не страшны и нашему весенне-солнечному Есенину...

Вокруг Есенина

1

Недра народа рождают, как жилы руды, поэтов столь же своеобразных, сколь и щедро осмысливающих реальность стихом, до корней связанным с изначальностью народной тайны.

Узорно свитые стихи Сергея Клычкова сжимались мускульно, давая картины яви объёмно и веско:

*Бежит из глубины волна,
И, круто выгнув спину,
О берег плещется она,
Мешая ил и тину...
Она и бьётся, и ревёт,
И в грохоте и вое
То вдруг раскинет, то сорвёт
Роскошье кружевное...*

Роскошье стиха вливается в бездну мира, чуть изменяя её: если не добавляя красок, то обогащая соединением смысла и звука.

Хотя стихи Клычкова многокрасочны, палитра его богата, как осенние леса: ибо часто поэт искал в природе утешения, поскольку душа каждого большого поэта – сейсмограф бытия, боли и скорби мира ощущает она острее:

*Моя душа дошла до исступленья
У жизни в яростном плену,
И мне не до залиvistого пеня
Про соловья и про луну!*

И вместе – дрёма тумана, дремотность определённых периодов жизни России, хоромы роци, и тихий-тихий свет: таинственный свет, мистический, щедрый на загадки, что едва ли отгадать:

*В нашей роце есть хоромы,
А кругом хором – туман...
Там на тропках вьются дрёмы
И цветёт трава-дурман...
Там в лесу, на косогоре,
У крыльца и у окон.
Тихий свет – лесные зори,
Как оклады у икон...*

Иконы непременно возникнут в стихотворении, в какое входит лес: пестрота его – точно нутро гигантского храма: откуда и молитва слышнее, и служба длится вечно.

Жизнь – всегда всерьёз, и вместе – зыбкость, странное мерцанье, быстротечность; вот работа мороза на стекле – волшебство или правда?

Так и не понять, даже припоминая вечность, из которой и вышли все узоры жизни, чтобы вернуться когда-нибудь туда же.

А сколько мороз занял у игры жизни, у её серьёзности?

*Какие хитроумные узоры
Поутру наведёт мороз...
Проснувшись, разберёшь не скоро:
Что это – в шутку иль всерьёз?*

Всё-таки всё всерьёз – ибо за творчество, порою, так жестоко приходится расплачиваться!

И судьба Сергея Клычкова – тому подтверждением.

Как наследие его подтверждает силу подлинности, не подвластную погребели столь долго, сколько продлится человечество.

2

... Ибо для путешествующих в прекрасном необходима своя гостиница, а имажинизм должен распуститься волшебными лепестками образов, создавая невиданные ещё панорамы поэтического сада.

У Шершеневича был острый глаз и тонкое чувство истории, и – осознание себя в ней: не только в истории литературы, но и в истории вообще (хотя многое проходит вотще):

*Сдержавши приступ пушечного хрипа,
Мы ждём на разветвленье двух веков,
Окно, пробитое Петром в Европу,
Кронштадтской крепкой ставнею закрыв.*

Диссонансы – в качестве рифм – сочетаются с особостью ритма, обычно и определяющего путь поэта, а что тень Есенина лежит на многих стихах Шершеневича – логично, ибо таланты их несопоставимы, а общение было довольно плотным. Но – это стихи Шершеневича, и только, в них бьёт и плещет неповторимость его, и жизнь густеет в своеобразном мирочувствовании, данном стихом:

*Блаженное благоденствие детства из памяти заимствуя,
Язык распояшу, чудной говорун.
Величественно исповедаю потомству я
Знаменитую летопись ран.*

В кипении строк и строф Шершеневича есть нечто от Рубенса: эобразные контуры жизни перенасыщены плотью, густотой страстности, хлещущим темпераментом, но – приходит время и других ощущений:

*Уже хочу единым словом,
Как приговор, итоги счесть.
Завидую мужьям суровым,
Что обменяли жизнь на честь.*

Много слов – но будет одно, подводящее итог; много слов – но это одно – решительно и твёрдо, как камень: и тут уже не ленты поэзии, и не пёстрые веера метафор: тут корень жизни обнажён...

Занимая определённое место в русской поэзии, Шершеневич взрастил стихи, что не поблекли, протянутые через щели времён и фильтры человеческого равнодушия к поэзии, они остались – его стихи: для любителей, чьё число не велико, для тех, кто понимает, как важна целостная картина великолепного материка – поэзии русской.

3

Прыть, юность, вино – что может быть лучше?
Задором и хмелем шибает от стихов Мариенгофа:

*А ну вас, братцы, к чёрту в зубы!
Не почитаю старину.
До дней последних юность будет любя
Со всею прытью к дружбе и вину.*

Классически-сложные отношения с Есениным никак не сказывались на стихах городского, совсем другого Мариенгофа, ладившего строфы и строки иначе; хоть и объединились на время поэты с несколькими другими в группу имажинистов – вместе легче.

*Какой земли, какой страны я чадо,
Какого племени мятежный сын.
Пусть солнце выплеснет
Багряный керосин,
Пусть обмотает радугами плеснь,
Не встанет прошлое над чадом.
Запомнил я плоть, не знаю крови русло,
Где колыбель
И чьё носило чрево.*

Сложен и прихотлив поэтический узор стиха, хитро завит орнамент мысли – ковром восточным отдаёт – так пёстро ложатся нити.

Какое мощное заявление взрывает недра строк:

*Даже грязными, как торговков
Подолы,
Люди, люблю вас.*

Тут – от христианства, хотя конфессионально Мариенгоф едва ли был чётко...

Каждый наш день – новая глава Библии.

Вещий афоризм рвущего привычную ткань русского стиха поэта, плетущего своё кружево смыслов: не столь значительное, как у великих его современников, но – своё.

4

Друг Есенина – Алексей Ганин – в стихах громоздил ярые, истовые образы, совмещая страх и предчувствия: нечто будет, должно быть, грядёт...

*Бродит жёлтых пожариц Огонь
Вместо зорь по небесной пустыне...
В травах кровью дымящийся иней...
Смерть из трупов возводит свой трон.*

Ибо неспроста же бродит огненная смерть – огонь её должен очистить реальность, предоставив возможность новой прорасты:

*Где-то есть очистительный смерч.
В мёртвом круге камнем от сечи,
Сгустком крови не выпало б сердце,
Только б душу живую сберечь.*

И вот – главное: сбережение души, иначе – провал, потьма, а поэт не может с таковым смириться, ибо поэзия – всегда от света, даже когда блуждает во тьме.

Гроздьё образов Ганина красивы, они многоцветны и просвечены тайным небесным мерцанием.

Линия имажинизма быстро кончилась, но нагромождение, иногда перегрущённость образного строя, взятые Ганиным основным приёмом (или следствием темперамента?), именно оттуда...

Красной полосой, будто косо убит гигант, брызгает кровь на небесное поле...

Трава не просто зелена – она сверкает изумрудами.

Весь мир – будто дитя радуги: разбитой в небе, разлетевшейся тысячей брызг.

И всё же много, много в стихах Ганина могильного, холодного... Откуда бы?

Вероятно, время было перенасыщено подобным, и поэту, сейсмографически чувствующему бытие, не избежать было таковой фиксации.

5

Сильно били бубны боли: сильно и неистово, ржавые листья летели под онтологическим ветром, образуя, или организуя пространство образов:

*Роняют ржавые спицы
Колёса вселенной.
Ах, опусти, опусти ресницы!
Пребуди в слепоте дерзновенной!*

Слепота провидческая, дерзновенная, определяющая внутреннее зрение – которое для поэта важнее естественного.

Нет, оба варианта важны, как важны жизнь и смерть, определяющие стержнями путь любого творчества.

Иван Грузинов неразрывно связан с Есениным: и жизнью, и творчеством, и чем-то невыразимым...

Культурные пласты раскрывались в стихах Грузинова совершенно необычно:

*Лёгкий лёт лукавых лун.
Латы. Факелы. Газели.
Голубые акварели
Льют шелка в эмаль лагун.
Бледный блеск атласных глин.
Вёсла. Ласточки. Газели.
В малахитовые мели
Выплывает Лоэнгрин.*

Великолепный Лоэнгрин – и мечты о тотальном царстве поэзии, где заключены все начала и концы: о царстве, раскрывающемся прямо в вечность,

отполированную суммой стихотворных валов, накатывавших когда-то на реальность...

Лепта поэта – от сил, заложенных в незримых планах бытия: кому сколько отпущено; лепта поэта, помимо всего прочего, ставить диагнозы:

*А мы, сквернящие родную Землю,
Лишь торгаши базарные, не боли.
Мы взвешиваем силы человека,
Миры хотим измерить и исчислить.*

Общество всегда больно – в большей, или меньшей мере.

Общество больно уже тем, что не слушает поэтов.

Великолепные дуги и краски Ивана Грузинова отливают запредельностью, в ней находя вечное пристанище.

6

Бездна деревенской философии: от избяной силы, от столь своеобразного космоса Руси, хранившего Китеж, на который стоило уповать:

*Мои мысли повисли на коромысле –
Два ведра со словами молитв.
Меня Бог разнести их выслал,
Я боюсь по дороге пролить.*

То, что дано разнести, невозможно пролить, ибо даже расплёсканные слова молитв отразятся в недрах людского состава.

Читательского понимания.

Ибо молитва, заключённая в стихи, будет действовать сильнее.

И гореть ярче.

Стихи Александра Кусикова – от яркости осенних далей: или византийских, рассеянных в различных российских планах, оттенков веры.

Что всё одушевлено, осмыслено, пламенеет – не стоит объяснять поэту, видящему:

*Продрался в небе сквозь синь ресниц
Оранжевый глаз заката.
Падали чёрные точки птиц. –
Жизнь ещё одним днём распята.*

Яркость небесных вееров не может быть смята никаким событием, серой скукой, напряжением всего людского состава, предчувствием катастрофических перемен.

Многое мешается в действительности, готовой превратиться в стихи.

Интересно построенные, обладающие яркостью павлиньего оперенья стихи Кусикова продолжают своеобразную работу и в наши дни: в немногих, способных слышать...

7

Сесенин влиял, Есенин окрашивал стихи, но и свой голос прорывался – в случае с Николаем Лавровым: покончившим с собой в 43 года: по слухам – на могиле Есенина, со смертью которого он не мог смириться...

*Кругом – леса, как скит зелёный,
И я оборванный, в пыли
Стою коленопреклонённый
Пред вечной красотой Земли.*

*Я здесь один, как в древнем храме,
Среди поляны, между хвой,
Я вижу затканый цветами
Курган – зелёный аналой.*

Красиво и возвышенно: от природы, как от храма, дающего жизнь, нельзя уходить; и молитва пред зелёным аналоем, возможно, слышнее, нежели из недр церкви.

Свой голос отчётлив: мощные есенинские струи не перебивают его, не препятствуют собственному звучанию, хотя и окрашивают в определённые тона голос Лаврова.

Много своеобразных церковных мотивов: точно и не особенно связанных с церковным деланием, но – с ощущениями космоса, хотя и привязанными к конкретике российской жизни:

*В глухом лесу, где густ малинник,
Где пахнет мёдом и смолой –
Срублю я келью, как пустынный,
Чтоб быть наедине с собой.
Лежать весь день на солнцепёке,
Отдавшись травам и цветам,
Смотреть на мир лазурноокий
И вторить птичьим голосам.*

Характерная дикция, и очень ясный, родниковый ток речи...

При этом стихи Лаврова светлые, пронизанные токами солнца – и так контрастируют с бездной самоубийства, в которую рухнул поэт...

8

Крестьянство – крест и правда России, вернее – Руси, той, исчезнувшей, должной когда-нибудь воссиять Китежем...

Говорить от крестьянства – великая честь, и Иван Приблудный с высокой мерой достоинства следовал этой чести:

*У нас, как и в каждой семье,
У печки дрова да лоханки,
Кувшин молока на скамье
И кот на высокой лежанке.
У стенки большая кровать,
С которой при всякой погоде
Всех раньше поднимется мать –
Топить, иль копать в огороде.*

Тут высокой ясности картины: следствие мастерской словесной живописи, и мелодика речи, чарующая своими плавными темпами; тут патриархальность, рассчитанная на вечность: но вечность человеческой жизни коротка.

...что подтверждает жизнь талантливого поэта Ивана Приблудного, ставшего свидетелем и слома деревенского уклада, и попавшего в чёрные жернова репрессий.

Облыжное обвинение забрало его жизнь, но оно, что понятно, не могло тронуть стихи, никогда особенно не популяризовавшиеся, но не ставшие от этого хуже.

Голос Приблудного отчётлив – это так же очевидно, как и сила, данная отприродно этому голосу:

*В труппинах Марьиной рожи,
Под крик петуха да совы,
Живёт он, последний извозчик
Усопшей купчихи Москвы.*

*С рассветом с постели вставая,
Тревожа полночную тьму,
Он к тяжкому игу трамвая
Привык и прощает ему.*

Тут уже иные темы – далёкие от деревенских: тут город наваливается огромной массой, требуя следовать его правилам: в том числе поэта, вынужденного петь по-другому.

А вот стихотворение «Про бороду», где зажигаются частушечные ритмы, изнутри просвеченные необычной метафизикой; тут ткётся сказ, весёлый и ядрёный, вспыхивающий фантастическими огнями... не отменяющими, впрочем, правду:

*А на дрогах сидит дед –
двести восемьдесят лет,
и везёт на ручках
маленького внучка.
Внучку этому идёт
только сто тридцатый год,
и у подбородка –
борода коротка.*

Славно, сильно, свежо пел Приблудный – пока песню не оборвали, не сумев загнать её в Лету, сверкающую вечным равнодушным аметистом.

ПОЭЗИЯ

Сергей ФИЛИППОВ

Сергей Владимирович Филиппов – родился 19 августа 1953 г. в Москве. Окончил Московскую школу №232. В 1971 г. поступил в Московский институт химического машиностроения. По специальности инженер-механик. До 1991 г. работал в Институте шинной промышленности на Опытном шинном заводе. С 1991 г. в коммерческих структурах. В настоящее время генеральный директор ООО «Формула дерева». Член литературной студии «Вешняки» (руководитель студии поэт и журналист Виктор Александрович Синельников). Печатался в различных газетах, в журналах «Белый Ворон», «Ковчег», «Арина», «Новый Енисейский литератор», «Зарубежные задворки», «Великороссы», «Неман», «Голос эпохи» и др.

Живёт в Москве.

«Герой сегодняшний – не воин...»

Печорины, как и Онегины,
(И кто там ещё им под стать?)
Героями нашего времени
Вдруг стали невольны опять.

Боясь что-то в жизни попробовать,
Не ведая, будет ли прок?
Лежат на диванах Обломовы
И смотрят весь день в потолок.

Лаврецкие, Бельтовы, Рудины,
Опять никому не нужны,
И снова все «лишние люди»
Уехать спешат из страны.

Базарова, как и Рахметова,
Берёт ФСБ в оборот,
И власти перечить поэтому
Не станет ни тот и ни тот.

«И скучно и грустно» без прений
И споров, но ты не жалея,
Что в век, в коем жили Тургенев
И Гоголь, жилось веселей.

Сиди себе тихо, не трогая
Лежащее всюду дерьмо.
И грустно и скучно, и Гоголю
Белинский не пишет письмо.

Колдун зомбирует людей,
Политики-кривляки
Всё врут им, авторы статей
Держать привыкли в страхе.

Богатые весь век живут,
Имея в хвост и в гриву,
Эксплуатируя их труд
И получая прибыль.

Кричит продажный журналист,
Умело строя фразы.
Сухой педант-экономист
Подводит ловко базу.

Бог наблюдает свысока
За этой круговертью
И, как ни странно, но пока
Всё почему-то терпит.

Дай мне, бабка, народного снадобья.
Видишь, снова пошла кутерьма.
На судьбу обижаться не надо бы,
Если только судьба не тюрьма.

Выйду утром туманным и сереньким
В поле чистое. (Если найду?)
Хоть теперь выходить и не велено,
Всё равно, попытаю судьбу.

Может, скажет родимое полюшко,
Как-никак тоже вроде бы сын,
О судьбе нашей общей и долюшке.
По секрету, один на один?

Посоветует, брось всё и посуху
В монастырь (а по мне так уж в скит)...
Только как: без опоры, без посоха,
Да и толком не зная молитв?

Все мы русские и дома,
Только разные весьма,
Одного зовут Ерёма,
А другого звать Фома.

У кого-то нет забот, а
У кого-то о-го-го!
От кого-то ждут чего-то,
От кого-то – ничего.

Кто-то просит, кто-то давит,
Подминает всех и вся.
Кто-то ждёт, когда похвалят,
Кто-то хвалит сам себя.

Кто вперёд летит с вопросом,
Кто открыть боится рот.
Кто-то лезет к вам без спроса,
Кто-то тихо, скромно ждёт.

Кто-то строгий, кто-то важный,
Кто-то глуп и простоват,
И выходит то, что каждый
Кто во что у нас горазд.

И никто не застрахован
От тюрьмы и от сумы,
Так как все мы перед Богом
Одинаково равны.

Всё в жизни делал на бегу я.
Всю жизнь куда-нибудь спешил.
Там не поставил запятую,
Здесь букву в слове пропустил.

Всю жизнь пытался сдвинуть сроки,
Опаздывал, но всё равно,
Как прежде, пропускал уроки,
Чтоб лишний раз сходить в кино.

Всю жизнь листал, как дилетанты,
Я каталоги, словари,
Но сочинения, диктанты
Почти всегда писал на «три».

Всю жизнь пытался суетливо
Во что-то вникнуть и понять,
Но, что читал – не пригодилось,
Что написал – не разобрать.

Нас затянула круговерть,
И существует точка зренья,
Жизнь – нескончаемая цепь
Одних и тех же повторений.

Порой пугающих иных,
В других вселяющих надежду,
Нелепых, странных и смешных,
Трагических и неизбежных.

Всё сходится почти точь-в-точь,
И опыт прежних поколений
Нам должен, вроде бы, помочь,
Раз повторенье – мать ученья.

И коль расхожие пути
Для нас удобнее, то каждый
Из нас пытается войти
В одну и ту же реку дважды.

А то и боле, и живёт,
Ведь жизнь сама в каком-то роде
Один сплошной круговорот
Воды, накопленной в природе.

Опыт

Что опыт важен, каждый знает.
Но юность испокон веков
Скептически воспринимает
Советы мудрых стариков.

Что, вроде бы, «собаку съели»
В делах житейских, и не прочь
Почти всегда на самом деле
Ей искренне во всём помочь.

Но каждый человек, похоже,
Живёт по собственным часам,
И потому все сделать должен
Ошибки непременно сам.

Вбирая опыт по крупицам,
Который, судя по всему,
Потом опять не пригодится,
Как ни печально, никому.

Бог милосерден. К робким. К смелым.
Ко всем из нас, до одного.
И к тем, кто что-то в жизни сделал,
И кто не сделал ничего.

К тем, кто по жизненной дороге
Своей безропотно шагал.
И к тем из нас, довольно многим,
Кто про себя и вслух роптал.

Ко всем из нас. К большим и к малым,
Живущим с горем пополам.
И к тем, кто на вершине славы,
И кто ютится по углам.

Кто пёр всю жизнь свою, как трактор,
Лез напролом, как вездеход,
И к тем, кто действовал украдкой,
Продумывал свой каждый ход.

Кто не искал ключей от рая,
Чьим духом управляла плоть.
И к тем, кто шёл, не выбирая
Путей, куда их вёл Господь.

К тем, кто по сущности безгрешен,
На ком пророчества печать,
И к тем, кто в горе безутешен,
Кто смог и кто не смог понять:

На всех, кто шёл земною твердью,
Груз общей и своей вины.
И, коль Господь к нам милосерден,
Мы все тем более должны.

В реальной жизни, как в кино,
Порой доподлинно не знаем,
Кто режиссёр, но всё равно
Всё к сердцу близко принимаем.

Не спим, теряем аппетит,
Находим веские резоны,
А жизнь вокруг нас всех бурлит
По лишь понятным ей законам.

Шагаем каждый наугад,
Сбиваемся, как звери, в стаи,
И то, чему был раньше рад,
Назавтра дружно отвергаем.

И я, как все. Впадаю в грусть.
Меняю взгляды, убежденья.
И почему-то отношусь
Со всё растущим подозреньем

К настроенным на позитив
Слепым сторонникам прогресса,
Что нас ведут, не изучив
Природу каждого процесса.

Угрюмый, больной и растерянный,
Не ведая, что впереди,
Шагал я не в ногу со временем,
Всё время сбиваясь с пути.

Часы не сверял по хронометру,
И каждый меня обгонял,
Кто, нос свой держа строго по ветру,
Со временем в ногу шагал.

Не зная и тени сомнения,
Малейшего, даже тогда,
Когда, устремляясь за временем,
Со всеми шагал не туда.

Кого угрызения совести
Ещё не терзали вовсе,
Кто мог ко всему приспособиться
И влиться в любую струю.

Но время – учитель и лекарь.
И я научился, под стать
Соседям, друзьям и коллегам,
С ним в ногу со всеми шагать.

Сумев на какое-то время
С ним слиться и горя не зная,
Чтоб позже, опять же со всеми,
Его от души поливать.

Ты снова чем-то опечаленный,
Мой друг-товарищ дорогой.
Сидишь один, как неприкаянный,
Совсем какой-то не такой,

Как остальные. Не смеёшься и
Не смотришь с ними КВН,
Весь в прошлой жизни остаёшься и
Не принимаешь перемен.

Устав от глупого и пошлого,
Наивный, странный человек,
Мечтаешь на «карете прошлого»
Всё въехать в двадцать первый век.

Цель творчества – самоотдача...

Б. Пастернак

Быть в образе, сживаться с ролью,
Лишь по течению гребя.
С волнением, дрожью и любовью
Цитировать самих себя.

Жить в соответствии с программой,
Неукоснительной для всех:
Цель творчества – самореклама,
Шумиха, почести, успех.

А основная сверхзадача:
Пусть хоть в маразме, хоть в бреде,
Быть, ничего собой не знача,
Всенепременно на виду.

Герой сегодняшний – не воин.
Внимает чутко новостям.
И подозрительно настроен
По отношению к властям.

Так научился строить фразы,
Что сложно что-нибудь понять.
Не верит в здравый смысл и разум,
Но любит всё вокруг менять.

Он подозрителен, он скрытен.
Необычайно деловит.
В нём столько резвости и прыти,
Что это иногда страшит.

То проявляет состраданье,
Усердствует и там, и тут,
Но пользы все его деянья
И счастья людям не несут.

Но мир уже его глазами
На всё взирает. Вот такой,
У нас, друзья, сегодня с вами
Типичный, так сказать, герой.

Долго жить на земле нашей грешной нельзя,
Как ни грустно такое признание.
Человек-долгожитель сегодня не зря
Вызывает у всех сострадание.

От числа новостей, от потока проблем,
Пребывает порою в прострации.
И не может понять, для чего и зачем
Столько разной ему информации.

Кто-то помнит войну. Кто-то голод застал.
Кто-то Сталина видел и Берию.
Кто-то верил, хотя и не всё понимал,
Кто-то всё понимал, но не верил.

Пусть семь-восемь десятков каких-нибудь лет
Для истории капелька в море.
Сколько в них поражений и ярких побед,
Сколько страха, надежды и горя.

Свой порядок вещей, непонятный другим,
Мир, в котором свои ощущения.
Между ним, как ни больно, и всем остальным
Всё растёт полоса отчуждения.

В России, признаемся честно,
Жизнь стала тоскливой и пресной.
Отныне и повсеместно
Ирония в ней неуместна.

Не то, чтоб в стране узаконили
Запрет на смешки и иронию,
А просто сегодня, ребята,
Она никому не понятна.

Тупые, бездушные фразы
Вконец помutilи наш разум.
Реформы образования
Внесли коррективы в сознание.

Поэтому, право, не стоит
Смеяться, друзья, над собою,
И Гоголи, Щедрины
Уже никому не нужны.

*Под громогласное молчанье
Покинем мы земную твердь.*

М. Лосев

Не беспокойся о наградах.
Забудь про призрачный уют.
Не будет нам с тобой пощады,
Хоть дальше фронта не пошлют.

Да, могут вычеркнуть из списков.
Без доказательства вины
Сослать без права переписки,
На время выслать из страны.

Забывать фамилию и имя.
Не пропускать труды в печать.
И (с миллионами другими)
Заставить весь свой век молчать

И чем страшней заболеванье,
Тем глубже внутренний наркоз.
Чем «громогласнее молчанье»,
Тем пафосней официоз.

Когда-то давно на заре демократии
В бой рвался Собчак, закусив удила,
Уставшая вдрызг от забот партократия,
Пускай неохотно, сдавала дела.

Советский народ, причитая и охая,
В экран телевизора вперив свой взгляд,
Усталый и пристальный, думал, неплохо бы
Проверить, с чем эту свободу едят.

Бурить Капитала глубокую скважину
В итоге решился советский народ,
И вот уже пущено всё на продажу,
Вам ваучер в зубы, и полный вперед!

Очнись, россиянин. Игра в перестройку
Давно завершилась. Ты видишь, земляк,
Как всё изменилось вокруг, да настолько,
Что жизнь человека, лишь сущий пустяк.

Тебя ожидают суровая участь
И множество тяжких, безрадостных дней.
Уже Капитала жестокая сущность
Проникла в сердца и рассудок людей.

Что будут давать и менять показания,
И каждый свою будет линию гнуть.
И множество лиц с извращённым сознанием
Лишь только и думать, как всех обмануть.

В России могут запретить
Всё, что угодно. На балконах
Курильте. Стебаться и язвить,
Когда воруют миллионы.

Роптать, вздыхать, критиковать
Любые должностные лица.
Крутиться, чтобы выжить
И чтоб хоть как-то прокормиться.

Историкам из раза в раз
Искать в истории примеры.
СтартАперам давить на газ,
И газы выпускать старпЕрам.

В России могут запретить
 Всё, что угодно. На балконах
 Курить, но только не плодить
 Указы, акты и законы.

Когда заглядываешь в сети,
 То видно даже без очков,
 Как велико на белом свете
 Число больных и дураков.

И возникает впечатленье,
 Что современный интернет
 Помог их всех без исключенья
 Из тени вывести на свет.

Теперь у них полно соблазна
 Активной глупостью своей,
 Которая весьма заразна,
 Побольше заразить людей.

Провалы во времени всё изнурительней,
 И шансы к спасению всё умозраительней,
 Но вот зазвучало *andante cantabile*,
 И в жизни всё стало опять комфортабельно.

Вновь нет сластолюбцев и чревоугодников,
 Повсюду присутствует стройность и логика.
 И мир наш пока ещё не опрокинулся,
 И весь апокалипсис – сказки и вымысел.

Ведь в мире тогда всё устроено правильно,
 Когда всем всегда и во всём комфортабельно,
 И жизнь наша с вами, друзья, современная
 Звучит, пусть местами, певуче и медленно.

Что-то вновь целый день сочиняю,
 Как получится, право, не знаю.
 Сочиняю обычно в уме,
 Ни блокнота, ни ручки при мне,
 Сам себя повторять наизусть
 Научился, без них обхожусь.

На моей поэтической кухне
 В основном только старая рухлядь,
 Что стоит с незапамятных лет:
 Самодельный простой табурет,
 (Он скрипит подо мной), а в сторонке
 Та же газовая колонка.

Но на бедность ссылаться не буду,
 Утварь – утварью, главное – блюдо.
 И из старой порой при умении
 Получается объединение,
 А из новой наоборот,
 Что и брать не захочется в рот.

Не открою чего-то тут нового,
 Всё, как видно, зависит от повара,
 От таланта его, при условии,
 Что готовится блюдо с любовью,
 И не только, чтоб всем угодить,
 А чтоб вкусно всех нас накормить.

Исписавшийся писака,
 Как кусачая собака,
 Вечно чем-то недовольный,
 Всех кусает, но не больно.

Исписавшийся писака
 Исписался, но, однако,
 Как отпетый забияка,
 Снова с кем-то лезет в драку.

Исписавшийся писака
 Пишет много и со вкусом,
 И словам и мыслям тесно,
 Жаль читать неинтересно.

Исписавшийся писака,
 Пожалеть его бы, так он
 Тратит много, бедолага,
 Денег только на бумагу.

Исписавшийся писака
 Не пророк и не оракул,
 Как (порой и так бывает),
 Он всерьёз себя считает.

Исписавшийся писака,
Но берётся он, собака,
За такие темы снова,
Что под силу лишь Толстому.

Исписавшийся писака
И читателей затрахал,
И жену. Та просит: «Тише!
Муж опять чего-то пишет».

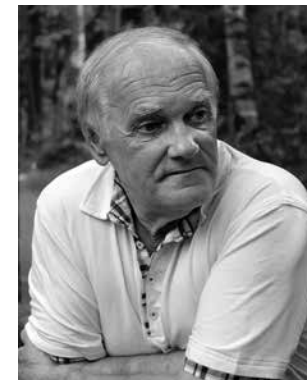
Неправильная радость

У Анны Петровны было всё, недоставало только радости...

Это была первая фраза, с которой начала свою историю Федосья Ипатьевна, женщина довольно преклонного возраста, личность известная на всю округу. Сколько ей лет на самом деле, никто не знал, но зато всем было хорошо известно, что она дворянского сословия, хорошо образована (окончила институт благородных девиц в Санкт-Петербурге), знает французский язык (правда, она на нём не говорила, по причине отсутствия собеседников) и что из-за неё даже была дуэль. Было ещё немало подробностей, которые окружали прошлое Федосьи Ипатьевны и разительно отличали её от окружающих.

Никто уже точно не помнил, как она оказалась на селе в тревожное послереволюционное время. Жила она в бывшем поповском доме в полном одиночестве. Хозяйство у неё, как говорится, «кот наплакал»: две козы да десяток кур. Было совершенно очевидно, что она за долгую жизнь так и не приспособилась к крестьянскому труду, но за помощью никогда не обращалась. Соседи, видя её беспомощность, жалея, помогали, чем могли. Она отвечала им добрым отношением, а главное, своими удивительными историями, которых знала бесчисленное множество. Они были, как живые картины из какого-то другого мира, но вместе с тем простые и понятные.

В то лето я отдыхал у сестры своего отца в деревне, и из разговоров прошлое Федосьи Ипатьевны мне уже было хорошо известно. А тут неожиданно представилась возможность самому услышать её очередную историю. Был поздний, не по-летнему холодный вечер. Я, пятнадцатилетний мальчишка, набегавшись за день, устроился на ночь на лежанке большой русской печи: тепло и какие-то добрые домашние запахи. Свет уже отключили, внизу уютно горели свечи, негромко трещал сверчок, и по оконному стеклу шуршал ленивый дождик. За столом у самовара

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

устроились: тётя Настя, у которой я и гостил, и две её соседки. Услышав голос Федосьи Ипатьевны, я, стараясь не привлечь внимания, весь обратился в слух. Любопытство прогнало сон. Было очень интересно услышать самому историю, одну из многих, которые так привлекали женщин на селе.

Говорила она, не торопясь, то ли вспоминая какие-то тонкости и подробности, то ли тщательно подбирая слова, поэтому было непонятно: рассказывает она собственную историю или сочиняет её по ходу рассказа. Говорила она как-то по-особенному и очень красиво, не так, как жители деревни. Я дослушал до конца и, помню, был по-мальчишески разочарован каким-то простым, незамысловатым концом истории. Но, тем не менее, она почему-то запомнилась. А много лет спустя, эта на вид простая история, приобрела для меня иные краски. Я понял её смысл, определив его для себя, как «шутку судьбы». И ещё я понял, что эта история Федосьи Ипатьевны на самом деле представляет собой готовый рассказ, который я и предлагаю читателю...

У Анны Петровны было всё, недоставало только радости. После расставания с мужем по причине отсутствия душевного равновесия, она уединённо жила в оставленном мужем поместье. Но после расставания с мужем равновесия не установилось – был сильный крен в сторону неудовольствия своим положением. Жизнь как-то не радовала её. А жизнь Анны Петровны заключалась в её засидевшейся в девках единственной дочери Вареньке, которая унаследовала характер своей матери. А характер у Анны Петровны был непреклонный и целеустремлённый. Она контролировала буквально всё, поэтому дела в поместье вскоре стали плохи. Если бы не управляющий-немец, всё добро давно бы ушло с молотка. Он был чем-то обязан её бывшему супругу, поэтому и согласился взвалить на свои плечи эту неподъёмную ношу.

Анна Петровна в своё пятидесятилетие сохранила стройность фигуры и гордую осанку. Но она никогда не занималась своей внешностью, не обременяя себя заботой: быть в глазах мужа молодой, умной и красивой. Тёмные невыразительные глаза её смотрели неласково. Крупный нос и тонкие губы, опущенные в уголках рта, выдавали не властную, а скорее упрямую и нетерпеливую особу. Она говорила громким голосом, в котором были явно слышны нотки капризности, а при неудовольствии его дребезжание, словно эхо, разносилось по всему дому.

Анна Петровна судила обо всём с твёрдой уверенностью в своей правоте, не очень задумываясь о причинах и следствиях. Говорила она всегда очень авторитетно, поэтому спорить с ней было совершенно бесполезно. От всякого возражения она просто отмахивалась рукой: «Ах, бросьте!» И очень сердилась, когда муж, слушая её, вечно терял совершенно ненужный предмет, удивлённо спрашивая:

– А где же логика?

В конце концов мужу, который делал успешную политическую карьеру, это стало надоедать, а Анне Петровне уже давно надоели салонные расфуфыренные тупицы, не понимающие элементарных вещей, и она без сожаления покинула столицу, взяв с собой Вареньку. И только теперь она поняла, что подходящую партию для дочери здесь взять просто неоткуда. Но она не привыкла сдаваться, и у неё родился грандиозный план.

Усадьба находилась неподалёку от станции почтового тракта. Со станционным смотрителем, по желанию Анны Петровны, управляющий договорился поместить приглашение для проезжающих обеспеченных особ, скупающих от

однообразия дороги, посетить её салон, где утомившихся гостей будет ждать светский приём хозяйки, а также музыка и пение молодой, очаровательной девицы благородного воспитания. Он же обеспечит и приезд гостей, выразивших такое желание. В этот план была посвящена, пожалуй, единственная её подруга Мария Львовна, усадьба которой находилась в десяти километрах. Подруга была старше, мудрее, план не одобрила, а скорее наоборот, но, понимая, что возражения бесполезны, рассудила философски: «Глупость, конечно, но почему бы не попробовать».

А план заключался в следующем. Когда гость будет возвращаться на станцию, попросить его подвезти Вареньку к подруге в имение, которое по дороге, но чуть-чуть в стороне. Дальше всё зависело от способностей молодой особы за время короткого пути заинтересовать попутчика. Анна Петровна была совершенно уверена в том, что надо лишь создать необходимые условия для проявления дремлющих чувств молодых людей. Поездка наедине даст возможность молодому человеку проявить себя. В такой атмосфере взволнованности достаточно одной искры, чтобы разгорелось любовное пламя. Конечно, попутчик должен вызывать у Вареньки неподдельный интерес, который и поможет ей предстать перед кавалером во всей красе.

Варенька, хоть и унаследовала от матери крупный нос и излишнее упрямство, на самом деле была полной её противоположностью. Бывала излишне капризна, но имела лёгкий и смешливый характер, располагающий к общению. Когда она веселилась, то ей нельзя было отказать в определённом очаровании, хотя внешне она красотой не отличалась. Нос, рот, глаза, лоб не складываясь в единое целое, были как-то сами по себе, но доброта в больших карих глазах притягивала. Ещё её красили густые, вьющиеся волосы. Красиво уложенные они так и подмывали сказать, что причёска вам к лицу. Если все эти достоинства вместе с душевным разговором будили в собеседнике ответный интерес, Варенька могла бы предложить вместе с ней заглянуть к Марии Львовне, которая, в свою очередь, устроила бы для «нежданных» гостей радушный располагающий приём. «А дальше – на всё воля Божья» – подвела для себя итог Анна Петровна.

Долгое время салону Анны Петровны не везло: гостей не было, а те редкие, которые появлялись, не вызывали ни у неё, ни у Вареньки никакого интереса. Но вот однажды, около двух часов пополудни, когда солнце медленно катилось по прозрачным небесам, а тонкие ветви деревьев сада едва колебались, к дому подкатили сразу два экипажа. Из одного вышел молодой морской офицер приятной наружности, а из другого выгрузился небольшого роста старичок со свитой. При знакомстве он представился графом Росточкиным Глебом Романовичем. Это имя Анне Павловне ничего не говорило, а могло бы сказать очень многое, если бы она проявляла хоть какой-то интерес к делам своего мужа, и имела терпение иногда слушать его, не перебивая своим внезапным капризом. Граф был одним из богатейших людей, который и по сей день продолжал увеличивать и без того громадное состояние, участвуя в финансовых операциях.

За обедом граф завладел вниманием всех присутствующих: его рассказы о своих путешествиях были веселы и остроумны. Варенька заразительно смеялась, что, казалось, придавало рассказчику дополнительные силы. Он смотрел на неё неотрывно. Создавалось впечатление, что только ей одной он и дарит своё красноречие. Морской офицер, Михаил Ильич, напротив, всё больше хмурился, проявляя очевидное неудовольствие, особенно, когда в

разговор вступала хозяйка дома. Анну Петровну такое положение даже радовало: она мысленно уже выбрала жертву и объясняла поведение Михаила Ильича обычной ревностью. Это упрощало дело – значит, офицеру Варенька определённо приглянулась. Анну Петровну не насторожило и не заинтересовало то обстоятельство, что слуги вокруг графа буквально летали, не дожидаясь его просьбы или даже жеста. Она лишь подумала: «Вот бы мои лентяйки так поворачивались, а то вечно не докричишься».

После обеда граф, откланявшись, попросил проводить его в комнату для гостей для кратковременного отдыха. Лишь только он удалился, Михаил Ильич засобиравшись в дорогу, и никакие уговоры остаться желанного действия не возымели. Анне Петровне оставалось лишь попросить его об услуге: завезти Вареньку в соседнее имение, на что красавец-офицер, конечно, согласился.

Через некоторое время в гостиную возвратился Глеб Романович. И первым его вопросом был:

– А где же Варенька?

Анна Петровна, находясь не в духе, и чтобы избежать дальнейших вопросов, не задумываясь, ответила:

– Она со своим женихом уехала на приём, в соседнее имение.

– Как, разве этот офицер, вроде совсем ей незнакомый, её жених?

– Представьте – да, это у них такая манера общения. После долгой разлуки они как бы заново знакомятся, проверяя свои чувства.

Почему Анна Петровна сочинила такую нелепую историю, она и сама не знала. Просто разыгралась фантазия. Почему бы ей не разыграться, когда нет настроения?

Но эти слова подействовали на графа, как неожиданно свалившееся несчастье. «О, горе мне, горе...», – только и бубнил он себе под нос. Анна Петровна пребывала в полной растерянности, не находя поведению графа никакого разумного объяснения. А поведение графа не раз удивляло и поражало даже хорошо знающих его людей.

На самом деле за маской безжалостного финансового дельца скрывалась добрая, ранимая душа, и эта доброта постоянно искала выхода. Как-то, отдыхая в Ницце, он любовался морским закатом. К нему подошёл мальчуган лет тринадцати и на русском языке предложил купить у него его собственный карандашный портрет. Граф был буквально очарован: «Этот ребёнок подметил такое... Будет великим художником. Он увидел во мне то, что я тщательно скрываю от окружающих всю жизнь – добрые глаза». Отец мальчика, художник, недавно умер от разрыва сердца, рисунки мальчика были его единственным средством к существованию. Граф взял его с собой в Россию, отдал в надёжные руки, определив достойное содержание и обучение живописи до полного совершеннолетия.

Вскоре граф уехал, какой-то обмякший, сторбившийся и внезапно постаревший. А через некоторое время Анна Петровна совершенно неожиданно получила от него письмо. Граф писал: «Сударыня! Анна Петровна, считаю своим долгом объяснить своё поведение. Решил написать вам, так как кроме вас мне и писать-то некому. Я совершенно один. Жена, мой верный друг, давно покинула этот свет. Двое сыновей унаследовали мой жизненный азарт, но у одного он ушёл в карточный, а второй азартен в разгулах и вине. Ни уговоры, ни угрозы не помогли изменить трагическую ситуацию. Я лишил их наследства. Между тем я унаследовал неслыханное состояние, которое продолжал приумножать всю свою жизнь. И сегодня я, как аббат Фариа, ищу своего

Дантеса, которому хотел бы оставить все свои несметные богатства. Когда я увидел вашу дочь, интуиция, которая меня ни разу не подводила, подсказала мне, и сердце дрогнуло в ответ, что это тот человек, который смог бы скрасить остаток моей жизни. Я видел, как Варенька смотрела на меня, как радовалась моим шуткам. Мне от неё ничего не надо, лишь бы видеть её необыкновенные добрые глаза и слышать её удивительный смех. Я собирался сделать ей предложение, и если бы вы были не против, мы могли бы полюбовно решить все вопросы. И вдруг такой неожиданный поворот. Первый раз меня подвела моя интуиция. Теперь вам понятно моё состояние. Простите и прощайте. Ваш покорный слуга граф Ростокин».

Закончив чтение, Анна Петровна потеряла всё сразу: и речь, и зрение, и слух. А когда пришла в себя, то мысли свились в такой тугий клубок, что не осталось ни малейшей ниточки, за которую следовало бы потянуть, чтобы попытаться его размотать. Итак, она проглядела клад, о который должна была бы споткнуться, растянувшись во весь рост. Он просился взять его в руки, он готов был прыгнуть в руки сам, только подставь ладони. И всё, чего не доставало, в том числе и желанная радость – была бы твоя навеки! Судьба посмеялась над ней. Но что потеряно – того уж не вернуть.

Вслед за этим письмом пришло письмо от дочери: «Маменька, я умею быть обольстительной. Михаил Ильич оказался просто душкой. Он совершенно преобразился, стоило только нам покинуть дом, словно его что-то сковывало или угнетало. Старался всячески выказать мне своё расположение. Он сказал, что городские жеманницы не годятся в жёны морским офицерам. Они не способны ждать: слишком много вокруг ухажёров и соблазнов. На это способны лишь тургеневские натуры. Он был очень галантен и даже поцеловал мой локоть. Он сказал, что если я согласна ждать, то по возвращении из Санкт-Петербурга, через неделю, он заедет к Марии Львовне, и тогда всё решится. Маменька, я так счастлива благодаря тебе. Я задержусь, и мы здесь приготовимся к торжественной встрече, которой так достоин капитан-лейтенант Михаил Львович».

Эта весть от Вареньки помогла Анне Петровне выйти из совершенно подавленного состояния, в которое её ввергло письмо графа, и заставила взглянуть на ситуацию по-другому. Теперь, когда дочь так прекрасно устроена, и взаимная любовь обеспечит молодожёнам долгое счастье, в ней внезапно проснулась гордость, доселе невостребованная. Она пожалела, что не знает ответного адреса, но, тем не менее, целый день мысленно сочиняла гневное ответное письмо, приблизительно такого содержания: «Милостивый государь! Кто дал вам право так бесцеремонно, в соответствии с вашей прихотью, решать чью-то судьбу? Вы забыли, что девичья гордость и честь неподвластны вашим желаниям. Вам неведомы чувства молодой девушки, которую вы рассматриваете только как служанку. Не всё, граф, продаётся и покупается. Примите и прочее...»

Эта мысленная отповедь вернула Анне Петровне утраченное настроение. К тому же, хоть волком вой, всё равно ничего не исправить. Для собственного успокоения, можно посчитать это просто дурной шуткой. Главное – её гениальный план осуществился. Теперь она спокойна и свободна. Время беззаботного времяпровождения принесло с собой праздничную атмосферу. Даже прислуга стала выглядывать из щелей, не опасаясь неожиданного гнева своей хозяйки. Наконец-то в доме поселилась радость. На лице строгой хозяйки даже промелькнула тень улыбки. В дом пришёл благодатный покой.

Незаметно прошла неделя, подходила к концу вторая... Варенька не возвращалась. «Неужели они там решили обойтись без меня», – подумала Анна Петровна, – это вполне в духе Марии, которую вечно подговаривает её противный супруг. Она даже слышала его противный голос: «Она испортит весь праздник». Именно это обстоятельство и удерживало её от поездки к Марии Львовне. Её супруг, как только оставил службу по своему нездоровью, занял характер желчный и язвительный. Это никак внешне не проявлялось, но Анна Петровна была совершенно уверена, что так оно и есть на самом деле. Выражалось это одним удручающим обстоятельством. Когда она о чём-то судила с присущей ей уверенностью, его вдруг, совершенно не к месту, разбирали нервный смех, который он, не смущаясь, обычно объяснял каким-то неожиданным воспоминанием. Анну Петровну сильно раздражала эта постоянная бестактность. И хотя подруга убеждала её, что к ней это не имеет никакого отношения, неприятный осадок оставался. Этот язвительный смех заранее звучал в её ушах. Но, в то же время, не может же она не высказать своего мнения, когда ответ очевиден, и не видеть этого могут лишь слепые.

И в этот раз она никак не могла решиться на поездку, хотя её всё больше раздражало неудовлетворённое любопытство. Но общего приподнятого настроения это обстоятельство не портило. Казалось, радость надёжно облюбовала её дом. Особенно радостными были два последних дня, когда природа расщедрилась неподражаемым великолепием летнего чуда.

А на третий день вернулась зарёванная Варенька, которая не дождалась обещанного возвращения разлюбленного своего избранника и осталась на некоторое время у Марии Львовны, чтобы привести в порядок расстроенные нервы.

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

«И на земле познать себя...»

Я проснулась на заре,
а колодец во дворе
со студёною живительной водой.
Ах, на оба на плеча –
кожа стала горяча.
И смеётся день весёлый, молодой.

Мне ли с ним не по пути
на земле растить цветы
и с заботою управиться дневной.
До вечерней до зари
приумножить ей дары.
Ночь уйдёт, и светлый день не за горой.

И прекрасен мой день

Мне понятна, близка деревенская жизнь,
Каждым летом её ощущаю на вкус.
Говорит, увлекая работой, «держись!».
Вызов принят и я, городская, держусь.

Вот пила, и лопата, и лейка со мной,
А с водою колодезной жить – не устать.
Да и в радость рукам пообщаться с косой.
Настроенью хорошему песня под стать.

Нет в деревне родных, значит родственных встреч.
Только встреча с одной самой мудрой из книг,
Где я слушаю лета зелёную речь
И цветов луговых изучаю язык.

Где знакомые птицы мне машут крылом
И проносятся запахи солнечных трав.
Это счастье нельзя отложить на потом –
Породниться с землёй, ей помощницей став.

Синевою ласкает глаза небосвод.
Благодатно вокруг, и работать не лень.
Если сердцу легко от трудов и забот,
То прекрасен мой день!

Пасётся стадо

На лугу пасётся стадо,
Травы цветом в малахит,
Потому что речка рядом
Искушает, напоит.

А умытый и согретый,
Луг прекрасен заливной.
Здесь не юг, но море света
Плещет солнечной волной.

У коров есть, правда, повод
Место раем не назвать –
Норовят слепень и овод
Портить эту благодать.

Но мешают лишь доколе
Разомлевший ветер спит.
У коровушек на воле
Не испортить аппетит.

Надо мной моя радость

Как по белой росе покосила траву,
Да крапиву подёргала белой рукой.
Птичий щебет всё лето со мной наяву,
И на сердце воркующий тихий покой.

Надо мной моя радость кружит и поёт
И покосные травы со мной говорят.
Вот смородины куст причаститься зовёт,
Рядом жаркой малины влекущий наряд.

Спелой ягоды плоть на ладонь положу,
Полюбуюсь – прекрасны земные дары.
Белой бабочки взглядом полёт провожу,
Отдохну и ещё покошу до жары.

Вижу – небо сверкает всю высоту,
Даже дерзкой мечтой до неё не достать.
Я дышу, я люблюсь, живу красотой,
И душа не устала летать.

Дорога твоя широкая,
Что ни развилка, то воля.
Зачем задержался около
Моей тропиночки в поле?
И нащептал мимоходом мне,
Как поле моё красиво.
Чуть покачнулась к твоей волне,
Улыбку не погасила.
А ты предо мною соколом,
Пьянея от трав, не боле...
Полёта тебе высокого,
А мне – тропиночку в поле.

Нет своего «угла» в деревне,
Ни малой хатки, ни родных.
Но в сердце всё же ноткой древней
Природы голос не затих.

И прихожу, об этом зная.
С землёю связь и мне дана.
Пусть для селян скорей чужая,
Но я свободна и вольна.

Вольна подслушать голос ветра
И уловить его мотив.
Познать земные километры,
Родство с природой закрепив.

Косить траву и петь о сене
И, жизнь на воле возлюбя,
Дышать теплом родных селений,
И на земле познать себя.

Под дождём

Дождь заладил с утра
И стучит в каждый дом беспризорно.
И ему всё равно,
Что цветы уберечь не смогли
Цвет улыбки своей
Нежнокрылой, простой и покорной –
От капелей тугих
Лепестки обронули свои.

Ах, и мне б под дождём
Смыть ненужных печалей страницы,
Не жалея ничуть
О минувших годах и о днях,
Что летят косяком,
Исчезая вдали, словно птицы,
И ведут за собой
В неизвестную даль и меня.

Обречённость дождя
И цветов ощущаю я кожей,
И одежда моя
Будто мокрые крылья, точь-в-точь.
Прохожу под дождём
Одинокой и странной прохожей.
Ни цветам, ни дождю,
Ни себе я не в силах помочь.

Вечернею порой

Земная тишина колышет колыбель
Пахучих трав задумчивого луга.
Из всех координат вот эту параллель
Вплела в свои миры моя округа.

Простор, куда ни глянь, и долог, и широк –
На триста шестьдесят земля и небо.
Через дорогу рожь, где каждый колосок
Напоминает вкус и запах хлеба.

И как же хорошо вечернею порой
В преображении лучей заката
Отдаться тишине и мыслью, и душой.
Вокруг свежи луга, поля не сжаты.

И птахи малые за мошками снуют,
И аисты летают на болото.
Как изумрудный клад хранит земной уют
Таинственно-непознанное что-то.

Но через малый срок здесь август прошуршит
Пожухлою листвою, что скоро осень.
И утренний туман прогнозы подтвердит,
А мы ещё тепла чуть-чуть попросим.

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ

Последний круг

Драматическая поэма в 3-х действиях

Действующие лица:

Георгий – спортсмен-биатлонист, 26 лет.

Соня – жена Георгия, 24 года.

Виктория Захаровна – мать Георгия, 50 лет.

Арнольд Семёнович – тренер по биатлону, 45 лет.

Надежда – новая подруга Георгия, 30 лет.

Сэм – представитель иностранного государства, неопределённого возраста.

1-й амбал.

2-й амбал.

3-й амбал.

Первое действие

(Осень. Лесная дорога на спортивной базе, где тренируются биатлонисты. Арнольд Семёнович и Соня прогуливаются вдоль дороги, они о чём-то мирно беседуют. Арнольд Семёнович вальяжно обнимает Соню, заметно, что они хорошо знакомы. Вбегает запыхавшийся Георгий, снимает с плеча малокалиберную винтовку, садится на пенёк)

Явление первое

(Арнольд Семёнович, Соня и Георгий)

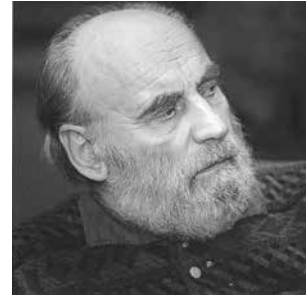
Арнольд Семёнович

Ну, как дела? Ещё один кружок
И завершишь сегодня тренировку?

Георгий

Нет, не могу, покуда силы есть
Мне на «отлично» надо отстреляться...

(отдышавшись, Георгий встаёт и убегает)

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклонуты чувства», «Поделись надеждой с ворогом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джульетта», «Морок», «Изпод плитуса», «Проскурова лажка», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Арнольд Семёнович

(ёрничая)

Супружница великого бойца –
Пришла на помощь? Может, мне поможешь?

Соня

(с притворной обидой)

Не насмехайся, может, помогу!
Не за него, Арнольдик, я волнуюсь:
За денежки, которые текут
Сквозь наши пальцы... Как бы мне хотелось
Себя свободной в жизни ощутить:
Стать независимой от «подленькой копейки»,
Чтобы её шуршанье в кошельке
Не слышать век!.. О, как же я устала!

Арнольд Семёнович

(уверенно)

Ты слёзы «крокодиловы» не лей...
Ещё полгода... Там – Олимпиада:
Надеемся на первые места,
А, может быть, «прихватим золотишко» –
Тогда и станет веселее жить.

Соня

(задумчиво)

Хочу сейчас! А то мы, как в туннеле,
Бежим, бежим, чтобы увидеть свет
В его конце... От встречного состава?!
И – вдребезги счастливые мечты...

Арнольд Семёнович

Как опытные люди говорят, –
Всегда есть выход, только нет желанья
Искать его...

Соня

(мрачно)

Да нет душевных сил!

Арнольд Семёнович

(с нажимом)

Оставь, «голУба», эти сантименты
Ты для души... «Включи» свои мозги:
Здесь «на кону» немалая валюта.

Соня
(с интересом)

Семёныч, говори, но «не темни»,
Кто «отстегнёт» нам ни за «что» «зелёных»,
Притом «немалых», как ты говоришь...

Арнольд Семёнович
(уверенно)

Об этом не твоя, мамзель, забота:
Но ты должна «войти» в мою игру
Всё ради той – реальной сверхзадачи!

Соня
(задумчиво, в сомнениях)

В «игру», в «игру»... А будет стоять свеч?
Не обойдёшь меня на повороте?

Арнольд Семёнович

В ней «эпицентром взрыва» станешь ты,
Но если «что»!.. Мы вместе «облучимся».

Соня
(весело)

Загадочность мне душу берedit:
Рискну тебе довериться, Арнольдик!..
Но в чём проблема?

Арнольд Семёнович
(после паузы, загадочно)

Гошу совратить
Придётся нам, чтобы «приплЫла» «зелень».

Соня
(издевательски)

Тебе и мне? Но он не «голубой»!

Арнольд Семёнович
(начинает злиться)

Ты мне, дурёха, мозг «не компостируй»,
А то из «доли» выкину тебя, –
И до конца пустой, никчёмной жизни
Ты будешь локотки свои кусать...

Настройся на конкретный разговор,
Тогда немного тайну приоткрою.

Соня
(ёрничая)

Согласная!.. Тогда скорей вещай:
Так хочется мне в «зелени» купаться...

Арнольд Семёнович
(настраиваясь, задумчиво)

Ко мне сейчас приедет человек,
Который нам услугу ту оплатит...
Я коротко тебе всё изложу,
А Гоше размалюешь ты в картинках...

(оба уходят вглубь сцены, Альберт Семёнович куда-то исчезает, но быстро возвращается)

Явление второе

(На сцене снова появляется Георгий, начинает складывать свою тренировочную форму. Арнольд Семёнович собирается уходить, машет Соне и Георгию рукой и уходит, Соня подходит к Георгию, обнимает его)

Соня
(заговорщически)

Устал? Но на минутку задержись!
Должна с тобою обсудить проблему,
Которая касается нас всех...

Георгий
(вопросительно)

Кого ещё?

Соня
(оглядываясь по сторонам)

Сейчас ты всё узнаешь:
Семёнович и некий человек
Хотят в нас инвестировать, прикинь,
Миллиона два в «зелёнеёной» валюте!

Георгий
(удивлённо)

Кто и за Что?..

Соня

(вновь оглядываясь, потом, обнимая Георгия)

За мелкую услугу:

Всего лишь надо не «завоевать»...

Нам титул олимпийца незаметно –

Для судей и команды... в той «борьбе»

С твоим давно известным конкурентом...

Георгий

(возмущённо)

Да ты о чём? Совсем сошла с ума?

Да это же предательство! Подумай!

Как я смогу друзьям в глаза смотреть,

Упрятав совесть за гнилой душонкой?

Соня

(мягко, уступчиво)

Не кипятись... Подумай... Все долги

Мы отдадим, и будем жить свободно:

Не за копейку гнусную трястись,

А разъезжать по дальним границам...

И, может быть, навечно там «осесть»?

Георгий

(зло)

Вопрос закрыт! Как ты могла «дойти»

Хотя бы в мыслях до такой аферы?

(Георгий поворачивается и скрывается в лесу)

Явление третье

(Из леса выходят Арнольд Семёнович и Сэм с «кейсом», Соня подходит к ним)

Арнольд Семёнович

(льстиво)

Вот познакомься, мой надёжный друг...

Соня

(протягивает руку незнакомцу)

Недавно говорил Арнольд о вас,

Я счастлива, что есть такие люди

В его кругу...

Сэм

(целует руку Соне)

Мадам, я очень рад

В друзьях иметь красавицу такую...

Соня

(наигранно, стесняясь)

Ну, что вы... что вы, я не лучше всех:

Мышонок серый...

Сэм

(обольстительно)

Что вы... что вы... что вы...

Впервые встретил я такую «мать»,

Которая во всём на всё согласна...

Соня

(льстиво, в раздумье)

Но в сей момент всё, будто «поперёк»:

Я не могу сама решить проблему,

А дело в муже... Он, как тот алмаз,

Гранить который долго нам придётся:

(задумчиво)

Как?.. Чем?.. Скажите?!..

Сэм

(уверенно)

Крепче денег – нет,

Чтобы любую «обтесать» твердыню...

Арнольд Семёнович

(обращаясь к Соне, показывает на кейс)

Вот здесь – мильён: задаток для него...

Уверен, что его сердечко «дрогнет»

От «зелени», заставшей трезвый взгляд,

Подёрнется и разум липкой ряской...

Твоя проблема – Жорика склонить

К решению поставленной задачи,

Иначе – «кейс» придётся возвратить

Спонсёру с «неподъёмной» неустойкой.

Соня

(озадаченно)

Я поняла, что хода нет назад:
Придётся разбиваться мне в лепёшку...

Арнольд Семёнович
(повелительно)

Твои дела... Но ты имей в виду,
Что защитит никто тебя не сможет...

(отдаёт кейс Соне, поворачивается к Сэму)

Пошли, мой фрэнд, – сработает «бабло»:
Не сомневайся – не завянет «зелень»...

(Арнольд Семёнович и Сэм уходят)

Явление четвёртое

(Из леса выходит Георгий, направляется к Соне, она незаметно прячет кейс в кустах)

Соня
(в сторону)

Вот это «выход»: «зелень» я возьму
И завтра спрячу в банковской ячейке,
А с Гошей «разобраться» я смогу:
Не устоит никчёмная душонка...

(обращаясь к Георгию)

Проветрился? Скажи, как на духу:
Ты можешь по мишени раз «промазать»,
С дистанции сойти, как бы упасть,
Штрафной кружок бесчестно «заработать»...

(после паузы)

Ты – опытный, ты – лидер: сможешь всё...

Георгий
(с интересом)

Права... Права, но только мне скажи:
Когда за эту подлость мне заплатят?

Соня
(нагло)

Как только дело сделаешь, – тогда
Всю сумму сразу...

Георгий
(в сторону)

Надо «поиграть»
И посмотреть, насколько мы «прогнозили»,
(обращаясь к Соне)

Наверно, ты ослепла от «бабла»,
Да и оглохла, – раз меня не слышишь:
Не собираюсь больше повторять,
Что не могу пойти на преступление...

Соня
(не вникая в слова Георгия)

Какое преступление? «Врубись»:
Такой «пасьянс» по жизни раз бывает...
Упустишь, – я с тобой не буду жить...

Георгий
(в сторону)

Да ты и так со мной лишь проживаешь!
(примирительно, обнимая Соню)

Не надо нам скандалец разжигать:
Подумаем, прикинем и наметим,
Какой из вариантов подойдёт?
Я не хочу решать задачу слёту.

Соня
(весело)

Я верила и знала, что тебе
Моя любовь всего-всего дороже!

Георгий
(мягко)
Конечно, друг мой, как мне без неё?

Соня
(по-деловому)

Решенье принял, как «крутой» мужик,
За это я всегда тебя любила...

(обнимает Георгия)

Ну, мне пора... К подружке заскочу...
Ты ехай сам, попозже созвонимся...

(Георгий направляется к своей машине, Соня незаметно достаёт кейс и уходит в другую сторону. Георгий останавливается и в раздумье возвращается на то место, где только что расстался с Соней)

Георгий
(про себя)

Не знаю, чем закончится «игра»?!
Ей кажется, что дух мой надломила:
Позарился на чёрное «бабло»
И в розовом тумане заблудился...
«Игра» в «игре»: «надует» кто кого?
Фальшивую любовью обольщает,
Измену превращает в пошлый фарс,
Толкает на духовную измену...
Я бесовщине душу не продам
Под страхом смерти, а потом посмотрим...
(Георгий уходит, слышен звук машины)

Конец первого действия

Второе действие

(Скромная двухкомнатная квартира, в которой живут Виктория Захаровна, Георгий и Соня. Позднее утро. Виктория Захаровна, Георгий только вчера вернулся с Олимпийских игр)

Явление первое

(Виктория Захаровна сидит в кресле, вяжет, из другой комнаты выходит одетый в спортивный костюм Георгий, размахивает руками, делая лёгкую зарядку, Виктория Захаровна подходит к сыну, обнимает его)

Виктория Захаровна
(участливо, с любовью)

Родной, проснулся, надо отдыхать
Тебе побольше после сверхнагрузок,
Которые недавно перенёс...
Побереги, сынок, своё здоровье.

Георгий
(потягиваясь)

Устал, но счастлив, всех мы «обошли»
И с честью «золото» завоевали...

(восторженно, словно сбросив тяжесть с души)

Мне даже снилось, что звучал наш гимн,
И в чистом небе флаг страны светился

Под ярким солнцем... А оно плыло
По небу, как медалька золотая...

Виктория Захаровна
(удивлённо)

Ты говоришь, как истинный поэт,
В тебе такого я не замечала.

Георгий
(вдохновенно)

За эти ощущения готов
Отдать полжизни, по большому счёту!

Виктория Захаровна
(весело)

Зачем тебе полжизни отдавать?

Георгий
(смеясь)

Шучу, шучу – имел в виду «спортивной»...
(отвлёкся, что-то делает)

Да, кстати, мама, где моя жена?

Виктория Захаровна
(удивлённо)

Поехала с тобой в аэропорт –
С тех пор сюда она не появлялась...

(после паузы)

Я думала: в «поддержку» отбыла
С командой вашей на Олимпиаду?!

Георгий
(возмущённо)

Ушла – и нет?! Пора тревогу бить!

Виктория Захаровна
(загадочно)

Не надо, Жора: к мамочке ушла...
Всего один разочек позвонила...

Георгий
(возмущённо)

Но «мамочка» – у «света на краю»...
Опять враньё, припудренное лестью!..

Виктория Захаровна
(нейтрально)

Я не хочу «накручивать» тебя...
Ты не дурак, но крепко-крепко думай...

(Георгий нервно ходит по комнате, уходит на кухню, входит в комнату, заваривает кофе, мать садится в кресло, как будто ничего не произошло, и продолжает заниматься вязанием, Георгий пьёт кофе)

Явление второе

(Слышно, как открывается входная дверь, кто-то раздевается в прихожей, и входит Соня. Немая сцена. Георгий вскакивает, подходит к Соне, обнимает её, она его не отталкивает, но заметно, что ему не рада)

Георгий
(обрадованно)

Ну, где же ты, голубушка, была?
Я рад, что ты пришла меня поздравить
(ёрничая)

С победой великой... Вот медаль...
(берёт медаль и вешает на шею Соне)

Соня
(возмущённо срывает медаль и бросает под ноги)

(Виктория Захаровна испуганно уходит в другую комнату)

Ты понимаешь, что ты натворил?
Припомни: я тебя предупреждала,
Что ты рискуешь?

Георгий
(смущённо, поднимает медаль)

Потерять любовь
Жены любимой за шальные деньги?..
Любовь шуршит, как «зелень» в кошельке,
Фальшивыми любовными словами.

Соня
(почти в истерике)
Где я была? Арнольд меня «пригрел»...
Теперь я вижу: как же я ошиблась,
Связав судьбу с ничтожеством таким,
Как ты ... Как ты...

(притворно рыдает)

Георгий
(пытается обнять Соню, она его отталкивает)

ГолУба, успокойся...
Не надо здесь трагедию «ломать»:
Не мог, поверь, я поступить иначе...
В сражении – «надежда всей страны» –
Предать не может на глазах у мира.

Соня
(рыдая)

Меня ты предал!..

Георгий
(жёстко)

Ну, а ты – меня.
Считай, жена, что мы с тобой в расчёте!

Соня
(вытирая слёзы)

Нет, муженёк, расчёт твой впереди:
Просить прощенье будет бесполезно!..

Георгий
(спокойно)

Наш хилый брак прикажет долго жить?

Соня
(победно)

Да, брак был браком, склеенным халтурно,
Какой ты муж, когда ты для любви
Пожертвовать не можешь «мелочёвкой»?

Георгий
(возмущённо)

Измена – «мелочёвка» для тебя?
Она, как незаметная тропинка,
Петляет скрытно между честных дел,
Затягивая душу прямо в пекло.

Соня
(насмешливо)

С *принципностью* твоею проживёшь
Остаток дней в нужде, без перспективы...
Да что я распинаюсь пред тобой:
Дай мне развод, – я уйду к Арнольду...

(Георгий в бешенстве бежит в другую комнату и выскакивает с малокалиберной винтовкой, направляет её на Соню)

Ах, недоносок, застрели меня,
Но ты не сможешь... Гнусная душонка...

(распахивает одежду, обнажая грудь)

(В это время раздаётся звонок в дверь, Соня бежит открывать, Виктория Захаровна выходит из своей комнаты)

Явление третье

(В квартиру входят Арнольд Семёнович и три амбала, за ними, как тень, проникает Соня и стоит при входе в комнату)

Георгий
(удивлённо)

Не ожидал, что явитесь, Арнольд,
Нежданно, да ещё в таком составе...
С тобой вчера делили мы успех
И за успех наш тосты поднимали...
Но чем оправдан ранний сей визит?
Случилось что-то?

Арнольд Семёнович
(грубо)

Да, мой фрэнд, случилось!..
Нарушил ты наш тайный уговор,
Который был заранее оплачен...

Георгий
(удивлённо)

Я не пойму, Семёныч, ничего!..

Арнольд Семёнович
(уверенно, с нажимом)

Тебе мы передали накануне
«Вчерашних действий» «тёпленький» мильён
Не «деревянных» – новеньких «зелёных»,
Чтобы, как ты супруге обещал,
Любым путём оставить «золотишко»

На откуп тем серьёзнейшим людям,
Что проигрыш твой щедро оплатили!

Георгий
(более удивлённо)

Чией супруге? Может быть, твоей?
Такое в жизни я впервые слышу...

Арнольд Семёнович
(злобно)

Не ерунди и не виляй хвостом,
(Соня пытается спрятаться за дверь)

Где эта стервь, что в игры заигралась?
(оглядывается по сторонам, видит дрожащую Соню)

А... Вот и ты... Где «бабки», говори!

Соня
(нахально)

Арнольдик, отдала ему назавтра, –
Как только мы расстались, вот те крест,

(крестится)

Пообещал, что будет всё в порядке.

Арнольд Семёнович
(вопросительно-возмущённо)

Кому же верить?

Соня
(кричит, указывая на Георгия)

Спрятал где-то он...
Теперь от вас он хочет «открутиться»!
Потребуйте «зелёные» сполна
К тому же «наварите» неустойку...

(Амбалы сидят и только поглядывают на происходящее, из комнаты выходит Виктория Захаровна, Соня незаметно выскользывает за дверь)

Виктория Захаровна
(срывающимся голосом)

Товарищи! Сын правду говорит:
Честнее не встречала человека...

(сквозь слёзы)

И от меня не смог бы утаить...
Поэтому поверьте ветеранше.

1-й амбал

Мамаша, ты не в курсе ни аб чём:
На миг заткнись, а то применим силу...

Георгий
(возмущённо)

Но, ты, амбал!.. Ввалился в чистый дом,
Как в сапогах, и топчешься по душам...

2-й амбал

Сопляк, молчи, здесь мы наш суд вершим:
Приговорим тебя и эту...

(показывает на Викторию Захаровну)

к «вышке».
И сразу пустим, как скотов, в «расход»!

Арнольд Семёнович
(повелительно 3-му амбалу)

Заткни старухе кляпом эту пасть –
Запри её на час в «холодный карцер»!

(3-й амбал встаёт и направляется к Виктории Захаровне, Георгий пытается преградить ему путь, 1-й и 2-й амбалы вскакивают, заламывают Георгию руки и усаживают в кресло)

Вот так-то лучше... Будешь говорить,
Где спрятал «бабки»? А не то ответишь
По полной за проклятые грехи...
Согласен ты «до плёшки» «расколоться»?

Георгий
(разочарованно)

Тебя, Арнольд, всегда я уважал,
Как тренера, и даже человека...
Твоё мне слово значило не раз,
Как искреннего, «пожилого» друга!
И вот финал: бегу последний круг
Не по твоей бескомпромиссной воле –
По воле золочёного Тельца...
Как ты ничтожно пал в моих глазах...

(после паузы)

В игру втянул я Соню и тебя;
Хотел увидеть вашу всю продажность,
Но денег я не видел и не брал...

Арнольд Семёнович
(трагически)

Представь себе, как ты меня подвёл...
Ведь на кону – авторитет и совесть!
Меня ты обесчестил в мире том,
В который навсегда мне путь заказан...
Предавший нас – обязан понести
Законную и страшную расплату...

Георгий
(возмущённо)

За то, что для страны завоевал
Тот имидж, что за деньги ты не купишь?..

1-й амбал
(обращаясь к Арнольду Семёновичу)

Давай «кончать» его без болтовни,
А то опять накличешь неудачу...

2-й амбал
(решительно)

Нам эти размышлизмы ни к чему...
(встаёт, подходит к Георгию)

(Георгий вскакивает, амбалы набрасываются на него и тащат к балкону, он пытается сопротивляться, но они общими усилиями сталкивают Георгия с девятого этажа. Слышен какой-то нечеловеческий крик. Все входят в комнату)

Арнольд Семёнович
(загадочно)

Ну, дело сделано, линияем за кордон...
(обращаясь к 3-му амбалу)

Открой старуху, пусть мозги «проветрит».

2-й амбал
(берёт «под козырёк»)
Шеф, может, стоит и её «пришить»?

Арнольд Семёнович

(обращаясь ко 2-му амбалу)

Навешено мокрухи выше крыши...
На нас и так ... Пошли... Пошли... Пошли...

3-й амбал

(открывает дверь комнаты, в которой заперта Виктория Захаровна, в это время на улице слышны крики, вой милицейской машины и «Скорой помощи»)

Пора смываться, прихвати портфель,
Там могут быть оставшиеся «бабки»...

(Все четверо быстро выбегают из квартиры, пауза, крики на улице продолжают, слышен звук отъезжающей «Скорой помощи»... На пороге комнаты возникает фигура Виктории Захаровны с завязанными глазами и ртом. Она медленно снимает повязку со рта)

Виктория Захаровна

(в полубморочном состоянии)

Не слышу и не вижу ничего:
Где Жора, Соня, страшные бандиты...

(выходит на балкон, смотрит вниз, возвращается)

Случилось что-то... Выйду – посмотрю...

(Виктория Захаровна набрасывает на себя пальто и уходит)

Конец второго действия

Третье действие

(Прошло три с половиной года. Комната второго действия)

Явление первое

(Георгий сидит в инвалидном кресле)

Георгий

(про себя)

Не знаю, сколько жизней пережил...
Срывался в пропасть, умирал и плакал
И снова в этой жизни воскресал,
Тогда мой сон реальностью казался:
Бежал, бежал. И вот последний круг,
Но кто-то в спину мне опять стреляет...

Я падаю, и ноги не идут,
И перегаром комната пропахла...
Во сне я уходил на сотни лет
Вперёд – назад, как маятник качался
Среди планет над веком и Землёй.
Я становился лёгкою душою,
Которой во вселенной всё подвластно,
И снова смерть витала среди звёзд.
Бежал, бежал последний круг и плакал,
И падал, падал в чёрную дыру,
И звал на помощь в полной тишине:
Никто меня тогда не мог услышать...
Кристаллы звёзд стояли, что кресты
На бесконечном кладбище трагедий.

(Входит Виктория Захаровна, садится в кресло напротив Георгия)

Виктория Захаровна

(пауза, в раздумье)

Боялась, мальчик мой, что никогда
К нормальной жизни ты не возвратишься...
Но верила, что бесы отлетят:
Пристрастие к наркотикам и пьянству
Отгонятся молитвою моей!..

Георгий

(несколько возмущённо)

Нормально ли?.. Один во мгле сижу
Четвёртый год привязанным к коляске...

Виктория Захаровна

(успокоительно)

Скажи спасибо, что ещё живой!

Георгий

(как бы про себя)

Но вот за что меня «приветил» рок,
И где был Бог, когда казнили совесть?
Одной Надеждой я живу теперь...
А, может, лучше было б...

Виктория Захаровна

(строго)

Не кощунствуй!..
Молила Бога, чтоб тебе послал:
Любовь, здоровье, для души в подмогу...

Всевышний волю к жизни возвратил
И подарил «дыхание второе».

Георгий
(задумчиво)

Не только Он... Надежда мне дала
Уверенность в мои былые силы,
Готов тренироваться день и ночь,
Чтоб оправдать Надюшино доверье...

.....
Мне часто снится тот счастливый день,
Когда соревновался с ветром зимним,
А если обгонял на виражах,
Тогда он пел трагическую песню,
В которой явно слышал я слова:
«Последний круг, последний круг, Георгий», –

Старался он мне опалить лицо,
Пронзить насквозь все мысли о победе...
Но, как охотник древний по тропе,
Я по лыжне бежал остервенело.
О, зимний ветер, навсегда прощай,
Безрадостно нам будет друг без друга.

(Георгий уезжает в другую комнату, но вскоре возвращается. На коленях у него лежит малокалиберная винтовка, он подъезжает к прежнему месту, останавливается, берёт в руки винтовку и целится в окно)

Виктория Захаровна
(испуганно)

Не надо, Жора, вдруг она стрельнёт...

Георгий

Нет, мамочка, она, как неживая,
Она не раз мне в жизни помогала,
Подруга верная в несчастьях и любви...
Её тепла мне также не хватает, –
Она совсем живое существо
И любит нас не хуже человека.
Шепнула мне, что не предаст вовек:
Со злом всемирным вместе повоюем.

(Георгий любовно поглаживает винтовку, потом аккуратно опускает её в чехол за спинкой коляски. Раздаётся звонок в дверь, Виктория Захаровна идёт открывать)

Явление второе

(В комнату входит молодая женщина с палочкой)

Георгий
(обрадованно, пытается встать, но женщина делает жест, чтобы он сидел)

Ты, Наденька, ко мне сама пришла
По воле неба...

Надежда
(уверенно)

Ты не фантазируй:
Прекрасно знаешь Кто, Кому и Чем
Обязан в этой жизни проклятущей...
Ты отдохни! Твой воспалённый мозг
Нуждается в полнейшем расслабенье...

(Георгий уезжает в другую комнату, остаются Виктория Захаровна и Надежда)

Виктория Захаровна
(Надежда тоже садится в кресло. После паузы, спокойно)

Скажите, Надя, как вам удалось
Георгия на здравый путь направить?..
Он после катастрофы духом пал,
Казалось, что и телом не воспрянет?

Надежда
(спокойно)

Захаровна, голубушка, любовь –
Излечит все житейские «болячки»
И нарисует, словно на холсте,
Не в сказке, а реальные картины...
Не говорила раньше никогда
Я о моей «потусторонней» жизни:
Сынок погиб, муж от суда «ушёл»,
Меня отправив на круги Аида...
В трагедии один был виноват,
Которую он совершил по пьяни...
Я «отвалялась» года полтора
По всем больницам: платным и бесплатным...
На счастье мне Всевышний преподнёс
Любовь непокорённого мужчины...
Я с ним прошла почти кромешный Ад,
Рай обретя в земном его обличье.

(Раздаётся телефонный звонок, мать говорит, что просят Георгия. Он въезжает на коляске в комнату, где находятся Виктория Захаровна и Надежда)

Георгий

(берёт в руки мобильник, звонит Соня, её слышит только он)

Соня

(взволнованно)

Звоню тебе уже в который раз...
Ты трубку не бросай, меня послушай:
Я осознала всю свою вину:
Готова пред тобою повиниться...
На веки вечные прости меня... Прости!
Захочешь – я могу к тебе вернуться,
Вернее, я хочу... Единственный ты мой ...

Георгий

(спокойно)

Я не могу пожертвовать тобою –
Пусть ради необузданных страстей,
Которыми меня ты повязала...
Дарю тебя Арнольду, как презент:
К тому же – в сердце у меня Надежда!
Она мне не изменит никогда,
И я люблю её не меньше жизни.

Соня

(задумчиво)

Да! Без надежды, Гоша, не прожить...
Выходит, ты меня её лишаешь?!

Георгий

(жёстко)

Твоя надежда – подленький Арнольд:
Довольствуйся тем, что послали бесы...
(кладёт трубку, слышны только для него короткие гудки)

(Надежда замечает, что Георгий разволновался, и пытается его успокоить)

Надежда

(спокойно)

Ты должен сконцентрироваться весь:
Остался месяц до соревнований...
Сумел, любимый, слабость победить!

Георгий

(несколько разочарованно)

Но не болезнь... Когда-нибудь, быть может?!

Надежда

(уверенно)

Хотел вернуться... И вернулся в спорт!

Георгий

(в задумчивости)

В паралимпийский! Но не для меня
Его статичность: без мороза, ветра...
В стрельбе, конечно, есть достойный смысл
Паралимпийцу снова выйти в «люди».

Надежда

(сердцась)

Сам знаешь: там сложнее победить,
Но главное – ты одолел безволие,
Которое исчезло из души,
Как наважденье...

Георгий

(уверенно)

И моё безверье!
Теперь я знаю, что возврата нет
К тому, что было за моей спиной:
Сплошная ночь... Ты – солнечный рассвет...
Я так тебе, Надюша, благодарен!

Надежда

(несколько стесняясь)

Оставим разговоры на потом...
Ещё три дня, и мы с тобой уедем...
А там – кто знает, Гоша!.. А сейчас
У нас с тобой по плану тренировка!..

(Георгий уезжает на коляске, Надежда собирается и уходит вместе с ним)

Явление третье

(Проходит месяц. Виктория Захаровна сидит в кресле)

Виктория Захаровна
(сама себе)

Вот не было б несчастья, говорят...
Так не было б и счастья... Верю, верю,
Что отмолила сына... И теперь –
Бог дал ему надежду и... Надюшу...

(Звонок по телефону, Виктория Захаровна снимает трубку)

Соня
(дрожащим голосом)

Пред вами голову мне хочется склонить,
Но лучше приклонить бы я хотела
На вашу грудь, услышать сердца стук
Той, кто такого сына подарила
Стране и миру...

Виктория Захаровна
(возмущённо)

Соня, прекрати
Лить лезть на душу огненным металлом...
Чего ты хочешь?

Соня
(плаксивым голосом)

Мама!.. Возвратить
Георгия заблудшею овечкой
В свой прошлый гурт...

Виктория Захаровна
(резко)

Совсем сошла с ума...
Баран овцу паршивую не примет...

Соня
(просительно)

Но я всегда надеялась на вас
И ощущала женскую поддержку...

Виктория Захаровна
(отстранённо)

Ты только с ним свою судьбу решай –
Не впутывай меня в свои проблемы...
Здорова будь... А время – всё решит...

(Вешает трубку. Сидит задумавшись... Снова звонок, звонит Георгий)

Георгий
(восторженно)

Мы победили! Золото у нас!
Поздравь нас, мама, скоро будем дома...

(Телефонный разговор прерывается)

Явление четвёртое

(Проходит какое-то время. В той же комнате Виктория Захаровна, несколько человек суетятся, накрывают столы. Входная дверь широко открывается, звучит марш Мендельсона, на пороге появляются: Георгий в коляске, Надежда с палочкой и в подвенечном платье, ещё несколько человек. Виктория Захаровна подходит к ним, обнимает вначале Надежду, потом Георгия)

Виктория Захаровна
(восторженно, причитая)

Какое счастье, дети! Вот теперь
Свершилось чудо! Бог нас не оставил!
Вы победили всё... Почти что всё:
Что по судьбине вам предназначалось.

Надежда
(бодро)

Болезни наши тоже победим,
Поверьте, мама, с Гошей в это верим!

Виктория Захаровна
(весело)

Сегодня обойдёмся без гостей,
Чтоб не плели пустые разговоры,
Хочу я слушать тёплые слова,
Проникнутые счастьем и любовью.

Георгий
(задумчиво, обращаясь к Надежде)

Звонила Соня... Хочет к нам прийти...
Я пригласил её с Арнольдом вместе.

Надежда
(энергично)

А надо ли? Тебе она зачем!
Четыре года – в гробовом молчанье,
А этот тип?

Георгий
(Надежде)

Хочу я посмотреть,
Что бывшим от меня сегодня надо?

Виктория Захаровна
(не слышит разговора Георгия и Надежды, радостно)

Ну, вот теперь мы можем начинать,
Все собрались...

(Неожиданно входная дверь открывается, вбегает Соня с букетом цветов, за ней тяжело входит Арнольд Семёнович)

Соня
(запылавшись)

Здесь, видно, кто-то лишний...

(Подбегает к Георгию, становится на колени, обнимает его за ноги, он отталкивает её, Соня падает на пол, Георгий бросает букет Арнольду Семёновичу)

Георгий

Да! В нашей жизни лишний этот тип,
Возьми себе на свежую могилу!

(Георгий берёт винтовку одной рукой и почти в упор стреляет в Арнольда Семёновича, тот падает. Свет постепенно гаснет)

Конец

ПОЭЗИЯ

Василий ЛОВЧИКОВ

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военноморское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.
Живёт в Москве.

«Народ пугают третьей мировой...»

Неотвратимый бумеранг

Факт изоляции с родными,
Конечно, легче пережить,
Но всё же, даже вместе с ними,
Плен нелегко переносить.
И ждать, когда уйдёт угроза –
И эпидемии конец,
И перестанут литься слёзы
По жертвам близких нам сердец.

Увы! Поток льются слёзы!
Не только вирус виноват,
Другие акты и угрозы
Туманят часто ясный взгляд.
Страны большие перемены –
Не все народу по душе,
Свои, чужие супермены –
Почти с ума свели уже.

Капитализм, к несчастью, дикий,
Социализм сменил у нас,
И, как Георгий острой пикой,
Поверг советский средний класс.
Который знал, как государство
Прожиточный ценило быт,
Что наций равенство и братство
В нём Конституция хранит.

Мы все: еврей, татарин, русский,
 Казах, чеченец, белорус –
 Стремилась жить по-братски, дружно,
 Сводить к нулю раздоров груз.
 Союз крестьянина с рабочим
 Орал и острый меч ковал,
 Борьбой за Мир был озабочен,
 Чем слугам дьявола мешал.

И зарубежных бонз элита,
 Привыкших в господах жиреть,
 Старалась скрытно и открыто
 С глаз власть советскую стереть.
 И не стыдясь, ярмом расизма
 Стремилась совесть обуздать
 И в чудеса капитализма
 Навек планету заковать.

Но жертвами войны кровавой
 Задачу эту не решив
 И потеряв рассудок здравый,
 Вновь ад творит под прессом лжи.
 Считали атом злу поможет,
 Но припугнул животный страх,
 Вдруг не врага лишь уничтожит
 И Злу назло устроит крах.

А также цель – спасти богатство
 Своё и всех друзей своих,
 И всё, что равенство и братство
 Творило дружно и без них.
 Страсть стать творцами эпидемий
 Страшной холеры и чумы,
 Сильней волшебных сновидений,
 Вдруг покорила их умы...

...Пустил в страну врага заразу,
 Без страха, скрытно и следя,
 Когда все вымрут, следом сразу,
 В неё хозяином иди!..

.....
 А вот и гость злых эпидемий!
 Коронавирус тут как тут!
 Урок для слёз и наблюдений –
 Как штабелями люди мрут!

Уверен: среди нас волшебник,
 Что разродился этим злом!

И сам, своей затее пленник,
 Коль сдохнет: браво – поделом!..
 Так что, злодеи, не шутите,
 Вы, Зла творцы – его очаг!
 Хотите или не хотите –
 Вернётся к вам – ваш бумеранг!

На собственной шкуре!

Народ пугают третьей мировой,
 И атомным безумством устрашают,
 А факт войны не дремлет над землёй
 И кладбища усердно пополняет.
 Не зря же рьяно слуги сатаны,
 Чтоб скрытно конкурентов уничтожить,
 Страх эпидемий у чужой страны,
 Вдали от собственной, не прекращают множить.

В ударе – янки! Сорок очагов –
 Все недруги под дьявольским контролем,
 И неслучайно в пламени костров
 Жертв эпидемий близко к ним хоронят.
 Так, по свидетельству полковника Дай Ху,
 Спецслужбы США отметились в Китае,
 Чтобы иметь успех свой на слуху –
 Давно в Китае вирус испытали.

В Ираке грезилась тогда победа им,
 А чтоб Китай не превозмог их силы
 Крутым подъёмом в экономике своим,
 Ему, как тормоз, вирус запустили.
 И вновь – коронавирус – их патент!
 Они его убийцей создавали,
 И важно то, что свой эксперимент,
 Взасос – в своей стране поцеловали.

Так что, готовя зло, не забывай, злодей!
 Что подлости беду пожнёт не только враг,
 Вернётся и к тому, кто старт готовил ей –
 Примчится, как родимый бумеранг!

Урок Си Цзиньпина

Коронавирус, по доказанному мнению,
 Как злой убийца, создан дьявольской душой,
 И по тому же – дьявола веленью –
 Вершит сурово приговор смертельный свой.

Пустуют школы, фирмы, шахты и заводы,
И люди семьями укрылись по домам.
Лишь супержадные на прибыль держиморды
Рванулись молнией к грабительским делам.

Акулы бизнеса из Штатов и Европы,
Юань обрушенный китайский оценив,
Решили общие с Китаем фирмы слопать,
Их акции до «плинтуса» спустив.
Им Си Цзиньпин подыгрывал, решая
Не тратить золото, чтобы юань крепить,
Ждал нужный курс, их жадность поощряя,
Чтоб по дешёвке акции купить!

И в долларах сверх двадцать миллиардов
У алчных коммерсантов отыграл,
И прибыль впредь теперь делить не надо,
Размер которой вдвое больше стал.
Считал, юань – окрепнет сам собою,
Доходы фирм – позволят курс поднять,
А золотом, накопленным страной,
Не мыслил – спекулянтов поощрять!

.....
И впредь теперь не только о Вьетнаме,
И Кэ-Нэ-эР придётся вспоминать,
Где с вирусом, сыграв «ва-банк» с друзьями –
Все фирмы умудрились потерять.

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Александр КУЩ

«Они все храбро воевали...»

9 мая 1995 года в мемориальном парке Победы на Поклонной горе в Москве был торжественно открыт Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музей Победы). Центральным залом музея Победы стал зал Славы. В нём увековечены имена более 11800 Героев Советского Союза и Героев Российской Федерации.

Когда мы с женой впервые посетили этот музей, то я сразу стал искать знакомую мне с детства фамилию. И я её нашёл – Кашуба В.Н. Ведь Владимир Нестерович жил в нашем подъезде на первом этаже.

Почему я решил написать именно про него? Да всё очень просто. Я давно хотел это сделать, а сейчас в год 75-ой годовщины нашей Победы в Великой Отечественной войне, просто необходимо ещё раз показать, как ковалась эта Победа и какой ценой досталась она нашему народу.

Владимир Нестерович родился 15 мая 1900 года в селе Хоружевка в семье крестьянина. Отец – Емельян Павлович Ткаченко погиб в годы Первой мировой войны. Мать с сыном выехала из Хоружевки на Кавказ. Через несколько лет она вышла замуж за красного командира Нестора Кашубу. Он усыновил Владимира и сделал всё, чтобы он учился. С 1918 года – в Красной армии. Участвовал в Гражданской войне. В 1925 году окончил курсы усовершенствования командного состава ЛВО, а в 1935 году – Военную академию механизации и моторизации РККА. В 1936 году по окончании академии был откомандирован в Чехословакию в качестве военного атташе. В 1939 году в связи с началом Второй мировой войны был эвакуирован из Праги.

В 1939–1940 годах он участвовал в Советско-финляндской войне. В этой войне полковник Кашуба командовал 35-й танковой бригадой. 30 ноября 1939 года на Карельском перешейке начались боевые действия, а 12 декабря 1939 года части и соединения 50-го стрелкового корпуса, преодолев зону заграждений, вышли к линии Маннергейма.

Александр Андреевич Куш – родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник IV Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011–2013, 2012–2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»). Живёт в Москве.

Герой Советского Союза
В.Н. Кашуба (1900–1963)

Танкисты полковника Кашубы с честью выполнили поставленную перед ними боевую задачу. Вскоре 35-я танковая бригада была переброшена на Выборгское направление, в полосу расположения 123-й стрелковой дивизии. На 17 декабря было намечено общее наступление. В бою за высоту 65,5 в районе поселка Бабошино Кашуба был тяжело ранен, но продолжал руководить войсками. Только в конце дня его увезли в госпиталь. Ранение было тяжёлое, и Кашубе ампутировали правую ногу.

За образцовое выполнение заданий командования, личную храбрость и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1940 года В.Н. Кашубе было присвоено звание Героя Советского Союза. Соединение, которым он командовал, было награждено орденом Красного Знамени. 14 бойцам

было присвоено звание Героя Советского Союза, около 450 человек награждены орденами. 4 июля 1940 года Кашубе было присвоено звание генерал-майор танковых войск.

С началом Великой Отечественной войны Кашуба по его многочисленным просьбам был возвращён в ряды Красной армии и возглавил Ульяновское танковое училище. Он отдавал все свои силы, знания и опыт подготовке офицеров-танкистов, которые на фронтах войны вносили большой вклад в дело разгрома фашистов. В 1944 году Кашубе было присвоено очередное звание генерал-лейтенант танковых войск.

В послевоенный период Владимир Нестерович отдавал много сил подготовке офицерских кадров для Советской Армии. С 1946 по 1950 годы он – начальник Харьковского танкового училища, начальник командного факультета Военной академии бронетанковых и механизированных войск.

Также он много сил и энергии вложил в восстановление из руин самого Харькова. В то время район Холодной Горы не был связан с центром города общественным транспортом. Это создавало большие неудобства и жителям города, и личному составу училища. На одном из построений танкистов он выступил с призывом на добровольных началах помочь восстановить мост-путепровод через железнодорожные пути и ускорить прокладку трамвайных путей. На этот призыв откликнулись все солдаты, курсанты и офицеры училища. В результате упорного труда из центра города на Холодную гору двинулись первые трамваи, пассажирами которых были солдаты и курсанты.

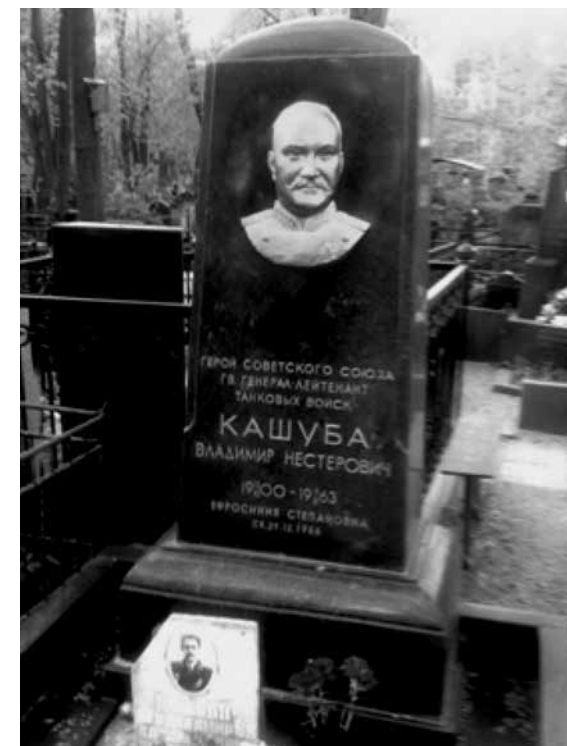
Биография В.Н. Кашубы напомнила мне биографию славного казачьего генерала времён Отечественной войны 1812 года Ивана Козьмича Краснова 1-го. Перед началом войны с Наполеоном он перенёс тяжёлую болезнь, но с

известием о вторжении наполеоновских войск в Россию, ещё не оправившись от болезни, начал настойчиво проситься в ряды действующей армии. Он ходатайствовал о том в письме донскому атаману Матвею Платову, прося «... дать возможность умереть на войне». А было ему уже 60 лет! Краснов принял начальство над девятью донскими казачьими полками и отличился с ними в боях при Поречье, Романовом и Смоленском. В сражении под Миром Краснов взял в плен двух штаб-офицеров и 218 рядовых.

Чтобы успеть оборудовать позиции у села Бородино, был дан арьергардный бой у Шевардино и Колоцкого монастыря. 24 августа на 12 тыс. наших воинов навалилась вся французская армия. Казачьи полками здесь командовал генерал И.К. Краснов. Французское ядро разбило ему уже дважды раненую в других сражениях ногу, но он продолжал руководить боем. Лишь отразив очередную атаку, передал руководство Иловайскому 5-му и позволил отвезти себя на перевязку, а через 14 часов он умер в палатке Платова. Жаль, что медицина того времени не смогла спасти жизнь этому славному сыну России.

Ивана Козьмича похоронили 27 августа на кладбище Донского монастыря в Москве рядом с могилой атамана Иловайского. Краснов 1-й оказался единственным казачьим генералом, павшим на поле брани в Отечественной войне 1812 года.

Чем же мне запомнился во времена моего детства В.Н. Кашуба? Прежде всего, тем, что, когда ему позволяло здоровье, то в хорошую погоду он катал нас пацанов на своей инвалидной коляске по набережной Яузы. Постовые милиционеры отдавали нам честь, увидев Кашубу в генеральской форме со звездой Героя Советского Союза на груди. Нашей радости и гордости не было предела. А сыновья Кашубы, ставшие также офицерами-танкистами, показывали нам во дворе мастер-класс, играя вдвоём или втроём в волейбол против команды из шести человек. Вообще я считаю, что нам очень повезло с нашим двором. Ведь у нас был даже свой тир, где мы учились стрелять из «духовушек», и большая спортивная площадка, доставшаяся нам от Военного института иностранных языков (ВИИЯ), который

находился за забором. Там мы играли в волейбол, футбол, баскетбол, настольный теннис, хоккей. Поэтому куда-то уходить со своего двора никуда и не хотелось, потому что наш двор состоял из трёх пятиэтажных домов и большого углового 8-ми этажного дома, и очень много ребят учились в нашей 405-й школе. У большинства из нас отцы воевали на разных фронтах Отечественной войны. Так что все эти умения очень пригодились мне потом во взрослой жизни. А сейчас от нашего двора, в связи со строительством Третьего транспортного кольца, остался только один дом. Именно в нём жил прославленный генерал Кашуба, а мне посчастливилось быть его соседом. И этот дом теперь опять принадлежит ВИИЯ.

Скончался В.Н. Кашуба 6 марта 1963 года и был похоронен в Москве на 19-м участке Введенского (Немецкого) кладбища в Лефортово. Всего на этом кладбище покоится 54 Героя Советского Союза.

Приказом Министра обороны СССР № 221 от 30 августа 1967 года он был навечно зачислен в списки первой роты Харьковского гвардейского ордена Красной Звезды высшего танкового командного училища имени Верховного Совета Украины.

Написав про Владимира Нестеровича Кашубу, я понял, что в год 75-летия Победы просто обязан посвятить несколько строк двоюродным братьям моего отца. Все они выросли на Кубани, а четверо из 9 воевали в танковых войсках.

Кущ Игнат Фирсович родился 10 февраля 1914 г. в станице Новолатниковской Краснодарского края, воспитывался в известной на весь край многодетной крестьянской семье.

Участник Финской и Великой Отечественной войн, Игнат был призван в армию в октябре 1936 года и направлен на обучение в противотанковое училище. После окончания училища первое боевое крещение политрук танковой роты Игнат Кущ получил на западных рубежах Родины – на Карельском перешейке. В войне с белофиннами был ранен.

Первый же день Отечественной войны Игнат Фирсович, замполит четвёртого танкового батальона 85-го танкового полка, встретил в ожесточённом бою. Наступление неприятеля под Ровно, Дубно удалось задержать на целых 12 суток. Потом были учёба в академии имени Ленина и снова участие в боевых операциях.

Затем он воевал на пяти фронтах: Юго-Западном, Брянском, Западном, 1-м и 2-м Прибалтийском. Защищал Киев и Полтаву, участвовал в Курской битве, освобождал Латвию и Литву, штурмовал г. Кёнигсберг (Калининград). Игнат Кущ закончил войну в 89-й Тильзитской танковой бригаде 1-го танкового корпуса 1-го Прибалтийского фронта, получив тяжёлое ранение при штурме Кёнигсберга. Майор. За время боевых действий был трижды ранен, дважды контужен. Награждён четырьмя орденами Отечественной войны, три из которых I степени, медалями «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.», юбилейными медалями, орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта».

Этой бригадой с 1944 года командовал полковник Sommer А.Ф., которого немцы за его умение воевать боялись как огня. 11 танкистов стали Героями Советского Союза.

В биографии знаменитого комбрига удалось найти случай, подтверждающий его способности не теряться в любой обстановке и исповедовать суворовский завет, что «воевать надо не числом, а умением».

В ночь с 19 на 20 января 1945 года гитлеровское подразделение, занимавшее позиции на блокпосте, перекрывавшем одну из дорог в Восточной Пруссии, находилось в напряжённом ожидании. Русские снова развернули наступление и, по слухам, уже прорвали линию обороны. Поэтому звук приближающейся механизированной колонны заставил немцев приготовиться к обороне.

Из темноты показалась легковая машина.

«Чья колонна? Куда следуете?» – крикнул приближающимся старший по блокпосту.

«Танки полковника Sommer следуют в Гросс-Скайсгиррен», – прозвучал властный ответ на идеальном немецком языке.

Гитлеровцы облегчённо вздохнули – свои! Старший отдал приказ пропустить колонну. Когда с подошедших Т-34 на изумлённых немцев бросились бойцы группы десанта, вооружённые ПППШ, было уже поздно – блокпост разгромили в считанные минуты. Возглавлявший колонну офицер и не думал притворяться – он действительно был полковником, немцем, и его танки действительно шли в Гросс-Скайсгиррен. Андрей Иосифович Sommer просто не стал уточнять, что воюет в Красной армии. Сейчас в Калининграде на улице Генерала Sommer стоит танк-памятник Т-34.

Выписка из наградного листа №10 Кущ И.Ф.: «Заместитель командира по политической части капитан Кущ И.Ф. при отражении атак крупных сил пехоты и танков западной г. Шауляй и западной г. Иелгова в районе м. Добеле проводил систематическую политическую и агитационную работу с личным составом батальона поэкипно о стойкости и упорстве в обороне, как надо действовать из засад. Популяризировал опыт героев боёв и благодаря систематической политической работе в порядках, обеспечил в тяжёлых оборонительных боях высокий моральный дух личного состава, а при действии батальона в развитии успеха воспитывал у личного состава наступательный порыв. Батальон не уступил ни одного метра завоёванной земли, при этом нанеся большой урон противнику...».

После войны Игнат Фирсович окончил высшую партийную школу при ЦК КПСС. Работал секретарём Крыловского и Каневского райкомов партии, зав. сельхозотделом Павловского РК КПСС, председателем колхоза им. Тельмана (ст. Челбасская), секретарём парткома колхоза им. Ильича, вёл активную общественную работу среди молодёжи Кубани.

В музее части хранится пробитый осколком, побывавший в огне, фронтовой дневник замполита подразделения майора Игната Куща, вырезки из газет, фотографии, письма о боевых делах его танковой бригады.

Летом 1943 г. писатель Илья Эренбург был в 89-й танковой бригаде и написал статью «Вестники Победы» для газеты «Красная Звезда».

Отважно дрался и командир танка Михаил Кущ. За героизм был представлен к третьей награде. В одном из боёв танк Михаила прикрывал огнём отход товарищей. Навалились вражеские самоходки. Танк Михаила отходил последним, кончилось горючее, но он сражался до конца, прикрывая отход товарищей.

Шофёром в танковых войсках воевал четвёртый брат, Григорий. Он также участвовал в боях на Халхин-Голе, доставлял боеприпасы танкистам. Однажды привёз снаряды на передовую и неожиданно встретился там с Лаврентием.

Лаврентий Фирсович Куш

Самым знаменитым из братьев стал Лаврентий Куш. В 1931 году Лаврентий получил «стального коня», да так «взнуздал» его, что все диву дались. Тракторная бригада Волошина, в которой он трудился, гремела на всю страну. В тридцать четвертом на «Интере» Лаврентий вспахал больше всех гектаров, обошёл и Волошина. В тридцать пятом – он третий по Советскому Союзу! Его послали на Всесоюзное совещание передовиков производства в Кремль. Вскоре кубанскому парню всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин вручил орден Ленина. Было ему тогда двадцать лет. Комсомольцы избрали его делегатом съезда ВЛКСМ. В тридцать седьмом он был делегатом XVII чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. В списке членов президиума съезда рядом с фамилиями Сталина, Будённого, Ворошилова, Шверника и его – Лаврентия Куша.

В том же году он вместе с братьями Григорием и Игнатом ушёл в Красную Армию. Сменил трактор на боевую машину. Стал коммунистом. Отличился на военных манёврах. Его избрали депутатом Верховного Совета РСФСР. После окончания военно-политического училища Лаврентий получил боевое крещение на Халхин-Голе, будучи политруком роты. Затем окончил военно-политическую академию, воевал на Калининском фронте, защищал Москву. Великую Отечественную войну он закончил начальником штаба 361-го гвардейского танкового самоходного артиллерийского полка (тсап) в Берлине и расписался на стенах рейхстага.

В феврале 1943 года в Москве встретились Лаврентий (проходил переподготовку при академии им. Фрунзе), Игнат (проездом через Москву после ранения), Александр (был ранен в начале 1943 г. и отправлен на лечение в Москву), а также Аркадий. Бывали чудеса и на фронте, раз в середине войны в Москве смогли встретиться четыре брата. Тем более что Игнат и Лаврентий были близнецами.

Военную службу Лаврентий Куш закончил 28.12.1956 года в звании подполковника.

Самое интересное, что мой отец Куш Андрей Яковлевич также воевал на Калининском фронте, а заканчивал войну в Прибалтике. Но вот так, как встретились четыре брата в Москве, ему шанс не представился. И увиделись они только после окончания Великой Отечественной войны. Как-то внуки подсчитали, что на всех братьев приходится 138 орденов и медалей, 22 лёгких и 18 тяжёлых ранений, а в общей сложности прослужили братья Куши 150 лет.

В 1974 году в мемориальном комплексе «Сапун-гора» были установлены мемориальные стены, на которых были выбиты наименования 118 соединений

и частей, удостоенных почётно наименования «Севастопольские» за освобождение города, а также наименования 51 соединения и частей, награждённых за освобождение Севастополя орденами Суворова, Красного Знамени и Красной Звезды.

Из воспоминания Лаврентия Фирсовича о грозных годах Великой Отечественной:

«В прошлом году мы с женой побывали в Севастополе, – начал Лаврентий Фирсович. – Поднялись на Сапун-гору. На красном граните – золотыми буквами: “22-й Гвардейский танковый полк”. “Зина! – кричу жене. – Это мой полк, понимаешь, мой полк”. Слезы в глазах, каждый камень... всё здесь знакомо. Вижу наши атакующие части, танки, пехоту. Я был начальником штаба 22-го танкового полка. Командир танкового взвода Ревков первым ворвался в Севастополь. Четырём нашим танкистам было присвоено звание Героя Советского Союза»...

Совершенно неожиданно для себя во время прохождения срочной службы в ГСВГ танковые эмблемы носил и я. Ведь наша 112-я гвардейская ракетная Новороссийская семиорденоносная бригада являлась ударной силой 1-й гвардейской танковой армии, но в целях маскировки нам запретили носить артиллерийские эмблемы и разрешили выбирать любой род войск. Поэтому каждый носил в петлицах всё что угодно – от связистов до инженерных войск, в зависимости от полёта фантазии. А я почему-то выбрал себе танки. Наверное, сработали гены.

А закончить свой рассказ хочу стихотворением, посвящённым моему отцу и его братьям.

*Они все храбро воевали,
От пуль не прятался никто.
Танкистами они все стали,
Судьбой так было суждено.*

*Для хлебороба танк, что трактор,
Нет только башни и брони.
И попадали под удар тот
Без счёта всех мастей враги.*

*Был Халхин-Гол и Ленинград,
И под Москвой не отступили.
Дрались за город Сталинград,
Они все патриоты были.*

*И Севастополь вновь отбили,
Чтоб было флоту, где стоять.
Достоин ордена носили –
Кто два, кто три, иные – пять.*

*Дошли танкисты до Берлина,
Там на рейхстаге роспись есть.
За всех Лаврентий расписался,
Не уронил кубанцев честь.*

ПОЭЗИЯ

Юрий МУРАШКИН

Юрий Иванович Мурашкин – родился в 1937 г. в г. Реутове Московской области. В 1971 г. окончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Член Союза писателей России, автор восьми сборников стихов.

Живёт в Подмоскowie.

«Вечен в мире творящий добро...»

Смоленск. Музей-усадьба М.К. Тенишевой

Где бы мне найти такой родник,
Чтоб звучал он песнями любви,
Чистотою помысла бежал,
Чтобы силою родной земли
Он питался и не иссякал,
Тот, который с родиной роднит.

Мне увидеть бы широкий луг,
Дальний лес за синею рекой,
Облака, набухшие дождём,
И узнать – да был ли он такой,
Человек в общении земном,
Всем природам от рожденья друг?

Но хранит история пример,
В ней страничка даже не одна,
Что жила земная Волхова,
Княжески красива и умна,
Вверил Бог княгине покров
Снять с даров, которыми был щедр.

Он с рождения её Марией знал.
Небесам возвышенно родна,
Она каждый живший в ней талант
Отдавала по трудам сполна,
Замыслов светящий звездопад
До конца вершила от начал.

Вкруг неё всё зрело и цвело,
Всё взывало силою любви.
Всякий труд, в искусство возведён,
Сотворением родных новин
На алтарь России принесён,
Сохранил душевное тепло.

Это от Москвы недалеко.
Вот Смоленск, усадьба «Теремок»,
Там Марии Тенишевой дом,
Быль и сказка, райский уголок,
Дух народный, поднятый пластом
От корней, сидящих глубоко.

Слово о М.Ю. Лермонтове

Сколько бы сказать хотелось здравиц!
Постоянно с нами, вечно жив
Большеглазый вдумчивый красавец,
Славы вклад в культуру положив.

Щедрым дарованием и сердцем,
Поражая мысли глубиной,
Он в высокой степени ответственно
Сознавал себя перед страной.

Грустный ум свой и душевный пламень
Все тринадцать напряжённых лет
Плодотворно под литературным знаменем
В творческой борьбе пронёс поэт.

Ссылки, служба, тяжесть несвободы
Вечной ношей висли на плечах.
Но поэт преодолел невзгоды,
Думой поколенья прозвучав.

Наблюдая, как кипит страстями
С виду медленная каждодневно жизнь,
Беспощадно умными глазами
Он, романтик, видел реализм.

Болью и тоской в открытом сердце
Он с судьбою родины знаком.
И во всём один, один как перст он,
Белый парус в море роковом.

Кто из нас Печориным не болен?
Кто не защитивший честь купец?
Кто из нас на Бородинском поле
Не пылал бы в пламени сердец?

Ныне рядом с каменным Арбатом
Есть старинный деревянный дом.
Лермонтова сердцем, как когда-то,
Ритмы отбивает метроном.

Подойди, прохожий, ненадолго,
Памятью к бывшему отзовись!
Сыну, родине отдавшему так много,
Гению во славе – поклонись!

Покров на гробницу преподобного Сергия Радонежского

Шитый шёлковой нитью покров,
Свят и строг пронизательный лик,
Взгляд пронзительных глаз не суров,
Но божественно мудр, справедлив.

Лик иконный, но образ живой,
Серый тон отделил фиолет.
Преподобный Сергий святой
В полный рост на покрове воспет.

Оживляет святого покров,
Его любящей шили рукой.
Не носил старец в жизни обнов,
Но в покров будто врос он душой.

И случись над страной беда,
Сергий жив, может в помощь ей быть.
Светлой нитью в покров навсегда
Вшит обет и жалеть, и любить.

В час, когда у Москвы о порог
Бил копытом татарский набег,
Сергий вышел у Спасских ворот
Намолить для Руси оберег.

Его слову, как Правде, внемли,
Слышны с неба молитвы его.
Он радетель российской земли
До бескрайних её берегов.

Смутой вызрел семнадцатый век,
Сергий Минину явно предстал,
В год одиннадцатый, в сентябре
Русь к борьбе пробудить наказал.

Он при жизни творил чудеса,
Опекая заботой людей.
В голубые ушёл небеса
За страну возле Бога радеть.

И оттуда, из сонма святых,
Видит свой на гробницу покров.
Свято жив в нём молитвенный лик,
Вечен в мире творящий добро.

Они защищали Родину

Эшелон, последним вагоном которого был наш пассажирский, от Янгиюля в Узбекистане до Москвы шёл девять суток. В Москву из эвакуации мы (отец 36, мать 33, брат 8 и я 5 лет) вернулись 23 октября 1943 года.

Приезд в Москву имел и ещё одну особенность. С этого времени восстанавливались прерванные войной глубокие родственные связи Поляковых, а так же общение нашей семьи с друзьями и знакомыми.

Поскольку до войны я был слишком мал, чтобы реально представить, как живут мои родственники, чем занимаются, как выглядят, как относятся друг к другу, для меня встреча с ними была огромным событием и, по существу, открытием, кто же такие Поляковы. Эти впечатления оказались настолько яркими, что сохранились в памяти до настоящего времени. Я открывал для себя свою родню, и от этого становился счастливее и нравственно богаче.

В один из дней поздней осени 1943 года в коммунальную квартиру № 15 дома № 6 по Кривогузинскому переулку (ныне переулок Обуха) позвонил мужчина. Дверь открыли соседки. Мужчина сказал, что он пришёл к Поляковым. Соседки заволновались, так как наш отец был на работе, а мама ушла в магазин. Мужчина уточнил, что он пришёл к Евгению Владимировичу и Надежде Васильевне, у которых двое сыновей – Володя и Вася. Тогда соседки довели его по коридорам до нашей двери, приоткрыли её и сказали нам, мальчишкам, что этот человек наш гость.

На пороге стоял высокий импозантный мужчина лет пятидесяти в зимнем чёрном пальто с чёрно-серым каракулевым воротником и такой же зимней меховой каракулевой шапке пирожком. Большие ладони его длинных рук были укрыты чёрными кожаными перчатками. Правой рукой он прижимал к себе кожаный тёмно-коричневый портфель. Из-за его спины выглядывали две женские фигуры наших соседок, которые с некоторой

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

тревогой размышляли, можно ли к детям без родителей впустить незнакомого мужчину. Как только мужчина увидел нас, его строгое лицо преобразилось. В тёмно-карих глазах засветились озорные огоньки, чёрные смоляные брови округлились, щёточка очень шедших ему усов довольно задвигалась от верхней губы к прямому длинному носу, морщинки у глаз и вокруг рта добавили обаяния его доброй улыбке.

– Здравствуйте, мальчишки, – звонко поздоровался мужчина с нами. – Я Николай Владимирович Поляков, старший брат вашего папы, ваш дядя – дядя Коля. Как же вы здорово подросли! – искренно восхитился он.

Услышав, что нас навещает наш дядя, родной брат Евгения Владимировича, соседки поняли, что пришедшего мужчину можно допустить к детям без родителей.

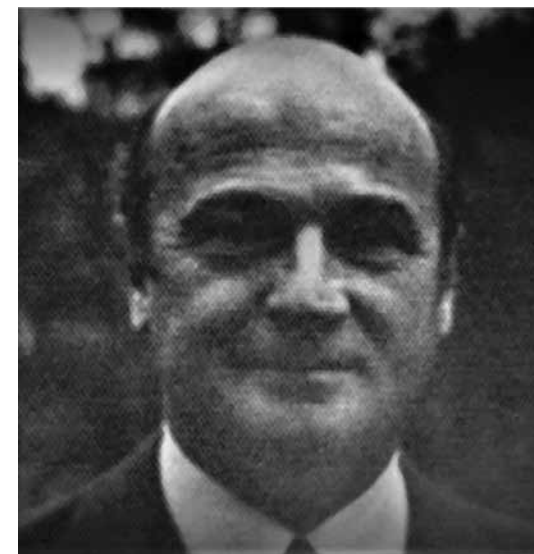
Николай Владимирович неспешно снял с головы шапку-пирожок, обнажив правильной формы красивую лысую голову, обрамлённую жёсткими чёрными волосами, расстегнул пальто, снял его, красивое шерстяное кашне, стянул с рук перчатки, поставил портфель под вешалку.

Через минуту он сидел на стуле, а мы с братом пристроились с обеих сторон и задавали ему вопросы. Именно в таком состоянии троицу застала мама, вернувшаяся довольно скоро из магазина.

Так состоялось наше первое знакомство со старшим дядей.

Уже потом я узнал специальность дяди – инженер-мелиоратор, увидел его научные труды, иллюстрированные красивыми цветными акварельными рисунками. Оказалось, что ко времени нашей встречи дядя давно и серьёзно занимался научной работой, имел учёную степень доктора сельскохозяйственных наук, учёное звание профессора, работал в Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева.

Жизнь его не была лёгкой. Ещё до войны его жена заболела тяжёлым хроническим заболеванием центральной нервной системы, что требовало её частого и долгого пребывания в специализированной больнице. У дяди было два сына. Старший – Владимир Николаевич – родился в 1917 году, после окончания средней школы избрал карьеру военного моряка, учился в Ленинграде, рано женился и был самостоятельным человеком, жизнь которого в связи с военной службой прервала тесную связь с родительским домом. С первых дней войны, встретив её 24-летним молодым человеком, он сражался дипломированным офицером в рядах Военно-морского флота. Младший сын дяди – Александр Николаевич – родился в 1922 году. После окончания средней школы его, 19-летнего юношу, сразу же призвали в армию, отправили на Дальний Восток, а там тоже было очень

Поляков Александр Николаевич (1922 – 2016) – академик Российской Академии Естественных Наук (РАЕН)

Поляков Николай Владимирович (1892 – 1963) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заместитель директора по учебной части Московского лесотехнического института

тревожно, потому что отношения с Японией были очень напряжёнными, и всё время существовала тревога её вступления в войну в качестве союзника гитлеровской Германии.

Теперь-то я понимаю и радость дяди от встречи с совсем молодыми мальчишками-племянниками, и его тщательно скрываемую грусть от разлуки со своими детьми, и его тревожную боль за судьбу сыновей, с ранней юности подвергшихся такому неожиданному, жёсткому и непредсказуемому испытанию, каким для всех жителей нашей страны оказалось война.

Дядя Коля (Николай Владимирович Поляков) часто навещал нашу семью. С ним было как-то удивительно спокойно, приятно, надёжно. Он любил взять меня на руки, усадить на колени, прижать к себе и потереть щёточкой своих усов мою тонкую шею, приговаривая: «Хм, хм, ушастый-лопушастый...»

Как-то раз мы с папой и братом ходили в гости к дяде Коле.

Он занимал длинную комнату в коммунальной квартире на улице Неглинной. Вот тогда я увидел, что дядя любит хорошие книги, имеет со вкусом подобранную личную библиотеку, увлекается фотографией в виде собственноручно снятых прекрасных пейзажей и портретов. А ещё мне понравились оригинальные статуэтки, красивые вазы, кувшины и мелкие сувениры, расставленные на пианино и невысоком шкафу. Помню в раме большую замечательную фотографию главного здания сельскохозяйственной академии с видом в прилегающий парк. Оказалось, что её сделал сам Николай Владимирович.

А в книжном шкафу стояла раскрытая книга с уникальной репортёрской фотографией горящего здания в Лондоне после бомбёжки города немецкой авиацией. Его фасадная стена отделилась от остальных трёх стен здания и была снята фотокорреспондентом, когда она уже падала. Корреспондент сфотографировал её, когда она накренилась к земле уже под углом в 55–60 градусов. Эффект присутствия в том самом месте, где только что разорвалась вражеская бомба, где здание раскалывается как коробка, фасадная стена накренилась и на глазах падает на землю, а внутри здания полыхает огонь, взметнувшийся к небу и выбивающийся огромными светящимися языками из оконных проёмов без стёкол, производил отчаянно страшное и непоправимо гнетущее впечатление...

...За два дня до наступления нового, 1944 года нас в Кривогузинском переулке посетил Николай Владимирович вместе со своим старшим сыном Владимиром Николаевичем. Оба были в новых одинакового покроя чёрных костюмах, белых рубашках и чёрных галстуках. Оба были торжественно-серьёзными и собранными. Мы обратили внимание, что Владимир Николаевич передвигался, делая широкий шаг вперёд левой ногой, переносил всю тяжесть тела на неё, и только затем подтягивал к левой ноге правую, не отрывая её от пола.

Нам, мальчишкам, были сделаны сказочные по тому времени подарки. Самым замечательным подарком был цветной календарь на 1944-й год, состоявший из большого количества страниц между месяцами. А на каждой странице располагались чертежи красивых поделок. Их надо было правильно вырезать, согнуть, склеить, установить – тогда получались несколько армий солдатиков, кавалерия, пушки, автомашины, военные корабли и катера, самолёты, различные игрушки, дудки, флажки, отдельные комнаты и домики, деревья, кустарники, овощи, фрукты, ограды, окопы, землянки, медсанбаты, прожекторы, дворцы, фонтаны, оркестры, настольные игры – всё уж и не перечислишь!

Значительно позже я узнал, что это был первый после выписки из госпиталя выход в свет Владимира Николаевича в сопровождении отца. Оказывается, Владимир Николаевич воевал на Чёрном море, будучи командиром одного из катеров морских охотников. Во время одной из операций наши морские охотники вступили в бой с кораблями врага, но подверглись ожесточённому обстрелу. Один из снарядов угодил в самый центр катера, которым командовал Владимир. Из-за взрыва Владимир был подброшен, тяжело ранен в ногу, контужен, потерял сознание. Все остальные моряки были убиты. На каком-то обломке катера Владимира трое суток носили волны штормившего моря. Всё-таки его подобрала в море наша и доставила на берег в медсанбат. Владимиру оказали необходимую помощь, привели в чувство, спасли ногу и отправили по этапам военной эвакуации в тыл. В конце концов он оказался в Москве.

Когда я впервые увидел своего двоюродного брата в 1943 году, ему было всего 26 лет, но выглядел он на все 40. Владимир был высоким, плотным, плечистым, голубоглазым блондином с большим лбом и крупным мясистым носом. У него со лба явно выступала лысина, прикрытая в теменных областях тонкими и редкими белесоватыми волосами. Лысина не портила его общий облик, потому что он был красив не только внешне, но и мужественной красотой воина за правое дело.

Мне не так уж часто довелось в дальнейшем встречаться со своим старшим двоюродным братом. Но я знаю, что вся его жизнь прошла в Военно-Морском Флоте, он служил достойно, имел правительственные награды. После войны его направили в чине капитана первого ранга военно-морским аташе Советского Союза в Польшу. Я своими глазами видел на стене в квартире Николая Владимировича большую фотографию, сделанную на одном из наших военно-морских кораблей. На палубе установлены три кресла. В левом сидит Президент Польской Народной Республики Болеслав Берут, в центральном – мой двоюродный брат, капитан первого ранга Владимир Николаевич Поляков, в правом кресле – Председатель Правительства Польской Народной Республики Йозеф Циранкевич. Белоснежные летние плетёные кресла, светлые летние костюмы польских лидеров и красивая белоснежная форма

советского старшего офицера придают фотографии особую праздничность и торжественность.

В дальнейшем до конца жизни Владимир Николаевич Поляков служил Родине, занимая ответственные посты в Министерстве Морского Флота СССР.

...С Александром Николаевичем, младшим сыном Николая Владимировича, мы познакомились уже после войны, осенью 1946 года. Он служил на Дальнем Востоке и участвовал в военных действиях против японцев. Япония капитулировала 2 сентября 1945 года. День Победы над Японией в Советском Союзе отмечали как государственный праздник с 3 сентября этого же года. Но в связи с довольно запутанным военно-стратегическим положением военное командование СССР считало преждевременным проведение демобилизации из дальневосточных войск Красной Армии. В связи с этим и наш двоюродный брат служил в действующей армии после окончания войны ещё более года. Поскольку Александр Николаевич был демобилизован позднее осенью 1946 года, поступить в институт в этом году он не мог. Он поступил на следующий год в Московский лесотехнический институт, окончил его с отличием, затем была аспирантура, защита диссертации на соискание учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук, преподавательская работа, получение учёного звания доцента. Настал такой период, когда Александру Николаевичу пришла пора уходить на пенсию. Однако, уволившись из Лесотехнического института, наш двоюродный брат приступил к работе в Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева. Занимаясь научно-исследовательской и преподавательской работой, Александр Николаевич публиковал научные труды, которых выпустил около 150, в том числе 15 монографий. Кроме того, он организовал Музей леса, которым руководил до конца жизни и в котором ежегодно обновлял экспозицию. На девятом десятке жизни Александра Николаевича Полякова избрали действительным членом (академиком) Российской Академии Естественных Наук (РАЕН).

...Недавно я, в который уже раз, перебирал свой архив. И нашёл в нём газету «Советский лесоинженер» – орган парткома, комитета ВЛКСМ, профкома и ректората Московского лесотехнического института от 23 ноября 1962 года № 30 (247). На второй странице напечатана статья В.М. Михалкина, декана лесохозяйственного факультета «Большой учёный и педагог» и фотография Николая Владимировича Полякова. Приведу статью полностью.

«Николай Владимирович Поляков – один из старейших профессоров нашего института. В грозные военные годы он был в числе тех учёных, которые своим трудом, своей кипучей энергией создавали институт на новом месте. В то время Николаю Владимировичу был поручен ответственный участок работы – он был заместителем директора института по учебной части.

Являясь крупным специалистом в области гидротехнических мелиораций, Николай Владимирович проявляет постоянную заботу о совершенстве учебного процесса, о том, чтобы дать студентам полные знания в области этой науки. Под его руководством в содружестве с коллективом кафедры водного транспорта леса на пустом месте создана гидротехническая лаборатория, которая является одной из лучших не только в нашем институте, но и среди других лесотехнических вузов.

Всегда требовательный к себе, Николай Владимирович такой же требовательный к студентам и работающим с ним коллегам.

Наши выпускники – инженеры лесного хозяйства – получают глубокие знания в области гидротехнических мелиораций. Не один десяток их защитили интересные дипломные проекты, заданные производством.

Агрореспроект – всесоюзная организация, проектирующая мелиоративные работы на необъятных просторах нашей Родины, – считает Николая Владимировича Полякова своим консультантом по всем специальным вопросам гидротехнических мелиораций.

В 1958 году в Советском Союзе проходил международный семинар научных работников Финляндии и Советского Союза по вопросам лесомелиоративных работ. В составе семинара на паритетных началах было 5 советских и 5 финских учёных. Во время работы этого семинара мне особенно бросилось в глаза то внимание, какое финские учёные уделяли работам Николая Владимировича. Глава финской делегации профессор Хейкурайнен в ходе семинара неоднократно в своих выступлениях отмечал большие работы в области лесных мелиораций в Финляндии и вместе с тем он заслуженно отдавал должное работам в этой области Николая Владимировича.

Николай Владимирович в ходе семинара, который продолжался 10 дней в Москве, Риге и Ленинграде, с большим достоинством показал высокую культуру и передовую роль советских учёных в лесных мелиорациях.

Николая Владимировича Полякова мы знаем как активного общественника. Он неоднократно был избран депутатом городского Совета.

Славный 70-летний юбилей Николай Владимирович встречает в полном развитии своих творческих сил. Пожелаем ему ещё долгих лет крепкого здоровья и творческой работы».

Эта заметка к 70-летию юбилею свидетельствовала о большом авторитете профессора Николая Владимировича Полякова как учёного, педагога высшей школы и организатора учебного процесса среди своих коллег.

К сожалению, Николаю Владимировичу оставалось жить всего три месяца...

ПОЭЗИЯ

Александр ЧИРКОВ

Александр Сергеевич Чирков – родился 23 сентября 1956 г. в селе Ильинском Угличского района, Ярославской обл. Окончил исторический факультет Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского, Симферопольское военное училище. 27 лет службы в Советской Армии и Вооружённых Силах РФ. Офицер запаса. В настоящее время работает инженером. Имеет публикации во многих периодических изданиях. Поэзия представлена на сайте Финно-угорского культурного центра РФ в разделе ЛОГОС, поэзия, вессы/карелы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Философия осени

Облик предков

Предков облик бережно храня,
Смотрит с фотографий на меня,
Наша довоенная семья,
Все народы – кровная родня!

Усики, цепочки и бородки,
Острый край мужской косоворотки,
Строгость в лицах и спокойный взгляд,
Видеть их я бесконечно рад!

Чопорны слегка, суровы в меру,
Берегли традиции и Веру,
Землю предков, край родной любили,
Тяжело работали и жили...

День за днём тихонько пролетает,
Память нас и их соединяет...
И во времени они теперь равны,
Знали то, чего не знаем мы...

Впереди у них была война,
Счастью подвела итог она...
Дед зимой погиб в Мясном Бору,
Слава, память и покой ему...

Величественных слов высокопарный стих,
Торжественно поём, и говорим, и мыслим!
Задай себе вопрос, а что бы делал ты,
На той войне, когда решалась жизнь Отчизны?

Они отдали жизнь, а смог бы ты отдать,
Когда ты сыт, живёшь и счастьем дышишь?
Пошёл бы ты на бой? Что скажет тебе мать?
Вот здесь идёт та грань, которой ты не видишь...

Спасибо всем, кто смог! Кто шёл и умирал!
Что было там и как, понять навряд ли сможем,
Последний страшный миг их всех объединял...
Победный май из миллионов судеб сложен!

Спасибо всем, кто пал, и кто вернулся в дом,
Кто ждал тогда, кто умер – не дождался,
Вы сохранить смогли на фронте и трудом,
Страну и жизнь для тех, кто жить остался

Берегите матерей

Не за деньги любят матерей...
Нет на свете никого дороже!
Головы седеющих детей,
Гладят мамы, память нам тревожа...

Первый шаг, и первый детский смех,
Слово первое, и школьная тетрадка,
Как Вы на ноги поставили нас всех? –
Ваша материнская загадка...

Дай Вам Бог терпения и сил,
Выполнить своё предназначенье!
Чтобы Вас ребёнок не забыл,
Побежав по жизни с увлеченьем...

Пусть согреет Вас любовь детей,
В старости, до самого порога!
Дети, берегите матерей!
Им и надо, так... совсем немного...

На распутье

Опустился на землю туман,
Да запутался в ветках деревьев...
И без водки бываешь пьян –
Мы живём в либеральном похмелье!

Впечатляет реформ громадьё,
И потраченных сумм триллионы,
Только стаей кружит вороньё,
Над разрушенной нашей промзоной...

Тридцать лет ни туда, ни сюда,
И всё меньше надежды и веры,
И всё та же у нас беда –
Врут с трибун нам без всякой меры!

Тот фундамент советской страны,
Держит родину до сих пор,
Мы сломали Союз без войны,
Получили войну и позор...

Сон памяти

Печь затопили – стелется дым,
Лёг над рекой туман,
Видишь во снах себя молодым,
Время – зеркальный обман...

Видишь деревню родную свою,
Сон или явь – не поймёшь.
С бабушкой утром, встречая зарю,
Ты по тропинке идёшь...

Война была как будто вчера,
Победой жил народ,
Страна-фронтовик уверенно шла,
В шестидесятый год...

Скромность в быту, в душе – доброта,
Победа на всех одна!
Грудь в орденах, в рукаве – пустота,
Пили всегда до дна...

Пели «В землянке» и «Тёмную ночь»,
С гармонью – кто при руках,
Мы ждали, когда же такими, точь-в-точь,
Будем и мы в сапогах!

Вполсилы не жили, надрыв – как закон,
Закалка военных лет,
Всё это было, и это не сон –
Опыт тяжёлых побед...

Учили нас полной грудью дышать,
По жизни идти смелей,
Не предавать, не отступать,
Беречь и ценить друзей...

Кто помнит – тот знает, как было тогда,
Прошлого нас бережёт...
Та же деревня, и как бы – не та,
Хотя, вроде тот же народ...

В каждой деревне память жила
О павших на той войне,
Нет деревень, и память ушла,
Убиты герои вдвойне.

С уходом деревни мельчает Душа,
Пустеют просторы страны,
Хоть трудно, но всё же деревня жила,
Даже во время войны!

Мы делаем вид, что этого нет,
Трудно об этом сказать,
Без каждой деревни за много лет,
Не вся и Родина-Мать!

Сколько в России поклонных мест,
В просторах Великой страны,
Где заросли и звезда и крест,
Забывшим героям войны?

Философия осени

Вновь поёт свою песню золотой листопад,
Мирозданье чуть слышно шелестит под ногами,
Люди мимо идут, говорят невпопад,
Заглушая природу и чувства словами.

Пройден цикл – в бытии всё имеет свой срок,
Растворяется лето в осеннем тумане,
Мы грустим, уходя за родимый порог,
И томится Душа в чередѣ расставаний.

Стонет клин журавлей, становясь на крыло,
Оставляя тоску не имеющим крыльев,
И тепло, до поры, вместе с летом ушло,
Облетевшее золото покрывается пылью.

Осень золотом платит тем, кто слышит её,
Обострением чувств, осязаний, желаний...
Осень снег и мороз за собой приведёт –
Непрерывная цепь временных расстояний...

В жизни нет мелочей – всё имеет свой смысл,
То, что мелко сегодня – завтра станет важнее,
Вся вселенная – это увядающий лист,
Человек и природа мудреют, старея...

Девочка и поезд

Уже поздно, а ты не спишь. Если бы я умел, то спел бы тебе колыбельную, но я не умею петь, а потому расскажу тебе сказку, которую слышал в детстве от моей мамы. Она рассказывала мне много сказок, но я хочу рассказать тебе именно эту, потому что... Потому что... Ты поймёшь сама, когда её прочитаешь, а другим это знать вовсе не обязательно, да и, наверное, просто неинтересно. Скорее всего, это будет не совсем та сказка, которую рассказывала мне мама – наверняка что-то я упустил, а что-то добавлю от себя, – она, наверное, получится хуже маминой сказки, но я расскажу её тебе, как умею, а ты, может быть, однажды тоже расскажешь её кому-то по-своему, и у тебя получится лучше, чем у меня.

Итак, начнём – жила-была девочка, которая любила поезда – неважно, когда и где это было, потому что вы всё равно не сможете её найти, даже если очень захотите. Вы не сможете её найти никогда, потому что я не назову вам её имени – наверное, она сама бы этого не хотела, ведь ей оно почему-то не очень нравилось. Почему – она и сама не знала, на самом деле у неё было прекрасное имя, с которым связано всё самое лучшее в нашей жизни, которое, по сути, и есть сама наша жизнь – но девочке её имя почему-то не нравилось, и нам, как часто бывает, остаётся только принять это как данность, которую мы не можем ни понять, ни изменить.

Когда девочка была совсем маленькой, она не хотела, как другие девочки, возиться с куклами, а просила маму поиграть с ней в паровозики. Вначале может показаться странным, что она любила эту игру, ведь девочка никогда не видела настоящих паровозов – они давно уже сошли с пути, а те немногие, что ещё оставались живы, тихо доживали свой век на давно заржавевших рельсах в самых дальних заброшенных тупиках, – но, с другой стороны, это странность такая частая – почти все дети играют в давно исчезнувших казаков, разбойников или индейцев и в никогда не виданную

Борис Львович Мультановский – родился в 1964 г. в Ижевске, где окончил медицинский институт и работает врачом – терапевтом, кардиологом, преподавателем терапии. Публиковался в журналах «Московский вестник», «Проза», «Луч» (Ижевск), газетах «Московский литератор» и «Учительской газете».

Живёт в Ижевске.

ими войну, – что её нельзя не признать закономерностью, даже если она не поддаётся, на первый взгляд, никакому разумному объяснению. Мама, в далёком детстве ещё заставшая паровозы, брала, наклонившись, девочку под согнутые локотки, и они вместе, изображая набирающий ход поезд, двигались маленькими шажками вначале медленно, а потом всё быстрее, произнося шёпотом в такт движению – «Чук-чук-чук, чук-чук-чук». Девочке очень нравилась эта игра, она весело двигала локотками вперёд и назад, а потом звонко выкрикивала, поднимая кулачок вверх – «Дю-дю-дю-у-у!», изображая паровозный гудок. Эту игру знают во многих семьях, да и вы, наверное, тоже помните тёплые мамины ладони, поддерживающие ваши совсем ещё маленькие ручки, чуть сладкий запах её волос, едва касающихся ваших щёк, и губы, целующие вас в макушку, когда вы восторженным паровозным гудком приветствуете встречающий вас Мир, в котором, как вам кажется, нет ничего, кроме доброты, радости и счастья – шло время, девочка выросла из детских игр, но любовь к поездам осталась. Девочка никому не говорила о своей любви, потому что боялась, что её абсолютно равнодушные к поездам подруги будут над ней смеяться – так рассказывала мне мама, и я, ещё маленький, помню, удивлялся, что есть кто-то, кто относится к поездам по-другому. Я рос и, вспоминая мамину сказку, удивлялся всё больше – разве можно не любить поезда? Признайтесь сами себе, разве вас никогда не пьянил тяжеловесный запах перронов и привокзальных площадей, одновременно отвратительный и прекрасный, как прокисшее тёплое пиво станционных буфетов? Разве вам никогда не бредили душу (если нет, то есть ли она у вас?!) гудки уносящихся в ночь поездов, горячее биение колёс о холодные рельсы, победное лязганье сцепок и приближающиеся глухие удары молоточка обходчика? Разве у вас никогда не ползли по коже мурашки от тонкой вибрации загустевшего воздуха, вспарываемого стеклянным лбом тепловоза, и вам не хотелось бежать за ним, прыгая через шпалы, туда, в ту единственную убегающую точку, где сходятся рельсы, провода, жизни и всё остальное, где всё кончается, а, значит, и всё начинается вновь, – но уже по ту сторону, куда нам не суждено попасть? Ответьте честно сами себе, и вы поймёте, что невозможно не любить поезда и всё, что с ними связано – но пришло время, и мне стало понятно, что девочка, никому не говорившая о своей любви, была по своему права, потому что всё вокруг настолько погрязло в хаосе, грязи и мраке, что кажется – есть только мы, в которых ещё существует истина, да поезда – единственные, кто может нести её Городу и Миру.

Девочка любила поезда, но больше всего она любила одного из них, и он отвечал ей тем же – я помню, как его звали, но не хочу сейчас называть его имени. На первый взгляд он ничем не отличался от других поездов, но девочка узнавала его по едва уловимым приметам – они, конечно, были, я до сих пор прекрасно помню их из маминой сказки, но сам никогда, наверное, не назову, потому что не хочу, чтобы тот, кто случайно встретится с ним, весело кричал и показывал на него окружающим своим грязным пальцем:

– Смотрите, смотрите, это тот самый поезд, который... – и начинал пересказывать эту историю в зависимости от своего ума, чувства такта и воспитания. Пусть это останется тайной – ведь не каждая тайна делает Мир хуже, чем он есть, а некоторые из них даже дают нам понять, насколько Он больше и выше нас, со временем, когда мы начинаем это понимать, наполняя наши души радостью и благоговением. Я не знаю, как девочка и поезд нашли друг друга – да они и сами этого не знали, как вообще никто и никогда не знает,

как два человека находят друг друга. Можно лишь предположить, что встретились они на вокзале, почему-то оказавшись там в одно и то же время, а вот что произошло потом, такое, что мгновенно изменило Мир для них обоих – не знает никто, но что-то, определённо, произошло, и это, оставаясь тайной даже для них самих, делает Мир непредсказуемым, но прекрасным.

Девочка любила поезд и каждый день ходила на вокзал встречать своего любимого. Идти ей приходилось далеко, почти на самую окраину Города – гораздо проще было доехать на трамвае, он шёл до вокзала около получаса, но тот, кто по-настоящему любит поезда, не замечает трамваи. Так бывает – внезапно с ним что-то происходит, и он просто перестаёт видеть их – этих падших ангелов, деградировавших в людей, волков, измельчавших в собак, поезда, испугавшиеся тишины, одиночества и пространства. Да, и девочка слышала об этом от своего любимого, однажды обронившего вскользь (как вы понимаете, это было для них далеко не самым главным), что трамваи – это выродившиеся поезда, скрывающие стигматы своего вырождения под ярким красно-жёлтым гримом. Они бойко бегут друг за другом по залитым огнями и звуками городам, мимо мечущейся по домам рекламы и суетливо снующих в разные стороны по своим никчёмным делам автомобилей всех цветов радуги с их клаксонами, фарами и выхлопными газами, и дисциплинированные пассажиры исправно кормят их с ладони бумажными лепестками билетов, но, подъезжая к окраинам, трамваи начинают дрожать от страха и торопливо отбрасывая в стороны искры на поворотном круге, возвращаются, облегчённо вздыхая, назад, к спёртому воздуху, шуму и суете городских центров. Ни один из них не рискнёт выехать за черту города, потому что за ней начинается то, чего они в своё время испугались и от чего бежали, начинается царство поездов, бесконечное и непредсказуемое пространство, наводящее ужас на одних и неудержимо влекущее других. Пространство разделило их навсегда – трамваи боятся поездов, поезда презирают трамваи, – а соединяем их между собой только мы, в большинстве своём всю жизнь мечущиеся между ними, не в силах понять, что нам действительно нужно.

Что нужно ей, девочка знала, и каждый день, приходя на вокзал, она поднималась на мост, повисший над путями, и вглядывалась вдаль. Внизу суетилась обычная вокзальная жизнь, а она, не замечая ничего вокруг, ждала, ждала, и из её ожидания на горизонте вдруг рождалось маленькое пятнышко размером с просяное зерно. Вначале казалось, что это обман зрения, но зерно набухало, росло, пускало тёмно-зелёный побег и превращалось в её поезд, который, радостно трубя, на всех парах мчался к ней. Девочка сбегала вниз, не касаясь разбитых, захарканых ступеней – а о том, что было дальше, знали только они двое, а нам с вами это знать ни к чему. Отведите глаза в сторону и не обижайтесь, ибо блаженны не знающие чужих тайн, а если вам всё-таки обидно, заведите свою тайну, и тогда ваша обида умрёт сама собой, не причинив вреда ни вам, ни вашим близким.

Но однажды девочка ждала поезд, а его всё не было и не было. Кончался март, обессилевшее за бесконечную в тот год зиму блеклое солнце совсем не грело, ледяной ветер, вобравший в себя, казалось, весь холод бесконечных, доступных только поездам пространств, покрытых пока ещё нетронутыми снегами, пробирал до костей, и она почему-то вспомнила объявление, висевшее на стене вокзала. Множество объявлений теснятся на разных стенах, как люди в переполненных трамваях – в борьбе за лучшее место они наползают одно на другое и пожирают друг друга на наших глазах, а после того, как их

сорвали, появляются вновь, множась подобно назойливым сорнякам и стараюсь привлечь к себе внимание торопливых прохожих. Читать большинство из них вовсе не обязательно, а то и просто нельзя без риска для собственного здоровья, но сегодня девочка, обычно не читавшая объявлений, сама не понимая, почему, спустилась вниз и прочла его – в нем чёрным по белому было написано, что её поезд, её любимый поезд, больше не придёт. Никогда. Боже, почему она умела читать?! Почему она поверила написанному?

«Твой поезд уже ушёл», – вдруг услышала девочка и обернулась. Она не увидела того, кто это сказал – два людских потока сталкивались у неё за спиной и уносились каждый в свою сторону, увлекая за собой огромные клетчатые сумки из красно-белой клеёнки, чемоданы на колёсиках и обрывки фраз. Конечно, то, что она услышала, было сказано неизвестно кем вовсе не ей, а кому-то другому, но она почему-то приняла эти слова на свой счёт. Почему? Иногда мне кажется, что хороший слух и умение читать не приносят пользы – неосторожные слова, сказанные по глупости, из озорства или даже просто слишком громко, могут, как шальные осколки от случайного взрыва, разлетаться в разные стороны и достигать не тех, для кого они были предназначены, а ранить любого из нас, кто сможет их услышать или прочесть. Наверное, это случается тогда, когда мы начинаем больше верить тому, что приходит к нам извне, а не рождается внутри нас, но почему мы вдруг перестаём слышать сами себя? Возможно, на самом деле Кто-то, стоящий неизмеримо выше нас, всемогущий, но до поры неведомый нам, лишает нас такой возможности, чтобы испытать на прочность, – надо верить, что Он желает нам только добра, надеясь, что мы выйдем из этого испытания более сильными, но как порой тяжело его пройти и всегда ли мы справляемся с ним? Не всегда...

Пошатываясь под тяжестью прочитанного, девочка шла домой, не зная, что объявление было ошибкой, всего лишь глупой первоапрельской шуткой, с которой к тому же кто-то поторопился на несколько дней. Кто его написал и повесил – так и осталось неизвестным, может быть, это сделали подружки девочки, которым она ничего не говорила, но что-то узнавшие и решившие над ней подшутить, может быть, не по возрасту начитанный мальчик из соседнего дома, почему-то решивший, что он тайно влюблён в неё, а, может быть, кто-то, кто и не знал ничего о девочке и поезде – какая разница? С него, как и с любого из нас, однажды спросится за всё, и ему придётся ответить и за это объявление, которое случайно (а, может быть, и не случайно – кто знает?) совпало с опозданием поезда – да, он опаздывал, так очень редко, но бывало, и когда девочка подходила к дому, он, изо всех сил стараясь наверстать упущенное время, уже подлетал к Городу, почти не касаясь рельсов. Поезд очень устал, и белый пар, как вата, слетал с его раздувавшихся боков – а его никто не встречал, и он не мог понять, почему. Случалось, он опаздывал и раньше, но девочка всегда ждала его, что случилось на этот раз? – поезд терялся в догадках, а когда ему рассказали про объявление – не поверил, потому что кто же мог написать такую глупость, что он не придёт никогда? Он верил, что девочка придёт на следующий день – но она не пришла ни завтра, ни послезавтра. Она заболела, и тяжело, и врачи, как они умеют это делать, долго и подробно объясняли её далёким от современной, основанной на доказательствах медицины родителям, что заболела она от холода и недостатка витаминов, что-то говорили о каких-то микробах и вирусах и рассуждали о том, как её надо лечить и что ей надо есть больше мяса и витаминов. Любому нормальному человеку не могла не прийти в голову мысль о том, что погода была

для всех одинаковая, так же как и воздух, кишащий всевозможными невидимыми, но зловредными организмами, вдыхала не одна только девочка, большинство людей, уж по крайней мере члены одной семьи, питается примерно одинаково, а значит, всем им должно было не хватать витаминов, как почему-то не хватило их девочке, – но почему тогда заболела только она одна? Ответ лежит на поверхности – она заболела от горя, и для того, чтобы это понять, совсем не нужно оканчивать никаких медицинских институтов, скорее, даже наоборот – ответ этот наиболее очевиден для того, чей взгляд не искажён профессиональными познаниями и потому может видеть Мир именно таким, какой Он и есть на самом деле. Да, конечно, она заболела от горя, но не слушайте того, кто будет вкрадчиво нашептывать вам, что горя не было бы, если бы не было любви, а потом ещё и добавит как бы невзначай, вздохнув с напускным сочувствием, что и любви, от которой одно только горе, не было бы, если бы не было поездов – ни любовь, ни поезда ни в чём не виноваты, причины горя кроются в неверии и обиде, они кроются в нас самих, в нашей слабости и несовершенстве, и чем быстрее мы это поймём, тем будет лучше для нас.

Вначале девочка обиделась на свой любимый поезд, но обида быстро прошла – сама собой, и ей даже не пришлось прикладывать к этому какие-то усилия. Однажды в больнице, когда ей было очень плохо, она вдруг подумала, представив на мгновение ясно и ярко, как наяву, что поезд решил обмануть, бросить её и, ничего не сказав, уехал навсегда – от обиды её бросило в жар, а потом начало бить в ознобе, всё вокруг начало расплываться и уходить куда-то в сторону, уступая место серой всепоглощающей мгле. Что было потом, девочка не помнила, а когда она очнулась – обида прошла, как жар и озноб, а остались только слабость, ощущение счастья от того, что было с ней этой зимой, и радостное предчувствие от того, что ещё будет, и именно поэтому девочка, несмотря на уколы и таблетки, прописанные ей врачами совсем от другой болезни, медленно, но начала выздоравливать. Через несколько дней она уже могла вставать с кровати и подходить к окну, за которым снег всё ещё покрывал окружавшие город поля, а северный ветер отбрасывал к югу голые ветви на деревьях в больничном парке – весна в том году как никогда опаздывала, и ничто, казалось, не говорило о том, что она скоро придёт – ничто, кроме даты на календаре, но и этого было достаточно, чтобы верить – она вот-вот наступит. Почему-то такое бывает только ранней весной – мы верим, что она вот-вот наступит и обязательно принесёт с собой что-то хорошее и светлое, пусть даже пока ещё и неведомое нам, и неизвестно, чего мы ждём больше – самой весны или того, что, как нам кажется, обязательно придёт вместе с ней, но, если в скорый приход весны ещё, наверное, можно верить, просто глядя на календарь, то вера в остальное, связанное с ней, кажется, не имеет под собой никаких рациональных оснований – однако она есть, и это надо принимать как непреложный факт. Девочка верила, что весна принесёт что-то ещё, кроме долгожданного тепла и ручьёв талой воды, она не знала и не пыталась понять, откуда именно этой весной к ней впервые пришла эта вера – она просто верила, и это заранее наполняло долгожданную весну радостью и смыслом.

Накинув тёплый халат тёмно-вишнёвого цвета, отороченный хищными красными треугольниками, девочка подолгу стояла у окна, надеясь увидеть свой поезд, а он искал её в Городе – всюду, где были рельсы, и трамваи, увидев его, поспешно сходили с пути, – но найти её так и не смог, потому что больница, в которой лечили девочку, была на другом от вокзала конце города,

и трамвайные пути проходили далеко в стороне от неё. Тогда он ушёл прочь из этого Города, как ему казалось – навсегда, он уходил всё дальше и дальше, не зная, что она снова стоит на мосту и ждёт его, и верит, что дождётся. Если вы его встретите – в других городах, в пути, на переездах, в любом месте – пожалуйста, обязательно скажите ему, что его по-прежнему ждут... Но как вы сможете это сделать? Начиная эту историю, я не назвал вам его имени и не сказал, как он выглядит, а теперь, подводя её к концу, я вдруг понимаю, что забыл это, а значит, никто не узнает его и не сможет сказать ему то, что он обязательно должен услышать. Насколько же лучше, мудрее и дальновиднее рассказывала эту сказку мне моя мама, рассказывала так, чтобы я, встретив, узнал его и мог передать ему самое главное, а мне снова, в который уже раз, не хватило её доброты, совести и ума! Добавляя в старую сказку что-то своё, скорее всего совсем не нужное, разбавляя её никому, наверное, не интересными подробностями и рассуждениями, как разбавляют водой вино, доводя его до полного безвкусица, я упустил в этой истории то, что нельзя было упускать, то, без чего она теряет смысл, и лишил вас возможности помочь этим двоим. Почему так получилось, почему я не сказал вам то, что оказалось в этой истории самым важным, хотя должен был и мог сделать это в самом её начале? Я пытался это объяснить, но был ли я до конца честен в своих объяснениях, выдающих, как я теперь вижу, отсутствие ума и полное неумение что-либо предвидеть? Может быть, дело не только и не столько в них, а в зависти к героям своего рассказа, в неверии в то, о чём рассказываешь, порождающем страх показаться смешным и наивным, наконец, в обыкновенной гордыне, в этом щекочущем мелкую душу чувстве кажущегося превосходства твоего знания над чьим-то незнанием? Не знаю... Я занял ваше время, но не облегчил вашу задачу, когда вы попытаетесь им помочь – остаётся только надеяться, что когда вы очень захотите это сделать, вы сами поймёте, что перед вами именно тот поезд, которому вам есть что сказать.

А девочка? Вера – высшее знание, которое не нуждается в доказательствах, но верить – трудней, чем знать, и если поверить, что поезд вернётся, вам пока не хватает сил, вспомните о том, что земля всё-таки круглая, а значит, убегая прочь, мы лишь приближаемся к тем, кого покинули. Надо верить – и рано или поздно (но поздно не будет никогда!) ваш поезд вернётся, и девочка сбежит к нему, не касаясь ступеней, а значит, у этой сказки тоже будет счастливый конец – как и у любой другой сказки...

Уже поздно, а ты не спишь. Если бы я смог, то спел бы тебе колыбельную, но я не умею петь, а потому рассказал, как мог, тебе сказку, которую слышал в детстве от моей мамы. А сейчас, перед тем, как уснуть, закрой глаза и улыбнись, вспомнив всё хорошее, что случилось с тобой сегодня. Вспомни до мелочей, до деталей, а если ты их не заметила – домысли, придумай и удерживай перед собой, пока не уснёшь – тогда это хорошее будет сниться тебе с ночи до утра, и ты будешь улыбаться ему во сне. Такие сны обязательно сбываются, – надо только верить в это и очень этого хотеть, и тогда твой поезд обязательно вернётся.

ПОЭЗИЯ

Июлия ИЛЬИНА

Июлия Яшиновна Илюина (Фёдоровна) – член МГО Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всероссийного фестиваля патриотической поэзии «Фортост» 2014, 3-е место), награждена медалями: и.м. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

«Из века в век, из года в год...»

Дай нам, Боже...

Было время – было счастье,
И веселья было впрок,
Но подкралось ненастье:
Свет затмил коварный рок.

Дай нам, Господи, терпенье
Жить в эпоху перемен
И под ангельское пенье
Избежать беды измен.

Дай нам, Боже, быть умнее,
Не разнести по миру сор,
И не дать врагу, вернее,
Поселить в наш стан раздор.

Не дай, Господи, гордыне
Застить светлые умы,
Сбереги народ, отныне,
От сумы и от тюрьмы.

Дай нам силы, как и прежде,
Отразить судьбы удар
И, в молитве, и в надежде
Погасить вражды пожар.

Призвание

В обескураженном пространстве,
Где нынче улицы пусты,
И речи нет о постоянстве,
Забьты песни дальних странствий,
Закрыты небо и мосты.

Мир, как шагреневая кожа,
От ненасытности людской,
К нам обернулся страшной рожей,
Вдруг стал урезан и скукожен
До стен квартиры городской.

Как в детстве, хочется проснуться
И громко-громко закричать,
Остановиться, оглянуться
И в прежние года вернуться,
Чтоб жизнь по-новому начать...

Но, зная всем ошибкам цену,
Всё сделаю наоборот
И снова попаду на сцену,
Как гладиатор на арену,
Из века в век, из года в год.

Человек и природа

Животный мир непостижимо мудро,
Свободно и размеренно живёт.
А Человек всё мудрствует премудро,
Всё строит планы на сто лет вперёд.

А птицы гнёзда вьют в полях весенних,
Бесстрашно волки рыщут по лесам...
Но Человек ружьё повесил в сених,
Капкан готовит и охоту псам.

Прекрасен Мир в любое время года,
Но интернет заполонил эфир,
И борется с захватчиком Природа,
Чтоб охладить пустоголовый пир.

И в битве той, отнюдь не молчаливой,
Не будет победителей вовек,
И не вернётся к суете счастливой
Обидевший Природу Человек.

Впервые, без опаски и тревоги,
Выходят звери на простор из нор,
Резвятся медвежата у берлоги
И строит хатку новую бобёр.

А «царь зверей» сидит в доме, как в клетке.
Теперь, добыча – он, и он – в бегах
И, как доисторические предки,
С смартфоном, как с дубиной в руках!

«Грядущий век! Ты был спасён двадцатым...»

Пермские поэты Победы

*Поэт обязан подвести итоги
Всему, что видел, чувствовал, узнал.
И горек каждый в памяти провал,
Когда мы к правде неподкупно строги...*

Борис Ширшов

«Когда говорят пушки, музы молчат» – гласит древнее латинское выражение. Однако эта мудрость находит опровержение в литературе военных лет, в частности, в поэзии Великой Отечественной войны. По определению В.Н. Лексина, искусство того периода – это «единственный в истории мировой культуры пример естественного включения всех видов и жанров... в одну тему – уверенности в победе» [1]. Несмотря на все тяготы и невзгоды, фронтовая лирика наполнена невероятно-проникновенным чувством нежности и надежды. Адресованная родным и близким, воспевающая истинную любовь и дружбу, она совершила свой, не менее значимый подвиг в годы войны.

В данной статье мы постараемся осветить незаслуженно забытые имена пермской литературной истории. Часть этих авторов – коренные пермяки, кто-то вошёл в уральскую поэзию в силу обстоятельств. Кому-то удалось, пройдя всю войну, остаться в живых и продолжать творить, кто-то, к сожалению, пал смертью храбрых, оставив после себя опалённые строки.

«Отчего в мирной жизни мы не находим для своих любимых тех слов, что находили на фронте измотанные, смертельно уставшие бойцы?..» – таким риторическим вопросом задаётся Дмитрий Шеваров на страницах «Российской газеты» за 2015 год [2], рассматривая стихи и письма **Владислава Занадворова**. Архив фронтового поэта, погибшего в возрасте 28 лет, хранится в отделе фондов Объединённого музея писателей Урала в

Александр Леонидович Козырев – родился в Перми в 1981 г. Выпускник Пермского Государственного Университета им. А.М. Горького (ныне – ПГНИУ). Педагог дополнительного образования I категории, преподаватель кафедры иностранных языков ПФИЦ УрО РАН. Член пермской литературной студии «Тропа», лауреат ряда краевых литературных конкурсов, обладатель грамоты «За большой вклад в развитие детского и юношеского творчества» Международного творческого фестиваля «Волшебная строка». Публиковался в сборниках «С тобой и о тебе» (1998), «Дементьевские тропинки» (2005), «Тропа. Избранное» (2011), «Не жила Россия без талантов...» (2011), «Тропинка в детство» (2013), научно-просветительском издании «В мире языка. Языки в мире» (2018). Автор сборника «Я буду...» (2012).

Живёт в Перми.

Екатеринбурге, хотя именно он и был тем самым коренным пермяком.

«Если все по заводам будем прятаться, кто воевать будет» – с такими словами, отвергая предложенную заводом бронь, в 1941 году Занадворов ушёл на фронт. Больше скупых биографических данных о поэте и лейтенанте говорят его стихи и чудом сохранившиеся письма к жене Екатерине Хайдуковой:

«Знаешь, я часто ловлю себя на мысли: очень хорошо, что где-то далеко отсюда, за сотни дней и верст от нашей фронтовой жизни, у меня осталась ты, – моя девочка, – наш сыночек... Подумаешь, и как-то делается не так одиноко. Это великая вещь, когда знаешь, что есть куда, есть к чему возвращаться. И я должен вернуться несмотря ни на что, несмотря на то, что мало кто отсюда вернется живым...»

С самого детства Владислав Занадворов мечтал стать геологом-искателем. Какое-то время он проработал в Ленинградском геолого-разведочном управлении. Геологам были посвящены первые стихи и рассказы. Но вошёл он в пермскую литературу военными стихами. Даже в боевых условиях мысли о жене и сыне давали ему веру и вдохновляли на новые строки.

«Родная моя Катюшка! Вот ты говоришь – писать нечего, а сама пишешь о Юрашке, о себе и не можешь представить себе, с какой радостью я читаю эти строки. Они даже заставили меня написать стишок, что со мной давно не бывало. Правда, стихотворение неважное, – писано в блиндаже, когда осыпался песок от минометного обстрела. Если хочешь – вот оно:»

Так, в письме от 2 сентября 1942 года автор рассказывает историю создания стихотворения «Память»:

*Когда и в жилах стынет кровь,
Я грелся памятью одной.
Твоя незримая любовь
Всегда была со мной.*

*В сырой тоске окопных дней,
В палящем, огненном аду
Я клялся памятью моей,
Что я назад приду.*

*Хотя б на сломанных ногах,
На четвереньках приползу.
Я в окровавленных руках
Свою любовь несу.*

Владислав Занадворов

*Как бьётся сердце горячо,
Летя стремительно на бой!
Я чувствую твоё плечо,
Как будто ты со мной.*

*Пусть сомневается другой,
А я скажу в последний час,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб разлучила нас!*

Лирика Занадворова – это сочетание фронтовой правды и любви к родной земле, к своим близким, простых пейзажей и военных будней.

*И юности вечной родник,
Тропа босоногого детства!
Посмотришь – сливаются в миг
Удары винтовки и сердца...*

Здесь, на фронте Владислав обдумывает замысел будущего романа, считая, что «поэтическое время ушло безвозвратно. Не знаю, как ты, а я за это время здорово постарел, – словно сердце остыло...» – пишет он в письме другу [3]. В этом произведении он надеялся «...сказать такую правду о человеке, что у всех, кто узнает её, – дух захватит...».

Как отмечает Дмитрий Шеваров, «о решительных наступлениях, о взятии городов, о Победе Владислав Занадворов написать не успел. Но погиб он в наступлении... На его стихах запеклась кровь отступлений. В его строках – сорванный голос тех, кто прорывался из окружения» [3]. О последних минутах сообщают лишь несколько сухих строк старшины Шаурова в письме к жене поэта Екатерине:

«Ваш муж Занадворов Владислав Леонидович погиб 27 ноября 1942 года в бою с немецкими захватчиками. Тов. Занадворов убит вражеской пулей в 10 часов вечера 27 ноября 1942 в деревне Русаково Чернышевского района Ростовской области».

Этот бой был частью контрнаступления советской армии, которое завершилось разгромом фашистских войск под Сталинградом. По информации всё того же Шеварова, в этих сражениях отличился и будущий кинорежиссёр Григорий Чухрай, отразивший Занадворова и его поколение в образе Алёши Скворцова в «Балладе о солдате».

Лирический герой поэта, как и он сам, – действительно собирательный образ целого поколения молодых патриотов, своей жизнью внесивших вклад в общее дело Победы. И сама война находит очень чёткое и подробное выражение в одном из «программных» стихотворений автора:

*Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит свое выраженье.*

*Это – изо дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
Это – боль головная, что ломит висок;
Это – юность моя, что в окопах истлела...*

Этим строкам по-своему отвечают, в чём-то им возражая, а в чём-то дополняя их, стихи, написанные другим автором двумя годами позже – в 1944 году:

*Война не вечна! И когда-то
Чехлы закроют пушкам рты,
А кровь и смерть – в скупые даты
На пожелтевшие листья.
С сапог сотрётся пыль походов,
Забудем цвеньканье свинца.
Но никогда не смогут годы
В нас разминировать сердца.*

«Неразминированное сердце» – такое образное определение благодаря последней процитированной строчке критики дали лирике **Константина Мамонтова**. «Тема войны, как стрела огненная, пронзила их...» – сказал о его стихах Виктор Астафьев [4], а по утверждению Валерия Черкесова, «сам поэт говорил, что он не творит и не сочиняет художественные произведения, а пишет дневник в стихах». Судьба Мамонтова, как в творческом, так и в более широком смысле, и не проста, и уникальна одновременно. Будущий литератор рано лишился отца, старших сестёр и братьев. Был оставлен на попечение деда и бабушки, после того, как их раскулачили, бежал, примкнул к беспризорникам и скитался по всей России. Чудом ему удалось найти мать, но счастье было недолгим – она наложила на себя руки.

Константин Мамонтов

Именно эти потрясения и побудили его начать писать стихи. А взрослые добрые люди спасли от беспризорничества – бездетная супружеская пара учителей стала ему новыми родителями. В более поздних стихах он скажет об этом так:

*Благодарю тебя, Отчизна,
За то, что ты, не помня зла,
Сквозь испытания по жизни
Меня с достоинством вела...*

* * *

*Кто-то заменит обноски худые,
Вымоет в баньке, протянет еду...
Чуткое сердце ты носишь, Россия,
К горю чужому, к поавшим в беду.*

В 1939 году Константин Мамонтов окончил Пермский музыкально-педагогический техникум по классу виолончели. После он был призван в армию, пройдя всю войну и создав её поэтическую летопись, за что был награждён орденом Красной Звезды. В 1944 году поэт был тяжело ранен, и тогда же потерялся планшет с шестью блокнотами его стихов, где было около 300 стихотворений. Дальнейшая история этого планшета разворачивалась так:

В 1960 г. в еженедельник «Литература и жизнь» (ныне это «Литературная Россия») пришло письмо от некоего Борисова, который писал: «Граждане писатели! В вашей газете попал на одну статейку “Стихи из окопов”, прочитал её и вспомнил: у меня в сундуке блокнот лежит, с фронта привёз. Там тоже, вроде, стихи. Как тот блокнот попал ко мне, не помню, только знаю: с фронта привёз. Я в госпитале в сорок третьем да в сорок четвёртом санитаром работал по ранению и по возрасту тоже. Блокнот этот посылаю вам, разберитесь, что к чему».

Корреспондент газеты А.Т. Емельянов написал статью «Трудная судьба», в которой просил читателей сообщить об авторе стихов, если кто-то знает о нём. Выяснить ничего не удалось. Решив, что хозяин блокнота погиб в боях, газета передала стихи в издательство «Молодая гвардия», где готовилась книга стихов погибших поэтов «Имена на поверке». В эту книгу и были включены стихи Константина Мамонтова.

Вот после этого одна дотошная читательница и установила, что автор жив. К Мамонтову прилетел А.Т. Емельянов и вручил ему блокнот за № 1. Автор плакал и целовал потрепанную книжицу... [5].

В судьбе Мамонтова оставили след сразу несколько городов. Это и Екатеринбург, где в детстве он оказался с матерью после смерти отца и братьев и сестёр (мать была домработницей в доме архитектора). Это и Кунгур, где прошло время в компании беспризорников. Какое-то время он пробыл в Одессе. С 1974 по 1989 год Мамонтов прожил в Белгороде, в освобождении которого принимал участие.

«Ну, не то чтобы освобождал, – уточнял поэт в интервью Валерию Черкесову. – Я был связистом. Пехотинцы шли впереди, а мы обеспечивали связь. Это не так опасно. Вошли в Белгород, он был весь в руинах, казалось, ни одного целого дома не осталось, ни одного жителя. Но горожане нас встречали, угощали, чем могли. Помню, в одном из садов мы нарвали незрелых яблок и слив...» [4].

И хотя в контексте нашей статьи мы касаемся, в первую очередь, военной лирики, поэт Константин Мамонтов вошёл в пермскую литературу и другими мотивами, в числе которых, по определению Германа Старикова, есть и «есенинские» [6]:

*Страда – страдать. Вот, видимо, откуда
Возникло слово русское: страда...
Насущный хлеб – не только зёрен гряда,
А пот и кровь крестьянского труда...*

Параллель с Есениным возникает из-за обращения к крестьянской теме и образам родного края. В ряде строк поэт олицетворяет природу («*За спиной уснувшего Урала Солнце притаилось до утра. Тихо-тихо ночь ко мне подкралась и присела рядом у костра*»; «*Ночь спустилась в деревушку и присела у ворот*»). «Я сын твой, Россия» – название одного из сборников и определяет творческое кредо писателя.

*Ты мне помогла, и о том не забуду.
Случится беда, за тебя заступлюсь.
Я сын твой, Россия. И где я ни буду,
Ты лишь позови – на помощь явлюсь*

«Я с щемящей неохотой уезжаю вновь с Урала» – писал Мамонтов. Именно поэтому в 1989 году поэт возвращается на родину и вновь обосновывается в Кунгуре, уже до самой смерти в 2000. За несколько дней до ухода появляется сборник избранных стихотворений «Благодарю тебя, Отчизна».

Своё послание будущим читателям он выразил в следующих строках:

*Потомок мой, не будь холодным к датам
Военных битв сороковых годов.
За каждой цифрой – кровь и смерть солдата,
Судьба страны в нашествии врагов.
И сколько б лет тебя ни отделяло
От этих дат, сумей расслышать в них
Разрывы бомб, зловецкий лязг металла
И стон предсмертный прадедов твоих.*

«Было ли тебе, человеку мужественному, когда-нибудь страшно? Всё-таки боевые награды о чём-то говорят!» – такой вопрос поэт и журналист Михаил Смородинов задал ещё одному нашему герою, поэту и фронтовику, прошедшему и войну, и госпиталь, и тюрьму, и шахты. **Николай Домовитов** ответил так:

«Трижды в жизни, и всё от одиночества, от беспомощности:

1-ый раз в 41-ом, когда полз по лесу раненый, к своим, и стонать боялся: а вдруг немцы на голос придут?

2-й раз – когда меня осенью 1943 г. ранило, и прямо из госпиталя забрали с простреленными ногами – сразу затолкали в карцер в следственной тюрьме, где можно было только стоять, и зимой 1943 г. осудили на 10 лет.

А 3-й раз – уже после ЗОНЫ, в Донбассе.

В шахте случился обвал, и нас с Юрой Огоньком завалило в уступе, на глубине 1200 метров. Трое суток, как в могиле. Мы уж и не думали, что горноспасатели нас откапают».

Он не был коренным пермяком. Родился в 1918 году в Петрограде, окончил Ленинградский машиностроительный техникум, ещё в юности начал писать стихи.

Николай Домовитов

Ах, детство, детство,
Ты за поворотом!
Закрой глаза,
Мальчишка, поскорей.
...Звон бубенцов.
И к стареньким воротам
Стремглав несётся
Тройка лошадей...

Биография Домовитова не менее удивительна. По мнению многих критиков, он принадлежит к тому поколению, про которое Юлия Друнина сказала: «из 100 бойцов, вступивших в сражения в 41-м, вернулись после победы только 3» [7]. Первая его книга вышла в 1941 году в Баку. Тогда же он был призван на фронт и под Мгой получил ранение. Те года автор вспоминает в статье «Я ещё и сотой доли о войне не рассказал...» (журнал «Уральский следопыт», №11 за 1987 г.) [8]:

«Два месяца отступал наш батальон к Ленинграду.

Позади остались пылающие города и села, холмики братских могил. Из тех, кто отражал первый удар врага, в батальоне почти никого не осталось. В конце августа под станцией Мга мы попали в окружение и прочно засели в болотистом лесу. Фашисты несколько раз пытались выбить нас оттуда. Бомбили, наугад забрасывали минами и снарядами. Лес стонал от взрывов, заволакивался дымом, густым и желтым, как разведенная горчица. На головы нам сыпались с деревьев листья и колкая хвоя, пронзительно свистели осколки. Идти в лесную чащобу фашисты не решались. Их танки топтались на опушке, приминали тонкие осинки и снова уходили на грунтовую дорогу, подальше от лесного сумрака и зябкого дыхания зеленых трясин...»

По утверждению поэта, «война сделала многих моих ровесников не только солдатами, но и поэтами». После ранения он попал в госпиталь.

«Тишина госпитальной палаты... Не было этой тишины. Я просто придумал ее. Был концертный зал Бакинской консерватории, превращенный в госпиталь, было сорок коек в этом зале, на которых металась от боли сорок изувеченных ребят, кричащих в бреду “ура” и зовущих маму.

Моя койка находилась возле органа. Блестящие трубы его уходили куда-то высоко-высоко, словно сосны в солнечном бору. Орган молчал. Некому было играть на нем. А мне все слышалась песня о звезде, разговаривающей со звездой. И рождались стихи, первые стихи о войне:

*...Весь день свистела маленькая птица.
В моей крови кленовый плавал лист.
И я не знал, что раньше прекратится:
Моё дыханье или птичий свист?
Замолкла птица...
Сердце тихо билось,
Настойчиво выстукивая: “Жить!”
И кровь из раны больше не струилась,
И вновь глаза потухшие зажглись.
Я жить хотел!
И смерть прошла стороной,
Меня не тронув лапой своей.*

*Быть может, песней, радостной и звонкой,
Её прогнал весёлый соловей...»*

Прямо из госпиталя и попал он на зону – всего лишь из-за одной неосторожной фразы. Прочитав в газетах о потерях немецкой армии, Николай взял да и сказал: «Братцы, так с кем же мы воюем, если всех фашистов уже перебили?». Видимо, кто-то из соседей донёс.

Фронтовик с перебитыми ногами оказался сначала в карцере следственной тюрьмы НКВД, где невозможно было ни сесть, ни согнуться. Раны открылись, и когда через три дня за ним пришли, он стоял по щиколотку в собственной крови. Как позже вспоминал сам автор:

«Как многие “язычники”, севшие за то, что языком лягнули не то, в зоне я работал почти по специальности. Делали оборонную продукцию, да и после войны машиностроительных заказов хватало.

Отбыл срок, и мне предложили на выбор: или езжай на остров в Аральском море, чтобы тебя, пораженца, никто не видел, или – под землю, в Донбасс.

Я выбрал шахты, работал проходчиком, монтажником.

И меня, “врага народа и пораженца”, “вольные” долгое время сторонились. А переносить людское отчуждение – хуже зоны» [7].

*Порой уступ бывает тесен,
В нём и плечом не шевельнёшь,
Шахтёр работает без песен.
В забое, брат, не запоёшь...*

В Донбассе у Домовитова выходили книги стихов и во многом автобиографичный роман «Горькая рябина». В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов он был принят в члены Союза писателей и заочно окончил Московский литературный институт им. А.М. Горького. С 1969 года и до последних дней проживал в Перми, где занимался общественной деятельностью и работал с молодыми литераторами.

В его стихах нашла отражение не только военная тема. В них есть место и пейзажной, и любовной лирике. Ещё в госпитале в 1942 году он начал писать стихотворение «Россия», в первом варианте которого были такие строки:

*Мой предок далёкий, я вижу тебя,
Одет ты в тяжёлые латы.
И сокол садится на кончик копья –
Предвестник победы крылатый.
Я вижу, шатёр твой стоит у Днепра,
Парчой дорогою украшен.
Пируешь с дружиной своей до утра,
Пьёшь брагу из праздничной чаши...*

Обращение к прошлому родной страны во многом сближает его и с поэтами-классиками, и с современниками. Подобные мотивы можно было найти и у Владислава Занадворова, чьё творчество уже было рассмотрено в начале статьи. В его стихотворении «Щит» случайно найденный трофей отсылает нас к Куликовской битве, доказывая, что тема патриотизма русского народа и тема памяти о нём вечны, с каким бы врагом ни сводила судьба, и сколько бы ни минуло лет:

...Безвестный ратник здесь расстался с жизнью,
Подмят в бою татарским скакуном,
Но всё же грудь истерзанной отчизны
Прикрыл он верным дедовским щитом.

И перед ним в молчании глубоком
Мы опустили шапки до земли,
Как будто к отдалённейшим истокам
Могучего потока подошли.

...Что станет думать дальний наш потомок
И чем его наполнится душа,
Когда штыка трёхгранного обломок
Отыщёт он в курганах Сиваша?

Стихотворение Домовитова «Россия» впоследствии изменилось, из наблюдателя лирический герой и сам стал участником тех далёких битв, а образ родины, как это часто бывает в поэзии, олицетворяясь, принимает черты любимой женщины:

...Пусть ноженьки в росах купает босые,
Пусть солнышко вечно сияет над ней.
Она не жена мне,
Она мне — Россия!
Ей нужно любить и рожать сыновей.

Биография поэта сама по себе является примером сильного духа, который не сломили тяготы. Из таких фактов и из таких мотивов и складывается в целом фигура русского солдата, видевшего Россию в каждом её проявлении — в родных пейзажах, как и у Занадворова, в поддержке родных и близких. Один из сборников Домовитова называется «Незабудки на бруствере», и в одном этом названии соединяются образ войны и образ родной природы, связанный с нежностью и памятью:

Мы глаз не смыкаем четвёртые сутки,
А рядом с окопом цветут незабудки.
Солдат седоусый промолвил: — Цветочки
Точь-в-точь как глаза моей маленькой дочки.
И смотрят мне в сердце, совсем как живые,
Любви моей первой глаза голубые.
А рядом на майской зелёной полянке
Дымят иноземные чёрные танки.
Они у песчанного бруствера встали,
Танцует огонь на пробитом металле,
Они опустили тяжёлые пушки,
И снова нам годы считают кукушки.
Но только не верят вещуньям солдаты,
Мы молча запалы вставляем в гранаты.
Нам враг отдохнуть не даёт ни минутки,
Но мы не отступим.
Цветут незабудки!..

И если у Занадворова мы встречали образ истлевшей в окопах юности, то и у Домовитова мы находим нечто подобное в ещё одном хрестоматийном стихотворении «Убежать бы мне в юность»:

...Вот я вижу друзей.
Мы лежим на снегу
И кричим, задыхаясь:
— Атака отбита!
Убежать бы к друзьям мне,
Да я не могу —
Я живой,
А друзья — из гранита.

Взяв эти строки в качестве эпитафии, спустя годы Фёдор Востриков напишет о Домовитове:

И всё-таки он слово не сдержал.
Простим высокому мудрого поэта,
Что, не дождавшись летнего рассвета,
К друзьям вихрастым в юность убежал.

Но это было гораздо позже. Пройдя и войну, и зону, и шахты, поэт Николай Домовитов дожил до 1996 года, оставив память о своём опыте в стихах и книгах и войдя в историю пермской литературы.

«Не знаю, всё ли в жизни удавалось **Борису Ширшову**, но стихи ему удавались...» — так Домовитов говорил ещё об одном пермском поэте-фронтовике, о котором хотелось бы рассказать в этой статье и чьи строки были взяты в качестве эпитафии. Этот автор тоже не был коренным пермяком. Его родина — Артёмовский прииск Иркутской области. Но совсем скоро семья переехала на Урал, где в 1939 году Борис закончил семилетку. Ему тоже посчастливилось, пройдя всю войну, вернуться живым. Однако становление поэта началось ещё до военных событий. Уже в 10 лет он опубликовал своё первое стихотворение. И затем детская тема не оставляла Ширшова — среди его поэтического наследия есть книга для малышей «Сто загадок»:

Борис Ширшов

Когда с тобою этот друг,
Ты можешь без забот
Шагать на север и на юг,
На запад и восток.

* * *

*Если ей работу дашь –
Зря трудился карандаш.*

Непросто поверить, что такие лёгкие детские стихи мог написать фронтовик, в прошлом командир пулемётного взвода, награждённый медалью «За отвагу». Между тем, в своих «невоенных» строках Ширшов искренне радуется новому дню, описывая жизнь в её самых простых и от этого самых ценных проявлениях:

*Восходом тёплым озарились крыши,
Прозрачна неба голубая высь.
Из дома я чуть-чуть пораньше вышел,
Чтоб просто так по городу пройтись.
Роса блестит на цветниках ковровых,
И под кустами тень ещё густа,
И бабочка ещё сидит под кровом
В безветрии недвижимого листа...*

Его творческим кумиром был Твардовский. Ширшов даже сочинил своеобразное продолжение его самого популярного произведения – «Василий Тёркин на заводе».

*В новой летней гимнастёрке
(Отпуск взять пришел черёд)
Фронтовик Василий Теркин
Навестить решил завод.
Говорят, Василий Тёркин
Из смоленской стороны,
А другие спорят: «В сборке
Он работал до войны».
Ну, а третьи не шутейно,
А серьёзно говорят:
«Вася Тёркин! Да в литейном
Вместе много лет подряд
Проработали». Короче,
Чтоб не спорить, скажем так:
Тёркин нашим был рабочим,
Остальное всё пустяк..*

В этом, конечно, он был не одинок – по утверждению самого Твардовского, «из “продолжений” и “подражаний” “Тёркину”, известных мне, можно было бы составить книгу, пожалуй, не меньшего объёма, чем существующая “Книга про бойца...”» [9]. Тем не менее, как видно из приведённого отрывка, продолжение Ширшова полностью сохраняет строфику и размер оригинального произведения, а заодно и сам образ Тёркина в его собирательности – этакого «своего парня», который есть везде и всюду. Опять же, как писал Твардовский: «“Василий Тёркин” вышел из той полуфольклорной современной “стихии”, которую составляют газетный и стенгазетный

фельетон, репертуар эстрады, частушка, шуточная песня... Сейчас он сам породил много подобного материала в практике газет, специальных изданий, эстрады, устного обихода. Откуда пришёл – туда и уходит. И в этом смысле “Книга про бойца”, как я уже отчасти говорил, – произведение не собственное моё, а коллективного авторства. Свою долю участия в нём я считаю выполненной» [9].

В числе литературных ориентиров Ширшова хорошо знавшая его поэт и журналист Вера Кудрявцева называет также Сельвинского, Заболоцкого, Василия Фёдорова – многих «непрограммных» авторов. Свои стихи в кругу друзей он почти не читал – «поэт не скрывал, что учился у мастеров, равнялся на них, видимо, ещё не чувствуя себя готовым встать в этот строй... Борис читал только современных советских поэтов... Нас потрясло, что в его памяти тома стихов! Сам он нисколько этому не удивлялся и был всегда прост, естествен...» [10].

И в его стихах находит отражение тема творческих поисков и личного становления поэта:

*Она пришла ко мне, боязнь строки,
Ей риск и нетерпенье не по нраву:
Я у строки стою, как у реки,
Обдумывая долго переправу.
Я шёл сперва по затесям чужим,
Теряя их, плутая, да не пятаюсь.
Следы чужие... Благодарен им,
Теперь пора свою оставить затесть.
По ней не поверну в обратный путь,
Ей за спиною суждено остаться.
Но, может быть, другим когда-нибудь
Мои зарубки тоже пригодятся...*

Посмертный сборник Бориса Ширшова получил название «Успевай, человек!». Поколение фронтовых поэтов, видевшее смерть вблизи, как никто другой ценило жизнь и стремилось успеть запечатлеть все её проявления. Именно поэтому картину военных лет мы воссоздаём, в том числе, и по поэтическим строчкам. И тем более удивительно, что под боевым огнём поэты оставались поэтами, создавая летопись не только своей жизни, но и истории всей страны.

*Мы цену жизни узнаём с годами.
Чем наша жизнь становится длинней,
Тем больше дум рождается о ней
И ценится она дороже нами.
Но в памяти у нас не всё хранится.
И если жизнь начнёшь перебирать,
Глядишь, исчезла целая страница,
А иногда — и целая тетрадь.
Дневник помог бы возместить утраты.
До дневников ли было нам, когда
В дыму сражений, в грохоте труда
Взрывались дни и ночи, как гранаты...*

Военная лирика Ширшова во многом перекликается с мотивами его современников и собратьев по перу, уже упомянутых в этой статье. Немаловажную роль в ней играет и тема памяти, проявляющаяся в параллели с войнами прошлых веков. Владислав Занадворов обращался к временам Куликовской битвы, примерно с той же эпохой связывал образ России Николай Домовитов. В стихотворении «Солдатская могила» Ширшов адресует свои мысли солдату Бородинского сражения:

*Я стою над широкой чугунной плитой,
Всё на ней – письма и эмблемы – темно.
Здесь покоится прах офицера-героя,
Получившего раны под Бородино...*

*... Спи, герой бородинский! Столетье второе
Над тобою проносит года чередой,
Ты не знаешь, что рядом, под этой горой
Спят недавней войны молодые герои
Под неведомой ранее красной звездой.*

*Где они воевали, что они испытали,
Ты, наверное, большей беды не знавал,
Но Отечество в битвах они отстаивали,
И войну тем же словом они называли,
Как и ты горделиво – свою называл...*

И если Константин Мамонтов в своём поэтическом обращении к потомкам просит их не относиться холодно к важным историческим датам, то Борис Ширшов выражает схожую идею в стихотворении «Последний»:

*Не ранее, чем в двадцать первом веке,
Считая от сегодняшнего дня,
Почтенный дед смежит устало веки,
Над ним поникнет горестно родня.
Прочтёт ли кто на помертвелом лице,
На потускневшем серебре наград,
Что умер воин той войны Великой,
Её последний доблестный солдат.
Ни одного участника былого,
Ни одного живого! Навсегда!
Не будет глаз живых, живого слова.
Всё отдалит минувшего гряда...
...Грядущий век! Ты был спасён
двадцатым.
Не допусти, чтоб вымерла земля.
Последнему Известному солдату
Зажги навечно пламя у Кремля.*

Именно в этом мы видим свою задачу как читателей и потомков. И именно в этом, пожалуй, главный смысл обращения к военно-фронтальной лирике.

Литература

1. Лексин В.Н. Великая культура великой войны / В.Н. Лексин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8. – № 3. – С. 65–83.
2. Шеваров Д.Г. «Помни, что я тебя любил всеми силами души моей...». Письма с фронта лейтенанта Занадворова. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=22507>. Дата обращения – 05.04.2020.
3. Шеваров Д.Г. Фронтальной поэт Владислав Занадворов. URL: <http://moi-goda.ru/sudbi-liudskie/frontovoy-poet-vladislav-zanadvorov>. Дата обращения – 05.04.2020.
4. Черкесов В.Н. Неразминированное сердце / В. Черкесов // Литературная Россия. – 2005. – 15 апр. – С. 7.
5. Мамонтов Константин Яковлевич. Пермский край. Энциклопедия. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1805339321>. Дата обращения – 05.04.2020.
6. Стариков Г.Л. Поэт Константин Мамонтов. URL: <https://uraloved.ru/ludi-urala/mamontov>. Дата обращения – 05.04.2020.
7. Н.Ф. Домовитов. Пермский поэт-фронтвик. URL: <http://parnasse.ru/teatr-na-parnasse/klasika-literatury/drugie-avtory/n-f-domovitov-perskii-royet-frontovik.html>. Дата обращения – 05.04.2020.
8. Домовитов Н.Ф. Я ещё и сохой доли о войне не рассказывал... // Уральский следопыт. – 1987. – №11. – С. 58–59.
9. Твардовский А.Т. Как был написан «Василий Тёркин» (ответ читателям). URL: http://lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/as_ter.txt. Дата обращения – 05.04.2020.
10. Кудрявцева В.М. Одна поэтическая зима // Урал. – 2005. – №3. – С. 160–166.
11. Я был убит в боях. Стихи молодых поэтов, павших в годы Великой Отечественной войны. – Пермь : Кн. изд-во, 1990. – 246 с.
12. Домовитов Н.Ф. Незабудки на бруствере: Стихи и поэмы. – Пермь : Кн. изд-во, 1981. – 116 с.

ПОЭЗИЯ

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт, лауреат конкурса имени Анны Ахматовой 2014 г. Автор сборников стихотворений и сказок «Времена года», «Моя малая Родина», «Стихи, поэмы, сказки», «Избушка на болоте» и многочисленных публикаций стихов и прозы в газетах «Микрон», «Сорок один», «Московский литератор», в альманахах «Литературный Зеленоград», в научно-популярных сборниках «Знак вопроса» издательства «Знание», а также в ежегодных конкурсных альманахах и сборниках МГО СПР. Выпускник химического факультета МГУ, кандидат химических наук, учёный физико-химик, автор более ста научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов».

Живёт в Москве.

«В этом мире многолюдном...»

Всё было и будет

Над чем горевать?
Перед кем, наконец, преклоняться?
Всё было и будет,
Но будет, увы, не всегда.

Забудется всё.
Я и нынче бы мог затеряться,
Но тянут пруды
И у тихой церквушки верба.

Ужасное время –
Век скорости, век шарлатанства.
Но чу – соловей за кустом,
Он поёт и поёт!

И чертят, по-прежнему,
Яркие птицы пространство.
И небо бездонность
Всё также душе отдаёт.

Всё было и будет.
Душой своей чую – навеки!
И новая жизнь
Будет красками также полна.

Никто не забудет
Ни лес, ни просторные реки.
По-прежнему будет
Плескаться о берег волна.

Полуночное глупое бдение
И непрошенных мыслей рой.
Наваждение, наваждение...
Серебрится Лилий под луной.

Мой приятель, студи мою голову.
Позабуду об этом дне.
Говорят – всего в жизни поровну.
Сколько счастья достанется мне!

Попытаюсь заснуть, довольно.
Я вчера ничего не ел.
Но опять тебя вижу невольно.
Слишком долго в тебя глядел.

Вновь рассвет. Легко и просто
Белый свет летит в окно.
У песчаного откоса
Воробьи клюют зерно.

Тишь и топот по дороге,
Звук пастушьего рожка.
И легко несутся ноги
За деревню, до лужка.

Не проснулись ещё дети.
Лишь поёт пастух в рожок.
На облезлом сельсовете
Не колышется флажок.

Вечер свешивал локоны
На озёрную гладь.
Где заря синеокая?
Сколько мне её ждать!?

От луны, переливами
Ручейков – светляков,
Волны бились под ивами,
Гнули ночи покров.

Ветерка дуновения
Шевелили листвою.
Застывали мгновения
Светом звёзд над водой.

Так радостно смотреть друг в друга.
На свете множество людей,
Но не найти другого друга
Ещё верней, ещё нежней.

Когда приходится расстаться
Не на века, а на часы,
Потом так хочется признаться,
Что всюду рядом была ты.

Мои ты мысли занимала
В горах, в кафе, под стук колёс,
И в гвалте серого вокзала,
И в шелесте родных берёз.

Ты не жди меня к обеду
И не думай, что я болен.
Я сегодня не приеду,
Я собою недоволен.

Потому не сел я в поезд
И автобусом не еду.
Меня снова мучит совесть
За бесовскую победу.

Подскажи мне, что не сделал?
Даже другом я не понят.
Запорашивает снегом
Нашу жизнь и ветром гонит...

Вчера весна дралась с зимою
И почему-то отступила.
И вот ветра пошли волною
И запуржило, завьюжило.

И целый день с небес холодных,
То хлопьями, то в одиночку,
Неслась орда снегов голодных,
Съедая первый лист и почку.

Сегодня снег не прекратился.
В снегу глубоком вязнут ноги.
По просекам летал и вился,
Облагораживал дороги.

Всё сразу изменилось в мире,
А сам он будто бы растаял.
Машины вязли и скользили,
А птицы ожидали мая.

Держать в руках отсвет небес,
Лишь на мгновенье заслоняя.
И припадая, выливая,
В круженье ветра видеть лес.

И устремляться вдаль сквозь поросль,
Сквозь сонмы веток, через крик.
И запах трав и ёлок порознь
Не ощущать хотя бы миг.

Лететь. Мечтая, обнимая
Всю Землю сразу и опять,
Слезам души освежая,
Как звёзды на траву ронять.

На субботнике

Куст вот-вот листьями брызнул бы,
А его сожгли живьём.
Милый, как ты много выстрадал
Под безжалостным огнём!

Навалили мусор-сети,
Кто-то спичку преподнёс...
И субботник не заметил
Твоей боли, твоих слёз.

В эгоизме своём искреннем
Закрутили тебя в пламя.
Ты, прощаясь, сыпал искрами
За жестокость всех прощая.

Милый мой, и нас нечаянно
Подожгут, не замечая.
И сторим мы все, беспамятно
О другой судьбе мечтая.

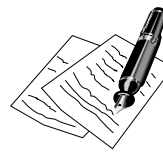
Умоляю время, сжался,
Что тебе мои разлуки.
Милосердием впитайся
В эти мысли, в эти муки.

Напой меня собою
Так, чтоб больше не хотел.
Или лейся стороною –
Не свершилось, не успел.

Я тебя не обвиняю.
Мало ль глупости на свете.
Хочешь, в карты проиграю
Всё, что сам себе наметил?

Что подачки мне швыряешь?
Подавись ты ими всеми!
И опять благоухаешь –
Я лежу на свежем сене.

Нет, тобою я доволен.
Просто мне сегодня трудно,
Просто я не так устроен
В этом мире многолюдном.

ПАМЯТЬ

Евгения ПОЛЯКОВА

Наши деды – славные победы

Так сложилась жизнь, что моим воспитанием занимались, в основном, бабушка и дедушка, родители моей матери. Оба они уделяли мне очень много внимания и заботы. По существу, я была их младшим, четвёртым ребёнком.

Дед, Евгений Петрович Желтовский, несмотря на своё героическое прошлое, никогда не устраивал «вечеров воспоминаний». Он жил настоящим. В середине 60-х он руководил Главморпромом Министерства морского флота СССР, куда входили все судостроительные и судоремонтные предприятия огромной страны. А для меня, маленькой девчонки, он был любящим заботливым дедушкой. Конечно, я осознавала, что дед выполняет очень важную, ответственную работу, но о его военном прошлом как-то не задумывалась. В 1969 г. на экраны вышел кинофильм «Белое солнце пустыни». Я ходила по дому и распевала замечательную песню из этого фильма на стихи Булата Окуджавы: «Девять граммов в сердце, стой, не зови...». «А ты знаешь, что такое девять граммов?» – спросил у меня дед. «Нет», – честно ответила я. «Столько весит пуля», – коротко объяснил он. Вот тогда впервые мне и пришла мысль, что дед знает о жизни что-то такое, о чём я даже не догадывалась.

Постепенно, с возрастом, передо мной стала разворачиваться картина его невероятной судьбы. Евгений Петрович Желтовский родился в 1906 г. в г. Томске в семье железнодорожного инженера. В неполных тринадцать лет, после внезапной смерти отца, Евгений сбежал из дома и присоединился к частям Красной Армии. А через несколько лет навсегда связал свою жизнь с морем, с Арктикой. Участвовал в Ленских походах 1927, 1928-29, 1931-33 гг. В 1934 г. принимал участие в качестве третьего механика на ледорезе «Ф. Литке» при совершении первого в истории сквозного прохода Северным морским путём из Владивостока до Ленинграда за одну навигацию. За героическую отвагу, храбрость и высокую организованность

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Горького. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

Евгений Петрович Желтовский

Е.П. Желтовский вместе с другими участниками этого исторического перехода был награждён Орденом Трудового Красного знамени №514 (с момента учреждения ордена). В мае 1977 г. по просьбе газеты «Дальневосточный моряк» дед опубликовал свои воспоминания под названием «Арктика и советский характер». Но они включали лишь небольшую долю героических свершений и тяжелейших испытаний, выпавших на долю этого человека.

С 1936 по 1939 г. Евгений Петрович учился в Академии водного транспорта в Ленинграде. После окончания Академии был назначен инженером, а затем начальником механико-судовой службы Балтийского пароходства в Ленинграде. Во время финской войны 1939-40 гг. по заданию Наркомвода обеспечивал работу транспортного флота на Севере, базируясь в Мурманске. По решению Военного совета фронта

дед лично обеспечил выполнение воинской перевозки аварийного теплохода «Старый большевик», проявив при этом смелость и находчивость. В 1940 г. являлся уполномоченным по восстановлению бывших портов Выборг и Тронгзунд и повреждённых во время войны морских, буксирных и дноуглубительных судов.

В 1941 г. после вхождения Латвии в состав СССР Е.П. Желтовский был назначен начальником механико-судовой службы Латвийского морского пароходства в Риге. В середине июня он уехал в Ленинград в командировку по делам пароходства. Там он обратил внимание на то, что все немецкие суда, стоявшие в ремонте или под погрузкой, спешно начали покидать порт. Это навело его на тревожные мысли. Он пытался поделиться своими соображениями с руководством, но не был услышан. Тогда дед испросил разрешение прервать свою командировку и спешно возвратиться в Ригу. Там на территории судоремонтного завода проживала его семья, жена и трое маленьких детей. Рано утром 22 июня завод уже бомбили. Евгений Петрович появился на пороге дома, когда по радио заканчивали передавать выступление В.М. Молотова. «У тебя есть час на сборы», – сказал он своей жене. Бабушка потом рассказывала, что никогда голова не работала у неё так чётко, как в этот час. Как она умудрилась собрать в дорогу троих детей (младшим дочерям-близнецам едва исполнилось два года), остаётся загадкой. На вокзале была паника, в вагон поезда сесть было невозможно, но дед сумел запихнуть всех четверых через окно. Дед был в форме, на груди блеснул орден Трудового Красного знамени. Бабушка знаками показывала ему через окно: «Сними, сними!». Он только

отрицательно покачал головой. Дождавшись отхода поезда, помчался в порт и на завод помогать скорейшему выходу в море всех пароходов, так как и порт, и завод подвергались массированным бомбардировкам. Сложнее было на заводе, где суда стояли в ремонте. С помощью Евгения Петровича было срочно собраны члены экипажей всех пароходов, организована бункеровка судов, приём воды в машинное отделение прямо из Двины. Часть судов, где машины были в порядке, вышли в море. Суда ушли на Таллинн. Но не все дошли, некоторые подорвались на минах, которыми были уже нашпигованы Рижский и Финский заливы. А сверху постоянно бомбили самолёты. Пароход деда дошёл благополучно до Таллинна скорее всего потому, что шёл последним в цепочке судов, вышедших из Риги. А потом Евгений Петрович ещё участвовал в перегоне судов из Таллинна в Кронштадт – Ленинград под непрерывной бомбёжкой немецких самолётов (печально знаменитый «Таллиннский переход»). «Судьба Евгения хранила...»

В Ленинграде Евгения Петровича определили на Канонерский завод. Но скоро выяснилось, что нужно не ремонтировать суда, а заниматься изготовлением боеприпасов. Деда назначили начальником механического и литейного цехов. Из имеющегося сырья наладили отливку корпусов миномётных мин, а затем снаряжали их взрывчаткой и готовили к стрельбе. Закончились чугунные чушки – стали собирать металлолом, вплоть до осколков от снарядов и бомб. Но тут возникли непредвиденные трудности. Военпред, закреплённый за Канонерским заводом, «встал на дыбы». По ГОСТу чугун для мин должен быть модифицирован магнием, а его не было. А мины получались отличные. Дед сделал химический анализ осколков от немецких снарядов и определил, что чугун самый обыкновенный, без признаков модификации магнием. Он к военпреду, а тот: «Не положено». Несколько мин дед отнёс в окопы миномётчикам, благо до окопов было рукой подать. Те испытали и дали самую высокую оценку. Написали записку: «Давай ещё, родной, стрелять нечем». С такими «документами» и готовой миной под мышкой Евгений Петрович пошёл в Смольный. Что такое голодному и холодному человеку идти через весь Ленинград, сейчас трудно представить. А он пошёл. В Смольном ему повезло: он встретил вице-адмирала В.Ф. Трибуца, своего старого знакомого. Тот взял бумагу и мину и сказал: «Сиди и жди». Вскоре Трибуц вернулся и передал деду распоряжение, чтобы он возвращался на завод и делал мины. «А как же военпред?» – «Он уже в окопах». Так решилась судьба изготовления мин и других боеприпасов по всему Ленинграду.

В конце зимы 1941-42 гг., когда был подписан договор с США и Великобританией о поставке боеприпасов и другой военной техники, Евгения Петровича вместе с другими моряками вывели пешком по «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда. Его как дальневосточника определили во Владивосток на Судоремонтный завод №2 главным инженером, а вскоре назначили директором этого завода.

По прибытии во Владивосток дед слёг с тяжелейшим двусторонним крупозным воспалением лёгких. Представьте себе скелет, обтянутый кожей, после блокадного Ленинграда, и страшно тяжёлую болезнь. Но помогли моряки, старые товарищи. Помогли звонки из Москвы, согласно которым деду были выданы самые лучшие по тем временам дефицитные лекарства. Помогла семья, которая к этому времени уже добралась до Владивостока, на родину моей бабушки. И дед встал. С палочкой в шинельке пришёл из больницы в гостиницу «Челюскин», где жила тогда его жена с детьми. К вечеру весь номер

гостиницы был полон друзей-моряков. Обсуждались проблемы ремонта судов. На следующий день Евгений Петрович уже работал. Основной задачей завода был ремонт судов, возвращавшихся из Америки с нужными для фронта грузами, а также бесперебойный выпуск боеприпасов. Дед поставил себе койку в кабинете и практически не бывал дома. Ценой невероятных усилий люди приближали Победу. И этот день настал. Радости не было предела. На заводе состоялся митинг. Евгений Петрович выступил перед рабочими.

А вскоре его вызвали в Москву. Там он получил новое серьёзное задание: быть членом трофейной комиссии от морского флота по определению всего нужного для флота имущества, оставшегося после японцев на территории Китая. Во Владивосток Евгений Петрович вернулся в армейской форме с погонами полковника. Во время командировки в Москву он сумел вырваться в Ленинград к своим блокадным товарищам. В Ленинграде ему вручили медаль «За оборону Ленинграда», а также медаль «За победу над Германией» как участнику перехода от Таллинна до Ленинграда в 1941 г. Кроме того, в Москве его наградили орденом «Знак Почёта».

Но впереди 39-летнего полковника Желтовского ждало ещё много испытаний.

В конце августа 1945 г., практически вместе с войсками, Е.П. Желтовский попал в город Дайрен (Далянь) на северо-востоке Китая. Он был основан русскими в конце XIX века на арендованной у Китая территории, и до поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. русские называли его «город Дальний». Конечно, после победы в войне с Японией городу вернули прежнее название. В Дальнем был хороший порт, ограждённый молом (защитным ограждением от морских волн), судостроительно-судоремонтный завод с двумя большими сухими доками. Когда дед всё это увидел, он сообразил, что «грабить» это богатство не имеет смысла, хотя бы потому, что сухие доки не вывезешь. А нашему флоту требовалось «докование», ведь всю войну ни один пароход в док не ставили. И Евгений Петрович вышел с предложением создать на базе завода «Дайрен-Док» ремонтную базу для нашего флота. Его и назначили директором этого завода.

Пройдя по цехам, дед увидел, что китайские рабочие начисто разграбили всё, что можно вынести. Он поставил автоматчиков, благо звание полковника и правительственные полномочия позволяли ему обратиться к командованию с этой просьбой. Затем через переводчиков дед собрал небольшую группу китайцев, с интересом наблюдавших за его действиями. Он сказал им, что завод будет работать вновь, и предложил на завтра собраться всем, кто раньше работал на заводе. На следующий день у ворот завода собралась большая толпа. Пришли практически все рабочие. Евгений Петрович сказал, что завод принадлежит Китаю. Что Советская Армия пришла освободить китайский народ от японцев. Что настанет время, и хозяевами завода будут китайцы. Затем предложил вернуть всё вынесенное с завода обратно, без каких-либо условий и наказаний за грабёж. Уже к вечеру потянулись вереницы «грабителей». Завод был практически полностью восстановлен. Война с Японией закончилась 2 сентября 1945 г., а 5 сентября завод «Дайрен-Док» начал работать.

Естественно, дед не знал ни китайского, ни японского языков. Вначале объяснялись знаками, жестами, но вскоре все хорошо понимали друг друга. Рабочих всегда удивляло, как «большой начальник» мог сам показать, как нужно сделать ту или иную сложную операцию. Как, сняв пиджак и забравшись в самое труднодоступное место, дед показывал, что нужно сделать.

Потом проверял результат и, если было выполнено недостаточно хорошо, ещё раз показывал, как надо сделать. Это на рабочих действовало неотразимо. Директор, а как простой рабочий может выполнить самую трудную работу.

Был в те годы и другой очень ответственный момент в жизни Евгения Петровича. Во время очередной командировки в Москву он был вызван в «Большой дом». Обсуждалась подготовка высадки нашего десанта на восточное побережье Китая для перекрытия отступления Чан Кайши на Тайвань.

Вызвали одного заместителя министра морского флота – тот отвечает, что на подготовку морского десанта потребуется минимум полгода. Вызвали другого замминистра – тот назвал ещё больший срок. Тогда кто-то посоветовал пригласить полковника Желтовского, благо человек с Дальнего Востока и находится в Москве. Вызвали деда, поставили задачу. Он ответил, что потребуется две недели. Как две недели? Дело в том, что на территории завода стояло несколько полузатопленных ещё японцами пароходов. Они были старыми, но пригодными для одного-двух рейсов. Вот Евгений Петрович и предложил откачать воду, сделать быстро ревизию корпуса и механизмов. Для погрузки танков вырезать с одного борта против трюмов большие ворота и закатить танки своим ходом. Затем закрыть и заварить эти ворота вырезанными кусками бортов. По приходу к месту высадки десанта ворота вырезаются вновь, и танки выкатываются прямо в воду по сходням, сделанным из тех же ворот. Что для этого нужно? Один вагон электродов, один вагон велосипедов, один вагон риса и один вагон с полным комплектом духовых инструментов. Зачем? Электроды для разрезки и последующего заваривания борта, а также для повторения всей операции на месте высадки десанта. Велосипеды – для премирования рабочих (тогда велосипед был голубой мечтой любого китайца). Рис понятно зачем, подкормить рабочих. А комплект духовых инструментов для организации карнавалов. Так было принято в Китае, что каждое предприятие выводило своих рабочих на карнавальное шествие по случаю праздников. Впереди колонны всегда шёл духовой оркестр. В Дальнем было негласное соревнование между заводом «Дайрен-Док» и вагоноремонтным заводом, тоже крупным предприятием города. И когда колонна «Дайрен-Док» вышла бы на демонстрацию под звуки такого большого оркестра, вагоноремонтники были бы повержены. Рабочие гордились бы своей победой над соперником, а это главное.

Поразительно, как Евгений Петрович нашёл решение очень ответственной задачи за считанные секунды. Подобной практики не было в годы прошедшей войны. Предложение Е.П. Желтовского приняли. Было приказано готовить пароходы к предстоящему рейсу. А вагоны с заказанным грузом прибыли в Дальний на завод, когда дед ещё был в Москве. Рабочие вскрыли вагоны и ахнули: никогда в жизни они не ожидали таких подарков. Политическая ситуация сложилась иначе, высадка десанта была отменена. Все подарки были розданы, а электроды пошли на ремонт пароходов.

За годы работы Е.П. Желтовского на заводе «Дайрен-Док» был произведён восстановительный, капитальный и текущий ремонт 518 судов Тихоокеанского бассейна. Построили несколько сот буксиров и барж, создали производство якорных цепей для морских и океанских судов. По поручению правительства СССР Е.П. Желтовский работал вторым членом правительственной комиссии Союза по передаче КНР имущества, находившегося в ведении организаций Советского Союза, а в 1951 году по заданию Совета Министров СССР участвовал в организации и создании Советско-китайского общества

«Совкитсудострой». В 1951 году состоялась передача завода китайским специалистам. А Евгения Петровича перевели в Москву в Министерство морского флота СССР в качестве начальника Главморпрома.

Когда я училась в шестом классе, как-то рассказала на классном часе о своём замечательном дедушке. Учительница тут же предложила пригласить деда выступить перед школьниками. Узнав, что его после моей «рекламы» приглашают в школу, дед воскликнул: «Вот трепло!». Но в школу всё-таки пошёл. Моим одноклассникам он поведал о своем участии во Второй Антарктической экспедиции на дизель-электроходе «Лена» в 1956 году. В ходе этой экспедиции во время выгрузки грузов для антарктической станции «Мирный» произошла авария. Кусок берегового льда обвалился в море, несколько человек, включая деда, упали с 15-метровой высоты в ледяную воду. Евгений Петрович получил множественные травмы, но выжил и вскоре вернулся к активной работе. Ребята сидели как замороженные: перед ними сидел живой герой, побывавший в таких передрягах, какие им и не снились. Причём дед пришёл без орденов, даже без орденских колодок, но когда он рассказывал о своих полярных приключениях, сила и обаяние его личности действовали магически. Он и сам преображался, когда говорил о своём любимом деле. После этой встречи моё положение в классе сильно упрочилось.

В 2004 г. кто-то из моих бывших одноклассников предложил провести встречу выпускников. Мы не виделись 27 лет. За столом собрались солидные люди, многие из которых достигли в жизни весьма серьёзных высот. Когда в ходе беседы я упомянула моего деда, глаза этих взрослых дяденек и тётечек вдруг засветились теплотой. Видимо, память о той встрече с уникальным, значительным человеком они сохранили спустя десятилетия.

В середине 70-х дед тяжело заболел. Он мужественно боролся с болезнью, торопился передать свой колоссальный опыт по строительству и эксплуатации морских судов в крайних широтах. Последнее, что он успел сделать, это подготовить к изданию Международные правила плавания по Северному морскому пути. До этого существовали только «Наставления» для плавания отечественных судов. Написанный дедом раздел требований к состоянию судов, идущих в Арктику, вошёл составной частью в эти «Правила».

Деда не стало в 1977 г., на 71-м году жизни. Сказались участие в четырёх войнах (Гражданской, Финской, Великой Отечественной и Японской), невероятные перегрузки в мирное время. Но на этом трудовая деятельность Е.П. Желтовского не закончилась. В 1980 г. в Выборге был спущен на воду контейнеровоз «Механик Желтовский». Корпус судна был ледового класса, что позволяло использовать его в ледовой обстановке без сопровождения ледокола. Более двух десятилетий «Механик Желтовский» работал в своих привычных условиях крайнего Севера, Северного морского пути. Ну, не мог дед так легко сдаться и уйти! Его опыт, изобретения, остроумные инженерные решения, наконец, обаяние его личности продолжали работать на пользу Родине. В 2005 г., к столетию Е.П. Желтовского, вышла книга «Пар на марке. Страницы жизни судового механика – почётного полярника Е.П. Желтовского», написанная его сыном В.Е. Желтовским. Из этой книги «юноши, обдумывающие жите», могут многое для себя почерпнуть.

В середине 80-х годов мне довелось побывать в одной из московских школ на торжественной линейке по случаю начала учебного года. Всё было как всегда: трогательные первоклашки с букетами в половину их роста, солидные старшеклассники, едва скрывающие волнение, стайка родителей,

пришедших поддержать своих отпрысков. И вдруг что-то зацепило моё внимание. Среди взрослых я увидела несколько седовласых мужчин. Дедушки! А ведь в моё время дедушек на таких линейках не было. И не потому, что это было не принято. Просто дедушек не было физически: репрессии и войны осиротили миллионы семей. Из тех, кто выжил, очень немногие дожили до школьных лет своих внуков. Половина моего класса знали о своих дедушках по фотографиям и по рассказам родственников. А ведь именно дедушки и бабушки лучше всего дают человеку почувствовать принадлежность к своему роду, народу, Родине.

3 сентября наша страна отмечает День окончания Второй мировой войны. Дорого, ох, как дорого далась нам победа в этой войне! Только в моей семье в ней участвовали шесть человек, двое из них погибли. На примере старшего поколения мы твёрдо усвоили: в войне (да и в любом противостоянии) побеждает тот, кто сильнее духом, кто крепче любит свою Родину, кто не жалеет себя для её свободы. А ещё очень важно понимать, что цель любой победы – не только разгромить врага, но и добиться счастливой спокойной жизни для своего народа. Ради этого воевали и работали наши отцы, деды и прадеды. Вечная им память, низкий поклон!

ПОЭЗИЯ

Нина ГОЛОВАНОВА

НИНА ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«Пожалею лето, что проходит быстро...»

Сага о ласточках

Поселились ласточки в бане под коньком,
Из травы и глины вылепили дом.
Вот в гнезде уж дети, пятеро голов.
Мать суёт им в клювы утренний улов,
Утренний улов.

Первый, кто всех шире открывает рот,
Получает с ходу жёсткий бутерброд
С мошкой или мухой, а продолжить счёт
Ласточке придётся в новый свой прилёт.
В новый свой прилёт.

Кто в семействе папа, а кто точно мать,
Человеку в ласточках сразу не узнать.
Сравнивая семьи птиц, зверей, людей,
Думается, дети – ноша матерей,
Ноша матерей.

У птенцов две позы: голова торчит,
Значит, мама в гнёздышко их кормить летит.
Хвостики наружу говорят, что спят,
Или птички сделать что-нибудь хотят,
Что-нибудь хотят.

Говорят, к удаче, счастьем их дела,
Если прилетают сверху к нам с утра.
Но не в радость многим этот милый знак,
Может он испортить платье и пиджак,
Платье и пиджак.

В общем, наши с ласточками жизни в параллель,
Тех же каждодневных действий канитель.
Правда, есть отличие – временной резон,
Птенчики взрослеют за один сезон,
За один сезон.

Только что услышали их голодный писк,
Как один уж вылетел, несмотря на риск,
На усе антенном держится едва.
Сразу подоспела помощь и еда,
Помощь и еда.

Следом вся команда ринулась летать,
На соседнем проводе громко щебетать.
Днём в гнезде их пусто, к ночи устают,
И летят на ужин в свой родной приют,
В свой родной приют.

Скоро, скоро осень, улетят когда
Наши дорогие птички из гнезда,
Принесут кому-то счастье и покой
И вернуться снова солнечной весной,
Солнечной весной.

Мы гнездо оставим в собственности птиц.
У Природы, в принципе, вовсе нет границ.
Но в места родные тянет птиц и нас,
Испытать возможно счастье ещё раз,
Счастье ещё раз.

Весна

Весна! Отдёрну ворот куртки,
Подставлю солнышку лицо,
И снежный ствол берёзы хрупкий
Руками заключу в кольцо.

Прижмусь к коре, до боли в мышцах,
Бедром, и грудью, и щекой,
Почудится, что еле слышно
Движенья сока звук глухой.

Дай мне, берёзка, бодрость тела,
 Флюидами наполни кровь,
 Чтоб мыслями летать хотелось,
 Бутылку сока приготовь!

Проходит всё

Проходит всё,
 Хорошее – лишь мимо,
 А дрянь цепляется,
 Как жвачка к подолу.
 Каким-то образом, ничем не объяснимым,
 Заслуги превращаются в золу.

И честь, и честность –
 Тормоза прогресса,
 И нравственность вдобавок к ним
 Не вызывают в людях интереса.
 Желанны только деньги и интим.

Вульгарность –
 Новый признак этикета,
 Скорее старый, поднятый на щит,
 Не важно, что зимой, что жарким летом
 Трусами с лифчиками интернет забит.

Поэт на даче

Поэт на даче всё равно поэт.
 Среди забот о грядках и цветочках
 Дохнёт в него пожаром древних лет,
 В сознание вспыхнут образы и строчки.

Заезженной пластинкой зачастит
 Кукушка в чаще леса через поле,
 Напуганная топотом копыт,
 Нам предвещающая и войну, и горе.

Таджик приезжий скосит узкий глаз,
 Как тот татарин, что искал добычу
 В Батыевой орде, идя за разом раз
 На города: Рязань, Москву – до Пермской Кичи.

И потечёт река из образов и слов,
 Свяжав сказанья древних о геройствах,
 Что русский воин был свершить готов,
 Храня Руси свободное устройство.

А на небе горы бело-ледяные

А на небе горы бело-ледяные,
 А на небе замки
 Из тяжёлых туч.
 Реют флаги светлые,
 Полосы льняные
 Над высоким гребнем
 Серых, мрачных круч.
 В этих скучных замках затаилась осень
 И однажды сразу
 Ночью или днём
 Листья у деревьев с толстых веток скосит,
 И засыплет землю
 Золотым огнём.
 Пожалеет лето, что проходит быстро,
 Летние купанья, яблок аромат,
 И костра ночного
 Гаснущие искры,
 И дождя слепого
 Крупный светлый град.
 Посиди же, осень, в замке королевой,
 Дай ещё погреться в солнечных лучах,
 А потом в окошко веткой ошалелой
 Попросись на ужин тихий при свечах.

Евгений БУЗНИ

Что делать?

Нет, я не собираюсь ни в чём подражать знаменитому писателю Чернышевскому, написавшему свой замечательный роман «Что делать?», хотя бы потому, что его герои жили своей жизнью полтора века тому назад, и перед ними не стояли вопросы, которые стоят сегодня перед читателями. То есть вопрос «Что делать?» существовал и существует всегда, однако, общественные отношения менялись и меняются настолько, что ответы на вопрос резко меняются. Поэтому не будем сегодня обращаться к Чернышевскому. Повернёмся к сегодняшнему дню. А для этого прочтём вопросы, заданные доктором исторических наук Александром Самсоновым до своего ухода из жизни в 1992 году.

Свою статью «Как убивали СССР. Величайшая геополитическая катастрофа» он начал весьма многозначными словами: «То, что Горбачёв и его окружение сделали с СССР, советской внешней и внутренней политикой, национальной безопасностью и народным хозяйством, культурой и народом, иначе как государственной изменой называть нельзя».

«Перестройка»

В 1987 году, когда программа «переделки» советского государства вошла в решающую фазу, М.С. Горбачёв дал определение этой программе: «Перестройка – многозначное, чрезвычайно ёмкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка – это революция». По сути, «перестройка» была ползучей контрреволюцией. Ликвидацией советской цивилизации и государства, победой «белого» либерально-буржуазного прозападного проекта в России-СССР. Произошла «революция сверху», когда в условиях назревания системного кризиса, кризиса легитимности власти, который произошёл после ликвидации сталинского

Евгений Николаевич Бузни – родился в городе Симферополе 21 ноября 1940 г. Публицист, поэт, прозаик. Пишет статьи, публикуется в альманахах, антологиях и журналах. Занимается переводами на английский язык. В 1980 г. принят в Союз журналистов СССР, с 1998 г. член Союза писателей России, с 2009 г. член-корреспондент Академии Российской Литературы. Живёт в Москве.

проекта (отход партии от реальной власти, сохранение только идеологической, передача её народным советам всех уровней), что грозило утратой и перераспределением власти и богатства, было решено «перестроить» СССР. Фактически горбачёвская верхушка организовала «самосвержение» через полную идеологическую, информационную, политическую, социальную, национальную и экономическую дестабилизацию страны.

При этом «перестройка-контрреволюция» в России-СССР имела глобальные идеологические, информационные, культурные, политические, общественно-экономические и национальные последствия. Произошло кардинальное изменение геополитической структуры мира. Это была глобальная геополитическая катастрофа. Она породила мировые процессы, которые ещё не завершены. Мир из двухполярного сначала стал однополярным с тотальным господством американской империи. Затем система окончательно была дестабилизирована. США не потянули роли «мирового жандарма». Теперь происходит дробление мира на новые империи-державы – «игра престолов». Откат назад, но с новыми технологиями. В свою очередь ликвидация социалистического лагеря привела к полной победе на планете капитализма и общества потребления, что стало основой мирового системного кризиса и катастрофы. Новая стабилизация возможна только через несколько жёстких волн кризиса (вроде «вируса»), череду катастроф и войн. Нынешние войны в Сирии, Ливии, Йемене, создание новой турецкой империи, конфликт между Арменией и Азербайджаном, развал и вымирание Украины и Грузии и т. д. – всё это долгосрочные последствия «перестройки» СССР. В итоге победители проведут новый Крым-Потсдам и создадут новый мировой порядок.

Также «перестройка» была частью мирового противостояния – «холодной войны». По сути, третьей мировой войны. Войны концептуально-идеологической, информационной, политико-дипломатической, войны спецслужб и экономических формаций. «Горячего» противостояния в странах третьего мира. Зарубежные политические силы и организации играли активную и важную роль в развале СССР. Завершение «перестройки» привело к ликвидации Варшавского договора и СЭВ, к выводу русских войск из Восточной Европы, Афганистана, к роспуску СССР, что на Западе рассматривается как поражение России в мировой войне. Со всеми трагическими последствиями: развал Великой России-СССР, территориальные и демографические потери, контрибуция (вывод капиталов и стратегических ресурсов) и т. д.

Движущей силой «перестройки» стал союз различных социальных и этнокультурных групп: часть выродившейся советской партийной, государственно-хозяйственной номенклатуры, которая желала преодолеть назревающий кризис легитимности через раздел собственности и богатств с сохранением своего положения в новой «демократической» России, на её обломках; либеральная прозападная интеллигенция, требовавшая «свободы» и «демократии»; этнократия и региональные элиты; «теневики», криминальные слои.

В итоге все активные участники «перестройки» получили то, что хотели. Номенклатура и «теневики» получили власть и разделили собственность; этнократия – свои княжества и ханства (власть и собственность); интеллигенция – полную свободу самовыражения (что тут же привело к деградации культуры и искусства), свободу выезда за границу, «полные прилавки» (общество потребления). Народ же потерял всё, правда, осознание этого придёт значительно позже, когда синтез периферийного, полукOLONИального капитализма, кастового неофеодализма задавит основные достижения развитого

социализма (общая внешняя и внутренняя безопасность, высокий уровень образования и науки, здравоохранения, морали и культуры, технологическая и экономическая самодостаточность). Для ликвидации достижений социализма (созданных с многократным запасом) потребуется более 20 лет. Однако сначала молчаливое большинство будет ослеплено «полными прилавками» с колбасой, жвачкой и джинсами. Только немногие сразу поймут, что это видимое «процветание» будет оплачено миллионами жизней и будущим целых поколений.

Революция в сознании

Чтобы реализовать контрреволюцию, необходимо было «выключить» из процесса, нейтрализовать большую часть народа. Первую часть «перестройки» провёл ещё Хрущёв: десталинизация, отказ от коренного изменения роли партии в обществе, уравниловка, ряд «мин» во внешней, хозяйственной и национальной политике. Хрущёвщина подорвала поступательное развитие советской цивилизации. СССР по инерции ещё некоторое время шёл в будущее. Однако вскоре начался «застой» с созданием советского общества потребления, когда развитие променяли на потребительское изобилие и создали «нефтяную иглу» (потребительскую модель экономики, которая достигла своего пика в РФ).

При Горбачёве пришло время завершить процесс преобразования советской цивилизации в кучку «самостийных» бананово-нефтяных республик. Но для этого нужна была революция в сознании, чтобы ещё оставшиеся фронтовики и рабочий класс не подняли будущих «новых русских» и «дворян» на вилы. Этот период получил название «гласности». Это была большая программа по разрушению образов, символов и идей, «духовных скреп», которые соединяли советскую цивилизацию и общество. Гласность была проведена всей мощью государственных средств массовой информации с участием авторитетных учёных, артистов и общественных деятелей. То есть всё происходило с разрешения и при полной поддержке высшей власти. Независимых СМИ в СССР не было.

Успех «гласности» был обеспечен предварительной обработкой населения (десталинизация, ГУЛАГ, Солженицын и пр.) и полной блокадой консервативной, патриотической части интеллигенции. Все попытки воззвать к здравому смыслу, правде были заблокированы. Никакого общественного диалога не было. «Реакционному большинству» просто не дали слова. Большую роль сыграли дискредитация и очернение исторического прошлого СССР и России (эти же программы работают и до настоящего времени). От Сталина, Жукова и Матросова до Кутузова, Суворова, Ивана Грозного и Александра Невского. Наносились удары по историческому сознанию, русских превращали в «иванов, не помнящих родства».

В информационной войне активно использовались различные природные, техногенные катастрофы и аварии. Чернобыль, теплоход «Адмирал Нахимов», Спитак. Различные происшествия и конфликты: перелёт в Москву самолёта Руста, бойня в Тбилиси и Вильнюсе. Большую роль сыграло т. н. экологическое (зелёное) движение. Активисты-экологи с помощью СМИ порой доводили публику до истерики и психозов. Например, т. н. нитратный бум с созданием выдуманных страхов перед «отравленными» овощами. Закрывали нужные стране и народу строящиеся предприятия, на которые уже

потратили массу ресурсов и средств. Людей запугивали новыми «чернобылями». В республиках экологическим проблемам придавался национальный окрас (Игналинская АЭС в Литве и Армянская АЭС). Стоит отметить, что эти методы действуют вплоть до настоящего времени. Они приняли форму «зелёного безумия».

Ещё одним видом идеологической и информационной войны стали опросы общественного мнения. Его искусственно формировали. Создавали образ «империи зла», «тюрьмы народов», «совка», страны, которая ничего не производит, кроме танков, «России, которую мы потеряли», «белых благородных рыцарей и красных комиссаров-упырей» и т. д. и т. п. Давление на общественное сознание было очень эффективным. В частности, в 1989 году был проведён всесоюзный опрос мнения об уровне питания. Молока и молочных продуктов в среднем в Союзе потребляли 358 кг в год на человека (в США – 263). Но при опросе 44% ответили, что потребляют недостаточно. Так, в Армянской ССР 62% населения были недовольны своим уровнем потребления молока (в 1989 году – 480 кг). К примеру, в «развитой» Испании – 140 кг. В итоге общественное мнение было создано «говорящими головами» и СМИ.

В основе идеологии «перестройки» был европоцентризм – теория существования единой мировой цивилизации на основе европейской (западной). Только этот путь был «правильным». Россия, по мнению западников и либералов, отклонилась от этого пути. Особенно при Сталине и в период брежневского «застоя». Поэтому Россию необходимо «вернуть в цивилизацию», в «мировое сообщество». Русские должны жить, ориентируясь на «общечеловеческие ценности», хотя они входили в противоречие со здравым смыслом, историческим и культурным развитием. Ценности, как продукт культуры и истории, общечеловеческими быть не могут (общими для людей являются только инстинкты). Главным препятствием на пути к этому было советское государство, выход виделся в «разгосударствлении».

Таким образом, в период гласности «перестройщики» очернили практически всё. Все институты государства. Историю и культуру. Армию и систему хозяйствования. Школу и систему здравоохранения. Все скрепы и основы.

Остаётся задать сакраментальный вопрос: «Что делать, чтобы всё описанное опрокинуть?» Вот об этом и поговорим.

Ещё три года назад российский экономист, социолог и политический деятель Владислав Иноземцев опубликовал в американском журнале «The American Interest» статью, в которой предложил Америке купить Россию. А почти через год с этой идеей выступил Трамп. В одном из ночных телефонных разговоров с Путиным он сообщил, что готов выложить за Россию сто пятьдесят триллионов долларов и добавил, что «это не окончательная цена, и торг уместен».

Правда, Иноземцев писал, что речь, разумеется, идёт о покупке не территории, природных богатств или людей, а об активах, которые российский правящий класс считает своей собственностью.

У Трампа было несколько другое представление, и он заявил об одном основном условии, при котором Россия покупается без Путина и его окружения. Им выделяют земельные участки в Техасе, помогут со строительством коттеджей и дадут небольшие подъёмные.

А что же имело в виду американское издание, предлагая продажу России?

«Если Россия ведёт себя не столько как рационально организованное современное государство, сколько как “корпоративная” страна, которой

владеют местные олигархи, тогда её поведение стоит рассматривать не как государственное, а как межкорпорационное, – отмечает журнал. – А в корпоративном мире лучший из возможных шагов, которые стоит предпринять в отношении маленькой, но агрессивной компании, – это попытка её купить и включить её в состав более крупного делового конгломерата».

Вот главное, на чём, мне кажется, следует сконцентрировать внимание читателя. Всем давно понятно, что ослабевающей Россией владеют местные олигархи, что и приводит её к падению. А покупка Соединёнными Штатами даже только «активов, которые правящий класс считает своей собственностью», может привести лишь к усилению олигархата и полному падению советской действительности.

Ведь чем был Советский Союз и к чему он стремился?

Я вспоминаю свою молодость – шестидесятые годы. После действительной службы в армии меня взяли на работу в должности инструктора по промышленным предприятиям в городской комитет комсомола. Зарплату платили 80 рублей. У секретаря горкома была 100 рублей. Когда я приезжал к комсомольцам в подотчётную мне строительную организацию, то узнавал, что мои комсомольцы-строители зарабатывают до 120 рублей в месяц. И меня этот факт нисколько не обижал. Я ходил вместе с ними в их заводскую столовую и, как они, бесплатно ел вкусный обед.

В то же время зарплата работников городского комитета партии составляла 100-120 рублей, но ни о каких взятках, ни о какой коррупции речи никогда не шло.

Где сегодня вы увидите такую незначительную разницу в заработной плате руководителей менеджеров и служащих?

Помню работу на архипелаге Шпицберген в более позднее время в восьмидесятые годы. Я занимал высокую должность уполномоченного треста «Арктикуголь» в Норвегии в советском посёлке. Шахтёры, добывавшие там уголь, получали зарплату вдвое выше моей. И меня это не удивляло – они трудились физически. Это имело большое значение.

В Советском Союзе не было большой разницы в заработных платах, не было людей, которых можно было приравнять к ныне существующим олигархам. Это было бесклассовое общество, точнее классом был весь рабочий народ, которым руководили служащие, тоже считавшие себя рабочим классом. И направление было одно – сделать так, чтобы в будущем всё стало бесплатным. Это значит, что товаров производилось бы столько, что на всех всего хватало бы, и не нужна была бы денежная система вообще.

Ну а что же? Ведь было же лечение бесплатным. Есть необходимость – иди в поликлинику, ложись в больницу и выздоравливай с помощью врачей бесплатно. Хочешь поехать в санаторий? Бери профсоюзную путёвку и поезжай бесплатно. Любишь музыку или театр? Иди в дом культуры и занимайся подходящим тебе делом бесплатно. Дети твои увлекаются чем-то? Пожалуйста. Пусть идут во дворец пионеров в кружки: авиамодельный, судостроительный, драматический, вокальный и любой другой, какой нравится. Всё бесплатно.

В этом и был социализм – всё для социума, для общества, всё общественное бесплатно. Так что же делать, чтобы всё социалистическое вернулось обратно, чтобы люди все жили свободно и спокойно, как в прежние времена?

Ответ простой. Нужно собраться всеми народными силами и устранить олигархат, ликвидировать капиталистическую систему накопления денег в

собственные кубышки, позволить народу дышать свободно. Да, сейчас это трудно, однако, если захотеть, то возможно.

Первым пунктом поправок к Конституции следовало записать – Долой эту несчастную Конституцию! Конституцию, по которой власть стала принадлежать не народу, а олигархам. По которой собственность, средства производства, ресурсы, земельные угодья стали частными и находятся в руках наиболее богатых лиц, направляющих свои богатства за границу. О каком праве народа здесь может идти речь? Отмена частной собственности на природные богатства, крупные промышленные предприятия, на средства массового производства. Отдать всё народу!

Следующим пунктом следовало записать – Долой олигархический парламент! Да здравствуют демократические выборы в Советы народных депутатов! Чтобы выборы проводились народом в городах и посёлках. Все на выборы!

И следующим, а, может быть, даже первым пунктом следует записать – Слава Советской Конституции 1977 года, в которой записано: «Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление. Главные задачи социалистического общенародного государства: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества».

Только при такой конституции можно говорить о дальнейшем успешном развитии нашего государства.

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

ТАМАРА ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – член Союза писателей России, член Российского союза писателей, кандидат исторических наук, доцент. Автор четырёх сборников стихов и двух музыкальнопоэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014-2016), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина.

Живёт в Москве.

«Как хорошо, когда в руке рука...»

Прощание с летом

Уходит лето, паутинками
Касаясь нежно моего лица,
И осень с тонкими морщинками
Уже стоит у нашего крыльца.

Прозрачный воздух чист и звонок,
И пахнет чуточку грибами.
Курлычет в небе журавлёнок,
Прощаясь с Родиной и с нами.

Пройдёт зима, и взрослой птицей
Вернётся он к родному дому,
И всё сначала повторится,
Хотя немного по-другому.

Замечает листопад душу

Осень...
Замечает листопад душу.
Просит:
«Я спою тебе, а ты – слушай:
Помнишь,
Было радостно весной, любо.
Знаешь,
У кого-то так опять будет.
Грустно?
Из души гони слякоть.

Нужно
Жить, а не реветь-плакать!»
Солнце,
Листьев золотых краски...
В детстве
Все добром кончались сказки.

«Жёлтых листьев охапки»

Жёлтых листьев охапки,
Как листки телеграммы,
Осень нежно бросает
В ветровое стекло.

И в дороге далёкой
Вспоминаю я маму
И её пожеланье,
Чтобы мне повезло.

Мамочке

Дни октябрьские тают,
В лужах стынет вода,
Листья с крон облетают,
Словно с жизни года.

Стал для мамы привычным
Поздней осени климат,
Страх ухода – обычным:
Беззащитна, ранима...

Ты прости меня, мама:
Иногда я сержусь,
За каприз принимая
Твои слёзы и грусть.

Пусть – морщинки и проседь,
Отгону твою боль –
Не одну ещё осень
Мы проводим с тобой.

Две пары

Народ московский по делам спешит.
Бежит, не видя ничего вокруг,
А по бульвару, как в лесной глуши,
Две пары движутся, не размыкая рук.

Как хорошо, когда в руке рука,
Дыханье у обоих – в унисон.
От нежности щемит в груди слегка,
И жизнь похожа на чудесный сон.

Как это здорово, когда обоим вам
Друг друга хочется лелеять и любить,
Делить и радости, и горе пополам,
Не ведать ссор, обиды все забыть.

Идут навстречу пары по бульвару.
Одна – юна, наивна, хороша,
Другая может показаться старой:
Шагает бережно и не спеша.

Вот встретились, и показалось многим,
Нет разницы меж ними никакой,
Хотя одна – в начале лишь дороги,
Другая же бредёт «седой» тропой.

«Райский сад»

Помнишь юность и сад, мы его «райским» звали.
Там под тяжестью яблок ветви гнулись к земле.
Как-то вечером вместе плоды собирали,
Губы встретились вполухом ярким во мгле.

В этом «райском» саду так давно не бывали!
Закружила нас жизнь в ежедневных делах.
А недавно случайно в места те попали,
И тропинка сама к саду нас привела.

Он заброшен давно, показалось, что ветки
От несобранных яблок тихо стонут в бреду.
Мы набрали корзину, плоды, как из клетки,
Через прутья с укором предрекали беду.

Озаренье пришло, жили так, как не надо:
Затеряли на кухне от счастья ключи.
И варенье из яблок от «райского» сада
Ничего не исправит – разлукой горчит.

Напрасно

Осень, листьями-днями шурша,
За порог провожает лето.
По ночам улетает душа,
Чтоб вернуться назад до рассвета.

Улетает в другую страну
Посмотреть, как с любовью во сне
Обнимает мужчина жену,
Тот, что песни когда-то пел мне.

«Возвращайся!» – кричу ей вслед,
Зря стремишься ты в те края.
Опоздаешь – померкнет свет,
И наступит рассвет без меня.

Осколки счастья

Мозг цепляется мыслью за прошлое,
Но напрасно он ищет забытое –
То, что прожито, не вернёшь уже,
Не воскреснет любовь убитая.

Но, не веря в простые истины,
Сердце жаждет любви и страсти,
Под опавшими осенью листьями
Тщетно ищет осколки счастья.

ПОЭЗИЯ

Анна МАЯКОВА

Анна Маякова – поэт, прозаик, переводчик, член МГО СП России и Союза писателей-переводчиков. Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах и альманахах «Великороссы», «Притяжение», «Литературная Республика», «Канатоходцы», «Муза». Дипломант литературного конкурса «Лучшая книга» 2013/2014 и 2015/2017 гг. Финалист Международной ассамблеи писателей (Варна). Награждена Серебряным Крестом и медалью Звёздная строфа. Живёт в Москве.

«Для счастья час мне нужен...»

Диалог старика и юноши

Старик:

Жизнь, как цветок –
Растёт, цветёт, семя даёт.
Краток её век.

Миг, как волны всплеск.
Неумолимое время
Уходит безвозвратно.

Кто же приветит тебя
Песней сердечной
Да славными гимнами,
Что ждёшь испокон?

Ты ждёшь испокон
Доброго слова и глаз,
Глядящих в тебя.

Истина стара –
Драгоценна минута,
Что час бережёт.

Скажи, на что тебе час?
И без лукавства.
Когда нахлынут тучи,
Ты сердцем жив будь.

Ты сердцем жив будь,
Как юноша любовью.
Но помни о сосне...

Юноша:

Я слышу эхо
Времени, что не настало.
Я вижу свет звезды,
Давно погасшей.

Для счастья час мне нужен –
Чтоб миром насладиться.
И нужен миг для жажды,
Что внутри меня.

Что внутри меня? –
Возвышаясь над всеми и всем,
Сосна стоит гордо.

Час наслажденья –
Девой невинной обладать
Ночью безлунной.

Разбудит лесную ширь
Трель соловья утром.
Сосна мне привидится –
Стоит гордо.

Без названия

*И летящая ночь
Эту бедную жизнь обручит
С красотой твоей
И с посмертной моей правотой.*

И. Бродский

Многоцветная жизнь
Оборвётся так вдруг,
Не оставив надежды ни капли.

Обо мне будут долго кричать
Длинноногие цапли.

В мире новом, ином
Окажусь я в ненастье,
Что пролило дождём
И уход мой, и страсти.

И бессмертный мой дух
Воспарит, словно птица,
В Млечный путь средь тумана,
Где ей должно явиться.

Так прощай же, Земля,
И родные поля, что друзья засевали.
И взошедшая озимь
Да предскажет им весну,
Грядущую весну...

Образы музыки

С. Рахманинов. Концерт №2, часть 1

Пронесётся смерчи судьбы
Надо мною. Что хотят они?
Душу мою, тело ли, любовь мою?
Словно поток бурлящий, музыка летит.

Вдруг всё затихает...
И вновь, и вновь
Колоколов перезвоны
Душу бережат, сердце тревожат.

Незнанная сила,
Прозрачность и лёгкость
Манят неотступно меня
В свой призрачный,
Ничейный мир.

Чу... Словно ветер, обессилев,
Запутался в ветках дерев.
И вновь, и вновь
Утверждают себя
И бурлят потоки жизни!

Jamais

Л. Десятников. «Отзвуки театра»

Jamais... Никогда
Не взгляну в твои
Синие очи. Не сожму
Руку твою.

Jamais... Никогда
Соловей не поёт среди ночи.
Только утром для нас,
Для двоих, нас двоих.

Никогда в чёлн любви
Не опустимся вместе,
Чтобы плыть по волнам
Голубым.

Чтобы звать, затихая,
Двух совсем не чужих
На последнюю встречу –
Нас двоих, нас двоих.

Кукиш дьявола

Фобетор, астероид класса М, формой своей напоминающий гигантский, 253,16 км. в диаметре, кукиш, мчался сквозь пространство и время по свободной, никому не ведомой траектории. Точнее сказать, она была известна лишь одному существу в Обитаемой Вселенной – его владельцу, Дохлому Роджеру. Именно он определял направление движения астероида. Впрочем, пролагая маршрут, Дохлый Роджер руководствовался единственным критерием – строго держаться Нейтрального Космоса и – самое главное! – ни в коем случае не пересекать границ околопланетного пространства какой-нибудь легитимной цивилизации. «Пока Кукиш вне ваших грёбаных юрисдикций, я для Закона, что дохлый кролик для удава», – любил повторять хозяин Фобетора. И у него имелись веские причины так осторожничать.

За шесть столетий до описываемых событий, когда Фобетор ещё вращался по положенной орбите, им заинтересовалась известная трансгалактическая корпорация «Osmium Ltd» и вскоре десантировала туда дюжину самореплицирующихся агрегатов. За какие-то семь-восемь лет размножившиеся саморепликанты, точно жуки-древоточцы, выели астероид изнутри, переработав более половины всей его массы. Но вот промышленные запасы металлов платиновой группы были исчерпаны, и корпорация утратила к Фобетору интерес. Тогда-то Роджер ибн Хаттаб бен Соломон (в те времена ещё никто не называл его «Дохламым») и купил выпотрошенный астероид у «Osmium Ltd» по дешёвке, чуть ли не на вес пустой породы. А купив, исполнил наконец мечту своей жизни – открыл самый отвратительный притон в Обитаемой Вселенной. И назвал его, соответственно, «Кукиш дьявола».

В «Кукиш» стекались подонки, отморозки и отщепенцы со всех миров Местной группы галактик. В заведении Дохлого Роджера вечно толклись многосерийные убийцы и беглые диктаторы, межпланетные аферисты, клинические маньяки и

Александр Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Изящная словесность», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009) и «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с С. Юдиным).

Живёт в Москве.

даже несостоятельные заёмщики. Впрочем, «Кукиш дьявола» посещали и вполне обычные злодеи, тёмные личности с сомнительной репутацией, индипенденты разных мастей или просто любители запретных ощущений. Короче говоря, старина Роджер привечал любого, кто был не в ладах с законом.

По периметру центрального зала «Кукиша» зияли стрельчатые арки тринадцати УПС-порталов. Периодически они с лёгким чавканьем поглощали клиентов и со звуком рвущейся материи исторгали новых. Бармен за стойкой – сегодня это был папаша Спок – не обращал внимания на эту своеобразную круговерть. Как и на всё остальное вокруг. Привык за полтора столетия юлианских лет работы на Роджера. Да и смотреть-то было особенно не на что: две ленивые потасовки в правом углу, одна драка с поножовщиной – в левом, да звуки перестрелки из смежного зала, вот и всё. Старик зевнул и продолжил протирать мутный стакан. Аккурат за его спиной штандартом непобедимой бутылочной армады красовался плакат в тусклой осмиевой рамке. На нём был изображён пузатый джентльмен с толстой сигарой во рту; одной рукой он обнимал обнажённую девицу, а во второй держал початую бутылку виски; надпись под плакатом гласила: «У великих людей – великие пороки. Р.Х.С.».

Вдруг из четвёртого портала, расположенного в непосредственной близости от барной стойки, буквально вывалился гуманоид в потёртом костюме из кожи керберского мандриана и принялся ошалело озираться. Оглядел зал, споткнулся взглядом о пышную едва одетую гусеницу с планеты Чин-Чин, призывно извивающуюся у шеста, глубоко втянул густой, чадный воздух и шагнул к стойке. Папаша Спок сдвинул защитные очки на лоб и подмигнул новому клиенту.

– Это и есть «Кукиш дьявола», я правильно уПС-портировался? – спросил посетитель на межгалактическом, приглаживая длинные, стянутые в конский хвост волосы.

– В яблочко, – кивнул бармен, дыхнул в стакан и протёр концом грязного полотенца, перекинутого через плечо.

– А вы, наверное, Дохлый Роджер, так?

– Мимо цели. Сами-то кто будете, мистер?

– Меня зовут Артур Мартынофф. Я... писатель.

– Писатель? – поднял кустистые брови Спок. – Люблю на досуге полистать какую-нибудь книжечку. Как вы сказали ваше имя?

– Артур Мартынофф. Два «ф» на конце.

– Не слыхал, – задумчиво протянул папаша Спок. – Хотя, не запоминаю я вас, авторов-то. Вы про что пишете?

– Я научный фантаст, – после лёгкой заминки пояснил Мартынофф.

Папаша Спок присвистнул. Этот писательский союз в большинстве миров считался откровенно маргинальным, кое-где и вовсе был запрещён как тоталитарная секта, а на планетах эльфийско-гномьей конфедерации избалованного фантаста запросто могли подвергнуть творческой кастрации.

– Значит вы уПС-портировались в десятку, – усмехнулся бармен и протянул руку. – Для своих я папаша Спок.

– Очень приятно, – ответил фантаст, пожимая заскорузлую, покрытую химическими ожогами ладонь старика.

– Бывали у нас раньше?

- Нет, первый раз.
- Решили пересидеть неприятности?
- Не то что бы... Понимаете, папаша Спок, у меня творческий кризис.
- Вона как, – понимающе кивнул тот. – Что будете пить?
- Коктейль, пожалуйста. Какой ваш фирменный?
- Сегодня «Красный карлик».
- Пойдёт, – не вполне уверенно согласился Мартынофф.

Бармен бросил в шейкер прозрачный кристалл с резким запахом аммиака, отправил следом пригоршню разноцветных горошин и оросил всё это содержимым из трёх-четырёх бутылок. Как следует встряхнул шейкер, поставил на стойку, потом быстро сделал шаг назад и надвинул на глаза защитные очки. Артур тоже с опаской отступил в сторону. Смесь заклокотала, раздался хлопок, и крышка шейкера улетела куда-то в зал.

– Ваш «Красный карлик», – сказал папаша, подтолкнув стакан к Артуру.

Мартынофф застыл в нерешительности, уставившись на маслянистую жижу, что пузырилась в стакане.

– Может, чего-нибудь полегче желаете? – прищурился Спок.

Артур нахмурил брови, схватил стакан и залпом опрокинул в рот. В тот же миг кожа на его лице приобрела охристо-желтоватый оттенок и покрылась какими-то буграми и наростами, точно старая дубовая кора. Артур хотел утереть выступившие слёзы, но дотронувшись до лица, ахнул:

– Что со мной?!

– Ничего, ничего, пройдёт, – успокоил его папаша Спок и уважительно добавил: – А ты отчаянный малый.

Безобразные складки и впрямь скоро разгладились, а кожа последовательно сменила цвет с охристо-жёлтого на ярко-голубой, а потом на молочно-белый.

– Ну как? – поинтересовался Спок. – Кризис миновал? Или повторить?

– Выпивка не поможет, папаша Спок. Мне позарез нужен сюжет, какая-нибудь необычная история.

– Необычная история? Этого добра у нас навалом, – бармен сделал широкий жест. – Ступай к любому, он тебе такого порасскажет – глаза полопаются!

– Но мне не всякая история подойдёт, я ведь научный фантаст, – вздохнул писатель.

– Вона как. Что же тебя интересует? Ограбление года? Афера века? Или хочешь послушать про безответную любовь виртуальной каракатицы к эльфийской принцессе?

– Мне бы про что-нибудь, связанное с космическими технологиями, с наукой.

– С наукой у нас напряжёнка, – развёл руками папаша Спок.

– И не только у вас.

– А на кой шут, скажи, сдались тебе космические технологии? У тебя что, дома УПС-портала нет?

– Одна из целей нашего литературного союза – возрождение интереса к древнейшей истории человеческой цивилизации, – заметил Артур.

– Вона как, – протянул Спок. – Постой, дай подумать... Что б мне засохнуть! – воскликнул он после минутной паузы. – Бедолага Джим, вот кто тебе нужен!

– Кто, кто?

– Бедолага Джим, Джим-тоник. Откликается ещё на Наследника Джими. Познакомить?

– Ну, если его история и впрямь связана с космическими технологиями...

– Ещё как связана, – заверил бармен. – Мы-то её тут наслушались – из ушей лезет. А тебе наверняка понравится. Ну-ка, пойдём.

Папаша Спок вышел из-за стойки, решительно взял Артура за локоть и увлёк в погибельные глубины «Кукиша дьявола». Сопровождаемые разноязыкими окликаками и интергалактической матерщиной, они двинулись между столиками. Со сцены им вслед гремел хит популярной в этом цикле группы «Карантин»:

*Накося, выкуси!
У нас вдоволь закуси,
И винница дохренища.
Запаслись мы лет на тыщу!
Эх! Эх! Эх! Эх!
Положили мы на всех!*

Они по диагонали пересекли шумный центральный зал и нырнули в треугольную арку. Взорам Артура открылось смежное помещение с низкими закопченными сводами; стены его терялись во тьме. Тут и там из косматого сумрака выглядывали какие-то безобразные хари, одна гаже другой. Впрочем, на вошедших никто не обратил внимания. Лишь два-три завсегдастая скользнули по Артуру осоловелыми взглядами и снова утопили их в глубинах своих стаканов.

Спок подвёл Артура к столу, за которым расположилась весьма причудливая компания: нетрезвая девица с растрёпанными белокуроыми космами, пузатый крепыш-маломерок, с лицом, заросшим бородой до самых бровей, и бледный до прозелени брюнет, по всей видимости, мёртвый. Во всяком случае, он был весь какой-то... окоченелый что ли; впечатление усугубляли широко разинутый рот и пустые, точно пуговицы глаза. Ещё один стул занимал цветочный горшок, из которого торчал развесистый клюквенный куст.

– Вся шайка в сборе, – удовлетворённо заметил папаша Спок. – И славно, сейчас я вас перезнакомлю. Это Артур, – представил он Мартыноффа, – писатель. Специально к нам упс-портировался, чтобы послушать историю Бедолага Джима, вона как. Это, – бармен указал на растрёпанную девицу, – магичка Шварцлох, она же Белокурая Бестия с Младшей Эдды. Депортирована оттуда по причине злонамеренной невменяемости, а также за бл... пардон, за бесстыдство.

Магичка хихикнула и подмигнула Артуру.

– С ней рядом – Альбрих, цверг со Старшей Эдды. Между прочим, тамошний министр культуры. Правда, с тех пор как Старшую Эдду оккупировали ётуны – цвергское правительство пребывает в изгнании.

При виде цверга Мартынофф невольно поморщился: цвергов он недолюбливал; понимал, конечно, что это неправильно, ксенофобский пережиток, но ничего не мог с собой поделать. Вроде и гуманоиды, а вот не лежит к ним душа, да и всё! Впрочем, цверг тоже бросил на Артура взгляд далеко не любезный, почти злобный, а вместо приветствия презрительно высморкался в бороду.

– А это, – продолжил Спок, уважительно кивая в сторону клюквенного куста, – сэр Генри Питтон де Турнефор младший, известный

революционер и при этом щедрый меценат; финансирует сепаратистов по всему Млечному Пути, и даже в Андромеде и Треугольнике. Моё почтение, сэр Генри!

В ответ сэр Генри-младший меланхолично шевельнул ветвями. Или что там у него было.

– Ну а вот и сам знаменитый Наследник Джимми, наш славный старина Джим-тоник, – с этими словами папаша Спок от души хлопнул бледного брюнета по спине. Но тот лишь качнулся вперёд и вновь застыл с бессмысленным достоинством трупа, даже рта не закрыл.

– Алкогольная кома, – констатировала Белокурая Бестия, – ещё с обеда в отключке.

– Вона как. Ничего, двойная порция «Взрыва Сверхновой» живо прочистит ему мозги, – заверил папаша Спок и приставил к столу ещё один стул. – Ну, Артур, ты пока располагайся, а я принесу выпивку. Кто чего будет?

– Угостишь нас, парниша? – спросила магичка, придвигаясь к писателю.

– Само собой, – кивнул Мартынофф.

– Тогда мне порцию «Тёмной материи».

– Пинту эля, – буркнул Альбрих. – И смотри, поменьше пены.

– Я, пожалуй, тоже выпью эля, – определился писатель.

– А вам, сэр Генри, как всегда? – уточнил бармен.

Клюквенный куст согласно качнул ветвями, усыпанными красными горошинами ягод.

– Хочешь, я расскажу тебе свою историю? – предложила между тем магичка Шварцлох. – Гарантирую, уснуть под неё ты не сможешь.

– Конечно! Всем до смерти интересно знать, с кем ты трахалась, – ворчливо заметил цверг.

– Заткнись, старый импотент! – взвизнула магичка.

– Шлюха, – не остался тот в долгу.

Обмен любезностями прервался с возвращением папаши Спока; он поставил на стол заказанные напитки: две кружки пива, коктейль и рюмку некоего ядовито-зелёного зелья для сэра Генри. После чего одной рукой зажал Наследнику Джимми нос, а второй залил стакан чего-то шипучего и переливчатого прямо ему в рот, благо тот был открыт. Мертвенно-бледное лицо Джимми покраснело как помидор, он захрипел, затрясся, схватился обеими руками за горло и гулко рыгнул. Магичка щёлкнула пальцами, и изо рта Наследника вырвался огненный выхлоп, едва не подпаливший Альбриху бороду. Пахнуло палёным волосом.

– Стерва долбанутая, – констатировал министр культуры, хлопая себя по закурчавившейся бороде.

– Так с дамами не рав... раговза...раз-го-вар-ривают, – выговорил воскресший брюнет и с любопытством новорожденного огляделся вокруг. – Эге, знакомые всё лица... А вы кто будете? – спросил он Артура. – Вроде, я вас раньше здесь не видел.

– Это Артур, Артур Мартынофф, на конце двойное «ф», он писатель, – ответил за того бармен. – Артур очень хочет послушать твою историю, Джимми. Ты уж меня не подведи, я ему пообещал, вона как.

– Да? – Брюнет остановил на Артуре вполне уже осмысленный, даже заинтересованный взгляд. – Ну что ж, пусть так... Ничего не имею против. Вот только в горле пересохло, точно в пекле.

– Это поправимо, – понял нехитрый намёк Мартынофф. – Папаша Спок, принеси-ка мистеру Джиму пинту эля.

– Раз такое дело, – ухмыльнулся брюнет, – можно просто Джим. И к ётунам эль! Пускай несёт тройной джин с тоником. Тоника поменьше, а джина побольше.

– И закусить чего-нибудь, – с долей беспокойства крикнул вслед бармену писатель.

– Что ж, мистер как вас там... – начал Джимми, потирая руки и бросая хищный взгляд на рюмку сэра Генри. Тот поспешно зацепил её одной из ветвей-псевдоподий и опрокинул в свой горшок.

– Артур. И тоже без мистера.

– Хорошо, пусть так, – вздохнул Бедолага Джим. – И с какого же перепугу тебя заинтересовала трагическая история моей непутёвой жизни, Артур?

– Папаша Спок сказал, что она как-то связана с космическими технологиями...

– А ты часом не коллекционер? – резко повернувшись к писателю, спросил Джимми.

– Нет, – удивлённо пожал плечами Мартынофф.

– Ненавижу коллекционеров! Проклятые старьёвщики. Собирают всякий хлам, а честным людям от того одни неудобства.

– Я писатель, забыл?

– Проверить никогда не помешает.

– Просто расскажи ему, Джимми, – произнёс цверг Альбрих, – и пускай он уже отвяжется, со своими технологиями.

Папаша Спок поставил перед Джимом высокий бокал и блюдо с жареными личинками брандашмыга, подрумяненными до хрустящей корочки, красными от жгучего тартарского перца. Тот сделал порядочный глоток, закусил личинкой и удовлетворённо поморщился:

– Пусть так, приступим... Родился я триста пятьдесят юлианских лет назад на Мегере; это самая окраина галактики Треугольника, шаровое скопление Эриний, система Гекаты, если кто не в курсе... Ну, не в этом суть. Семья, в которой мне повезло появиться на свет, была весьма обеспеченной. Папаша мой сделал капитал на торговле фарисейскими гекапами, и фирма его достигла немалого процветания. При всём том человеком он был ограниченным, даже невежественным. Среди коммерсантов такое не редкость, вы, верно, знаете...

– Джим! Джим! – прервала рассказчика Белокурая Бестия. – Только про папу не надо. Давай, ближе к телу.

– Ну, пусть так, – согласился Джим-тоник. – В общем, я рос избалованным ребёнком, с малолетства ни в чём не знал отказа. И хотя, когда пришло время, определили меня, понятное дело, в самый престижный мегерский университет и всё такое, учеба меня не интересовала. И с чего бы? Я ж не собирался работать. Денег у меня и без того хватало. Впрочем, одно дело я всё ж таки освоил неплохо – игру. Играл я во что угодно и где угодно. В рулетку и в покер, в кости и в лотерею, и, разумеется, в крестики-нолики; делал ставки на сильванских бегах и на лингамских скачках... Но опять же, интересовал меня скорее сам процесс, нежели результат. Всё по той же причине. Так оно и шло, пока папаша исправно снабжал меня наличностью. Однако никто не вечен... Кроме Дохлого Роджера, понятное дело. Короче говоря, после смерти

родителя я спустил семейные денежки, а следом и весь отцовский бизнес в каких-нибудь три-четыре года. И остался на мели. Но и это меня не отрезвило – я продолжал играть. Только уже не из чистой любви к искусству. Я вышел на профессиональный уровень. А что было делать? Других-то средств к существованию у меня не осталось. М-да... Порой мне выпадал жирный джекпот, иной раз удавалось сорвать приличный банчок. То бишь я не особенно бедствовал. Но со временем про меня пошла дурная слава. Дескать, Джим не чист на руку, и всё такое. В конце концов – увы – двери приличных игорных заведений Треугольника передо мною захлопнулись. Как говорит наш гостеприимный хозяин: все козлы, а мир несовершенен! Я уже стал подумывать перебраться куда-нибудь в Туманность Андромеды, где меня никто не знал, а порой – в минуты полного безденежья и особенного отчаяния – даже строил планы устройства на какую-нибудь работёнку. Видите, господа, я тогда натурально стоял на пороге безумия!

– Лучше не скажешь, – проворчал Альбрих и шумно высморкался в бороду.

Джим смочил горло, отправил в рот очередную жгуче-красную личинку и продолжил:

– Тут-то в моей жизни и появился дядюшка Пол. О том, что мультимиллиардер Пол Крестовский доводится мне родственником – троюродным дядей со стороны матери, я знал и раньше. Новостью для меня стало то, что никаких других наследников, кроме меня, у дяди Пола нет, и не предвидится. Прознав об этом весьма отрадном факте, я немедленно нанёс дяде визит вежливости. Надо же было выяснить, как здоровье моего единственного родственника.

– И потенциального наследодателя, – вставил министр в изгнании.

– Пусть так, – легко согласился Бедолага Джим. – Принимая во внимание бедственное положение, в котором я тогда находился, думаю, никто не поставит мне этого в вину. Да, меня до желудочных колик интересовало, сколько ещё старикан протянет. Но тут меня ожидало первое разочарование: для своих лет Пол Крестовский чувствовал себя превосходно. Он вёл скучный, размеренный образ жизни, не имел вредных привычек или каких-нибудь нездоровых страстишек... Короче, на близкое открытие наследства рассчитывать не приходилось. Впрочем, принял он меня весьма любезно. Даже расцеловал. Только на черта мне сдались его поцелуи! Мне было нужно его состояние...

Рассказчик прервался, чтобы сделать очередной глоток и, обнаружив, что тарелка пуста, сорвал с клюквенного куста ягоду и отправил в рот.

– O tempora, o mores, – неожиданно для всех прошелестел сэр Генри.

– Каковы времена, таковы и нравы, – парировал Джим. – На чём бишь я остановился? Ах, да! Я упомянул, что дядя не имел дурных наклонностей. Кроме, пожалуй, одной: он был заядлым коллекционером всякого космического мусора. И главной страстью дяди Пола являлись орбитальные корабли эпохи первобытного – посредством летательных аппаратов – освоения космоса. Всю обширную территорию его загородного поместья загромождали гигантские кучи металлического лома – то, что сохранилось от этих самых кораблей. И хлам этот он приобретал за немалые деньги. У меня просто душа кровью обливалась, когда дядя с достойной маньяка гордостью демонстрировал мне свои «сокровища». Боги Метагалактики! сколько профуканных миллионов, сколько несделанных ставок! Но я решил не отчаиваться. Наоборот, постарался во что бы то ни стало произвести на Пола Крестовского самое

благоприятное впечатление. Я включил всё своё обаяние: пытался как-то развлечь старика, выказывал интерес к его историческим разысканиям, и всё такое. Даже восхищался ржавыми дядиными железками... И вот, когда между нами установились по-настоящему родственные, доверительные отношения, Пол показал мне «жемчужину» своей долбанной коллекции. На заднем дворе его поместья в специальном ангаре хранился настоящий космический челнок в рабочем состоянии. Надо было видеть, с каким торжественно-глупым выражением лица дядя Пол сорвал со своего детища укрывавшее его полотно! Как любовно оглядывал эту белоснежную, восьмидесятитонную махину, напоминавшую со стороны разжиревшую пулярку. Он даже придумал кораблю имя... э-э... вот, чёрт! На языке вертится... Не то «Варан», не то «Братан»...

– «Буран», – подсказал Артур Мартынофф.

– Верно, «Буран», – согласился Джим-тоник и подозрительно прищурился: – Ты точно не коллекционер?

– Точнее не бывает. Но историей интересуюсь.

– Пусть так, верю.

– Ну, ну! – подстегнул его Артур. – Рассказывай дальше.

– Дальше, – зевнул Наследник. – Уж не знаю, вспомню ли – мозги совсем засохли.

– Папаша Спок! – крикнул писатель. – Принеси Джиму ещё порцию джина и закусить. Остальным тоже повтори.

– Челнок этот, – продолжил Джим, размочив мозги, – в отличие от прочих дядиных экспонатов, не был раритетом. Его построили по специальному заказу Пола. Но с использованием подлинных чертежей тех времён, когда на подобных штуковинах и впрямь летали. Правда, только до орбиты и обратно. Дядя же велел своим конструкторам сделать так, чтобы его челнок смог выдержать и межпланетный перелёт. Для дядиногo удовольствия мне пришлось наизусть зазубрить всю эту машинерию, так что слушайте и удивляйтесь, – Джим прикрыл глаза. – «Буран» был оснащён твёрдофазными ядерными двигателями. Сколько их было всего, не помню. Зато хорошо помню, что до практического применения этих двигателей человечество так и не дошло – с появлением УПС-порталов в них отпала всякая необходимость. Но стендовые испытания проводились. Это всё мне Пол рассказал. Ещё на челнок установили пару плазменных двигателей – резервных. Но эти могли пригодиться только в космосе.

– Поразительно! – воскликнул Мартынофф.

– Сам удивляюсь, – согласился Наследник Джимми. – Название корабля едва вспомнил, а казуистика эта до сих пор от зубов отлетает. Сюрпризы памяти! Только и это ещё не всё. Дядиной идеей фикс стал реальный межпланетный полёт на «Буране», можете себе представить? Причем он жаждал осуществить полёт самолично! Оказалось, он давно замыслил это дело и всё хорошенько обмозговал. Пол решил слетать с Мегеры на Горгону, ближайшую к Мегере планету в системе. Полёт, по его расчётам, должен был занять восемь с половиной мегерских месяцев. То есть шесть юлианских. И эта бредовая мысль совершенно овладела его сознанием.

– Восемь с половиной, – уточнил писатель, – это туда и обратно?

– Только туда. Горгона достаточно обжитая планета, и обратно дядя Пол намеревался упс-портироваться вместе с «Бураном» через грузовой портал. Пола Крестовского можно конечно считать одержимым, и всё такое, но

безумцем он не был. Полёт даже в один конец – предприятие весьма и весьма рискованное. Ведь человеческая цивилизация до Пола никогда не осуществляла пилотируемых межпланетных перелётов. Да и, насколько мне известно, никакая другая – тоже.

– Нет, – не согласился Артур Мартынофф, – девильские кракены успели неплохо освоить межпланетное пространство. К тому времени, как мандрагваздеры проложили к ним первый УПС-портал, они уже всю бороздили свою планетную систему.

– Пусть так, – отмахнулся рассказчик, – но кракены не гуманоиды. Я же имел в виду гуманоидные цивилизации. Ладно, продолжаю. Можете мне не верить, но поначалу я честно отговаривал дядю от этой опасной затеи. Дядюшка, говорил ему я, что ты творишь? У тебя дома УПС-портал, на Горгоне тоже – зайти и выйти! А он: «Джим, родной мой, в этом вся соль. С тех пор, как у разумных существ в Обитаемой Вселенной отпала необходимость решать задачи космического масштаба, наука стагнирует, наши цивилизации деградируют, а носители разума превращаются в пассивных гедонистов».

– Это точно, – вздохнула магичка Шварцлох, – нормальных мужиков почти не осталось.

– Пусть так, урезонивал его я, но что изменит твоя авантюра? «Буран» построен на основе первобытных космотехнологий десятивековой давности. Это ж огромный риск лететь на таком антиквариате! Но Пол, знай, гнул своё: «Как ты не понимаешь, племянник? Я должен совершить полёт на Горгону именно на таком, как ты его называешь, антиквариате. Это, можно сказать, сюжетообразующий элемент! Я совершу то, что мы, люди, обязаны были сделать ещё тысячу лет назад. Кроме того, своим полётом я подам пример, зажгу сердца...». Ну и прочее «бла-бла-бла» в том же духе. Короче, отговорить его я не сумел. И вот тогда – только тогда, подчеркиваю! – у меня зародилась мысль. Поначалу это была крохотная такая, считай, шутейная мыслишка. Но она росла, росла...

– И выросла в козла, – закончил за него цверг Альбрих.

– И превратилась в огромную всепоглощающую МЫСЛЬ, – не обращая внимания на реплику, продолжал Бедолага Джим. – Вот он, твой шанс, крутилось у меня в голове, непусти его. Сама судьба даёт его тебе в руки. Что за шанс, спросите вы, наверное?

– Разделаться с дядей и завладеть наследством, – мстительно разрушил интригу сэр Генри Питтон.

– Ну... пусть так, – вынужден был признать Джим. – А кто меня осудит, учитывая все обстоятельства?

– В Кукише точно никто, – заявил цвергский министр, насмешливо сморкаясь в бороду.

– Послушайте, – неожиданно обратился к нему Мартынофф, – не могли бы вы прекратить постоянно сморкаться?

– Это ещё почему? – вытаращил глаза Альбрих.

– Меня ваше сморкание отвлекает... и вообще.

– Да-а, – покачал головой цверг, – с культуркой у тебя слабовато. Только заявился, а уже хамишь. А туда же – писатель.

– Хор-рош собачиться! – прикрикнула Белокурая Бестия чуть заплетающимся языком. – Вечно так – перепьются и давай... Пусть Джим-тоник рассказывает, дальше самое смешное.

– Кому смех, а кому грех, – вздохнул Джим и стукнул пустым бокалом. – Рассказывать что ли?

Точно из-под земли вынырнул папаша Спок и вопросительно взглянул на Артура. Тот кивнул.

– На орбиту «Буран» должен был вывести двухступенчатый ракетный носитель, – подавляя икоту, продолжил Наследник Джим. – И снова сюрприз из прошлого: я до сих пор помню, что первая ступень имела кислород-керосиновые двигатели, а вторая – кислород-водородные. За каким чёртом, спросите, я это запомнил? Сам не знаю. Но суть не в этом. Перед самым стартом один знающий человек (по чьему заданию, объяснять, полагаю, не надо?) как следует покопался в бортовой навигации. Короче, долететь до Горгоны у дяди Пола шансов не имелось. Он был обречён сгинуть в глубинах Вселенной. И шансов на спасение у него тоже не было. Ведь к тому времени во всём Обозримом Космосе не осталось ни единого управляемого космического аппарата. Кроме дядино, разумеется. Орбитальные спутники, и всё такое, можно не считать. Покончив с делами и дождавшись старта, я лёг в анабиозную камеру, запрограммировав пробуждение через сто тридцать один год. Чтобы, значит, проснуться по-прежнему молодым, но уже богатым.

– Зачем же на такой долгий срок? – удивился Артур Мартынофф. – Неужто Пол Крестовский мог прожить в автономном полёте сто тридцать с лишним лет?

– Сразу видно, что ты не знаком с гражданским законодательством Мегеры. Оно весьма строгое. А семейное и наследственное – в особенности. Так вот, если тело так и не обнаружено, официально умершим человека могут признать лишь по истечении ста тридцати лет. Причём не мегерских, а условных юлианских.

– Бред какой-то!

– Когда мой дедушка, будучи в отпуске, нырнул со скалы в море, да так и не вынырнул, моей бабушке пришлось ждать ровно сто тридцать лет, чтобы вторично выйти замуж. Разводить в отсутствие одной из сторон суд по закону не имел права, вот и пришлось дожидаться официального признания вдовой. Так-то! Но суть опять же не в этом.

Белокурая Бестия неожиданно зашлась смехом. Джим взглянул на неё с укором, но рассказа не прервал:

– По прошествии ста тридцати одного года, отойдя от анабиоза, я с удовлетворением узнал, что с дядей Полом вышло даже удачнее, чем задумывалось изначально. Он, как и положено, сбился с курса, но не затерялся в глубинах Космоса, нет. Вылетев за пределы нашей планетной системы, «Буран» взял курс напрямиком на Старую Вёльву...

– Старая Вёльва? – перебил Мартынофф. – Кажется, так называют черную дыру где-то на окраине Треугольника.

– Точно. Так вот, пока я спал, дядин челнок благополучно в неё затянуло. То бишь, факт смерти налицо. Впрочем, мне всё одно пришлось идти в суд с заявлением о признании Пола Крестовского официально погибшим. Но это была лишь пустая формальность! В мечтах я уже тратил дядины миллиарды... Как вдруг судьба вновь щёлкнула меня по носу. Да что там – щёлкнула! Показала мне кукиш, вот как! В суде неожиданно выяснилось, что дядя Пол

застраховал свою жизнь на кругленькую сумму. В результате причитающийся мне куш вырос почти в полтора раза.

– Что ж в том плохого? – не понял писатель.

– Вот, слушай. Когда я уже торжествовал победу, в заседание явился следователь страховой компании. Эдакая гадкая, отвратительная рожа! Протокольная душонка! Крыса кабинетная! Чтоб ему... чтоб ему зачервиветь, кровососу!

Джим разом опрокинул в себя остатки спиртного. Отдышавшись, он продолжил:

– Так вот, явился следователь и предложил суду в режиме реального времени обозреть снимки, сделанные межгалактическим телескопом «Бубль» – тот как раз по касательной пересекал эргосферу Старой Вэльвы. А на этих треклятых снимках я и все прочие увидели дядин челнок. Да, да! «Буран», как ни в чём не бывало, висел над самой Старой Вэльвой! И, похоже, не собирался в неё падать. Правда, выглядел он изрядно сплюснутым. Зато, при должном увеличении, можно было различить самого дядю Пола, приникшего к иллюминатору. О, это был гром среди ясного неба! Настоящая катастрофа! Разумеется, суд категорически отказался признать умершим лицо, которое совсем даже и не пропало. И которому едва ли ни рукой можно помахать: «Привет, мистер Крестовский! Как вы там? Не скучаете?»

– Эффект гравитационного замедления времени? – догадался Артур.

– Именно! Уже потом адвокаты растолковали мне, что к чему: весь фокус, оказывается, в гравитационном поле дыры. Сила её тяготения настолько чудовищна, что не выпускает наружу даже свет! Оттого-то с точки зрения внешнего наблюдателя все физические процессы падающего в дыру объекта идут всё медленнее и медленнее. Пока вовсе не замрут. Иначе говоря, по мере приближения любого объекта к этому... как его дьявола?

– Горизонту событий, – подсказал писатель.

– Во-во, к горизонту событий чёрной дыры объект замедляется сильнее и сильнее. И в конце концов останавливается. На самом-то деле ничего подобного не происходит. Просто внешний наблюдатель никогда не сможет увидеть, как объект пересечёт горизонт событий.

– Как же дело развивалось дальше? – поинтересовался Артур.

– Хреново развивалось. На родной планете я не нашёл справедливости – всем известно, что в наших мегерских судах сидят одни маразматика-ортодоксы. Беда в том, что к мнению этих старых пердунов прислушиваются. И ещё как! Куда бы я потом ни обращался, в какие бы двери ни стучал, везде и всюду получал отказ. Короче говоря, я потерпел неудачу во всех судебных инстанциях Обитаемой Вселенной. А что удивительного? Проклятый следователь всякий раз совал судьям снимки «Бурана»: вот-де Пол Крестовский, и никуда он не пропал, местонахождение его нам известно, и всё такое... Так я дошёл аж до Президиума Высшего Межцивилизационного суда Справедливости на Асгарте. Но и Президиум отказал в удовлетворении моей жалобы. А его решение обжаловать просто некуда. Так-то! Я уже и к специалистам ходил, к учёным всяким. Ведь когда-нибудь, спрашиваю, «Буран» свалится в Старую Вэльву? Пускай, говорю, случится это нескоро, пускай очень нескоро – я готов подождать! Скажите только, сколько? Сто лет? Двести? Пятьсот?! Они в ответ: ждать придётся вечность.

– Пойдём со мной, – предложила магичка Шварцлох, сочувственно потрепав Бедолагу Джима по голове, – и вечность покажется тебе мгновением.

Артуру ни с того ни сего стало бесконечно грустно. Даже тоскливо. И вовсе не от того, что его расстроили злключения Джима. Скорее, напротив. Какая смелая, какая радужно-чистая мечта погибла, с горечью думал он. И всё из-за глупой жадности ничтожного интергалактического хлюста. Ему захотелось немедленно напиться.

– Что же теперь? – спросил он.

– Что теперь? – с усмешкой переспросил Джим. – Теперь я сижу здесь, в Кукише. Коротая вечность.

– У всего есть конец, – философски изрёк министр в изгнании, – когда-нибудь и вечность кончится.

– Надежды – сны бодрствующих, – едва слышно прошелестел клюквенный куст.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета». Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«Чтоб в эту жизнь – добро и свет нести...»

Любите жизнь!

Любите жизнь, она у вас одна!
Всего одна... и слишком быстротечна.
Идёт, быть может, медленно она,
Но, как поток воды, уносит в вечность.

Вот потому и хочется успеть
Найти в ней для души своей – опору,
Чтоб стать счастливым: и любить, и петь,
И не терпеть ни брани, ни раздора.

Чтоб в эту жизнь добро и свет нести,
Ведь от добра – душа растёт крылатой.
Чтоб на нелёгком жизненном пути,
Она бы стала мудростью богата.

Случилось!

Это случилось просто:
Ветер дохнул в лицо.
Я ощутила остро
Горькой судьбы кольцо.

Ты на меня, как осень,
Взгляд утомлённый свой –
Холодно слишком бросил
И поспешил домой.

Хлопнула дверца лифта,
Стихли твои шаги.
Стало в квартире тихо,
Как среди ночных могил.

Я не рванулась следом,
Лишь приглушила свет.
Плечи накрыла пледом,
Пачку взяв сигарет.

Нет, я не затоскую,
И не уйду в себя.
...Я даже не приревную,
Свободу взахлёб любя.

Художница

Нарисую солнце, горы,
Море, доли и леса,
И чтоб эти все просторы –
Обнимали небеса.

Снеговые сверху шапки
Дорисую не спеша.
А в долине – две лошадки.
А в кармане – ни гроша.

Чтоб легко на сердце стало, –
И отрадней, и светлей, –
Нарисую парус алый
Среди белых кораблей.

...Шелестит волна с волною
На рисунке на моём.
Дверцу я в мечту открою,
Чтоб сбылась мечта... потом.

Всё посёлки да коттеджи,
А полей – в помине нет.
Нет их там, где были прежде
Очень много-много лет.

Высоченные заборы
Отделяют нас от них,
Тех, которым нет и горя
До людей – увы! – простых.

Земли лучшие России
Распродались богачам,
Чтоб жилось светло, красиво
Всем буржуйам и рвачам.

А народу – жить в халупах,
Всё плохое – беднякам.
– Так живётся нам, неглупым,
Миллиардам батракам.

Ах, юность ушедшая!

Как многого хочет усталое сердце:
И лёгкий покой, и безудержность скерцо,
И нежную дымку осеннего леса,
И трели, что льются порой с поднебесья!

Так хочется всем этим сердце наполнить,
Чтоб в зимнюю стужу однажды припомнить
И нежный закат, и прозрачность росинки,
Что с ландыша падает, будто слезинка.

Ах, лето туманное! Юность ушедшая!
Какой же была я тогда сумасшедшею:
Романтика, грёзы, наивность ребёнка –
Рассыпались годы стеклярусом звонко.

